

love_sf
network_literature

Мая
Юрьевна
Арминская
<https://coollib.net/a/182553>

Истинная пара дракона (СИ)

Меня зовут Мариабелла. Я происхожу из графского рода Эймитов и я та счастливица, которой издевкой судьбы была оказана сомнительная честь быть истинной парой для дракона, против которого однажды смог ополчиться мир.
Впервые он появился в моей жизни одним холодным утром марта, когда мне исполнилось восемь. С тех пор стал постоянным и единственным гостем на праздниках по моему дню рождения, вне зависимости от моего согласия. Он был моим страхом, затем другом, дальше — врагом, возлюбленным, а сейчас... тюремщиком. Впрочем, пожалуй, им он был всегда. И я все чаще задавалась вопросом: есть ли истинность в его, моей любви? Ведь мое сердце принадлежало другому, а дракон, как известно, сердца... не имеет.

ru

ProstoTac

calibre 3.27.1, FictionBook Editor Release 2.6.7
01.02.2019
<https://www.litmir.me/bd/?b=635798>
C25A432F-FB9F-44D4-BF3A-186CB1428F25
1.0

v 1.0 — структура, скрипты ProstoTac

СИ
2019

Мая Арминская
ИСТИННАЯ ПАРА ДРАКОНА

Пролог

Он рядом. Неуловимой тенью за спиной, легким дуновением ветра, отголоском ироничного смеха, едва ощутимым нежным касанием и щекотным поцелуем. Каждый раз, лихорадочно оборачиваясь, я ожидаемо встречалась с пустотой, вновь и вновь находя себя в звонком одиночестве на грани безумия... Лишь тихим эхом звучал за невидимой чертой приглушенный смех. Я слышала шепот над ухом, знакомое до боли, насмешливо-протяжное «Ма-ара, моя Ма-ара». Я кричала, меня почти выворачивало — но он не отступал. Здесь, близко и далеко. Он сводил меня с ума в самом буквальном смысле. Его имя преследовало меня навязчивым звоном, становилось все громче и громче, отчетливее и гневнее с момента, как я сбежала. Он — моя печальная судьба.

Это имя я слышала с самого детства. Обрывками лихорадочных фраз, испуганным шепотом, тихим ругательством и проклинанием. Нет, он не дьявол. И не кто-то из божеств, к которым обращаются жители моего мира. Он хуже любого демона, кошмарнее всяких ужасов ночи. Никакой бабайка не грозил мне во тьме, ведь я знала: тот, кому я принадлежу, запросто свернет шею монстру из шкафа.

Он тот, кто приходит с рассветом. Его пронзительный до мурашек взгляд темнее черного, но не приведите боги увидеть в этой черноте красный оттенок ярости. Я знала одно: он один из НИХ. Тех, кто решает судьбы, кто тайно стоит на вершине мировой иерархии. Крылатые. Бессмертные.

Драконы. Нет на свете силы, что бы их превосходила. Древнейшие из существ, сильнее в природе. Последние из погибшей некогда расы, они остались, к счастью, бесплодны, но, к несчастью, злы, практически всемогущи и... вечны. Их фактически невозможно убить, а если возможно, то не моему окружению. Тайна их истребления осталась в далеких темных тысячелетиях прошлого, и любые, если они вообще существовали, сохранившиеся мемуары, раскрывающие слабости этой расы, загадочным образом исчезли. Уяснив свою ошибку и оставшись в печальном и неисправном меньшинстве, драконы стали скрываться. Бессмертные спрятали за масками долгоживущих архимагов, а властолюбивую натуру подкармливали постепенно, перехватывая заочно управление так тихо и незаметно, насколько это было можно. Судя по тому, что мало кто подозревал о реальности ящеров не только в настоящем моменте, но и вообще в истории, это получалось превосходно. Заняв особое место в мире драконов, к своему сожалению, я, как никто другой, хорошо уяснила, кто теперь на самом деле держит власть над Заветным миром в цепких лапах, впившись в нее острыми когтями, как в сказке усевшись на гору своих сокровищ.

Стоит ли говорить об их опасности? Это жуткое, давящее, оцепеняющее влияние магической сущности дракона ощущал любой, даже если он не знал, что именно скрывается за человекоподобной личиной. И всю сознательную жизнь мне твердили о правилах: не противиться воле дракона, не смотреть в его глаза, ни за что не лгать и никогда, никогда не убегать — ведь зверь этого и ждет!

Я нарушала их все.

Часть первая Дневник

В последние ночи мне часто снились кошмары. Живые, беспокойные, темные, они неизменно приходили после долгих попыток уснуть под грузом давящих мыслей. В них, во снах, горько-сладких, исполнялись мои несбыточные надежды. И в главной роли, конечно же, всегда он. В надежде оттянуть наплыв жутких видений с неясным и совершенно неразборчивым, но пугающим до криков по пробуждению происходящим, я часто отвлекалась собственными воспоминаниями. Думала о том, как все начиналось. Как могла моя красивая сказка об истинных чувствах и высоких метаниях закончиться так резко, слезами и трауром? Мне казалось, что ошибка где-то далеко в прошлом, там, где история брала свое начало. Можно ли что-нибудь изменить в памяти? Нет, конечно, нельзя. Но, обдумывая прошлое, можно изменить настоящее. Так он мне сказал однажды. И часто сомневаться в его правоте не приходилось.

Чем больше я размышляла, тем сильнее было желание поделиться переживаниями и воспоминаниями с кем-то. Но мне было не с кем поговорить, некому раскрыться. А что делают люди, когда отчаянно хотят рассказать? Пишут.

Сегодня, в последнюю ночь перед судным днем — днем моей свадьбы, я не смогла спать вовсе. В моем окне одиноко горел свет от настольной лампы, и время от времени раздавался шорох переворачиваемых страниц. Нет, я не читала. Пустые бежевые страницы книги заполнялись моей собственной рукой. Мною завладел безумный азарт, перо рисовало живые символы со скоростью настоящего писателя, фразы мчались вперед, без остановки; перед взором проносились описываемые картины прошлого.

Книга моей жизни брала корни в милом детстве, где перед сном читались хрипловатым голосом престарелой гувернантки сказки о принцах и принцессах, а утро начиналось с церемонии завтрака графской семьи. Моей любимой всегда была история о принцессе, томившейся в плену, и драконе, которого побеждал некий мужчина благородных кровей и намерений. Кто знал, что сказки так жестоко воплощаются в реальность?

Эта сказка началась в морозное утро марта, когда мне исполнилось восемь полных лет. Мой гость продемонстрировал скверную привычку приходить рано-рано утром, причем это было очень холодное утро: меня разбудили неласковые прикосновения упрямо не желающей уходить леди Зимы. Виной тому было открытое настежь окно, но я точно помнила, что плотно закрывала ставни.

Он не скрывался. Сидел на широком подоконнике, спиной без опоры к раме, и задумчиво на меня смотрел. В какое состояние придет ребенок, увидев на подоконнике незнакомца в своей комнате спросонья, видимо, не учитывал. А может, ему было все равно или он и вовсе наслаждался страхом, затопившим в мгновение меня от пальцев ног до макушки, отдавшись душным комом тошноты у горла. Это был тот х, смешанно-детский, глубоко подсознательный страх: страх темноты, что полумраком в едва проглядывающихся очертаниях комнаты клубилась, слабо разгоняемая только начавшим свой восход солнцем и страх того, кто в ней, в темноте. На самом деле он вовсе не походил внешне на монстра, не имел ни клыков, ни рог, ни даже чешуи, но я, выросшая на жестоко-реалистичных сказках, знала, что самые страшные монстры скрывались за поразительно красивыми лицами. Страх был самый банальный, и стал для меня шоком. Возможно, если бы любой другой сидел так же перед моей кроватью, я бы рассудила, что это вор и убийца, закричала бы, позвала на помощь или бросилась бежать. Но это было не то и не другое — нечто много хуже. В моем горле как будто застрял кусок льда. Тяжесть ауры странного мужчины навалила длинными лапами на плечи, болезненно впиваясь когтями и железно приковывая к постели. Я рассматривала фигуру на подоконнике, закрывающую собой рассветное солнце, что терялось позади него в белом снегу этих нереально длинных волос, и мне казалось, стоит шевельнуться — он бросится...

В перепуганном детском сознании возникали сотни вариантов продолжения. Почему-то лидировали жуткие концовки с пожиранием заживо, хотя нежитью его назвать можно было в последнюю очередь.

Но он не сделал ничего. Пару секунд еще выдерживал мой перепуганный взгляд, прислушивался к, наверное, оглушительному стуку моего обезумевшего сердца, а потом вдруг улыбнулся уголками губ — может, думал, что успокаивающе, но мне лишь стало хуже — и исчез.

Я не решилась никому рассказать ни о самом призраке-мужчине, ни о подарке в виде рубинового кулона, который он оставил, развеяв тем самым хрупкие надежды на то, что все было лишь остаточным сном. Доказав, что более чем реален. Что-то на уровне подсознательного удерживало меня от болтовни, вытесняя отчаянное желание выговориться, спрятаться за спинами своих родных. Мне стало понятно уже тогда, где проходят границы возможностей защиты мамы и папы, и украшение я надевала с дрожью в пальцах, долго провозившись с застежкой, прежде чем вышла из комнаты и начала свой праздничный день. Холодное золото обжигало кожу, но я не посмела, как бы ни хотелось, выкинуть прочь пугающий дар; в голове твердо засела мысль, что носить это теперь надо постоянно, не снимая, иначе случится что-то очень и очень плохое. В мире, где есть магия внушения, и призраки действительно встречаются самые разные, это не было чем-то невозможным, а я предпочла отнести своего «гостя» именно к категории вышеупомянутой нематериальной нежитей,

рассудив, что если он живой, то все гораздо, гораздо хуже. К сожалению, таковым, худшим, оно и оказалось.

Долгие, нудные и полные постоянного ощущения дискомфорта следующие месяцы изменений в моем быту не было. Сколько бы ни прислушивалась, с каким бы напряжением ни всматривалась в окружающую реальность, как бы ни ждала: последствия того утра знать о себе не дали. Постепенно я успокаивалась, привыкнув к ощущению тонкой цепочки у себя на шее и перестав теревить ее слишком часто. Постепенно все почти забылось.

Тем не менее, перед днем, когда мне должно было стукнуть девять, переживания вернулись. Я уснула крайне поздно, отчего проспала рассвет. Оказалось, нервы разбушевались не зря, потому что разбудил меня в последний момент тяжелый стук в парадную дверь, звук от которого с улицы донесся до меня из-за приоткрытой по новой привычке форточки в комнате.

Это было странно хотя бы с учетом того, что металлическое кольцо в форме раknара — животного кошачьего рода на гербе графства Аймитов, висело у нас в качестве декоративного и практически не использовалось. Ведь для того, чтобы ступить на территорию нашего дома, требовалось преодолеть ворота наружные, у которых пост верно (по крайней мере, подразумевалось, что верно) соблюдал сторож. А там уж двери для принятых посетителей открывали сами, без стука, так что кольцо успело, наверное, заржаветь.

Я запаниковала. Целый год, ровно год пролетел в теориях и метаниях, и я могла сказать теперь, что готова была к этому ужасному происшествию. Гость! Это мог быть только он! Или, может, совпадение? Нет, в мире, где столько всего интересного и жуткого, вера в простые совпадения — самая глупая вещь, что только может быть.

Какой была, в длинном ночном платье, на негнущихся ногах я бросилась проверять сделанные выводы, молясь (а семья наша была далеко не религиозной, посему ни одной молитвы я не знала), чтобы они оказались ошибочными.

Внизу было шумно, дом стоял кверху дном. Я тут же услышала в ворохе чужих голосов низкий бас отца в приглушенных стенами, оттого пока невнятной для моих наостренных ушей речи. Это подтолкнуло спешить больше.

Я увидела его, еще спускаясь по лестнице. Худошавое, с хищными, немного резковатыми, но красивыми, породистыми чертами, лицо мужчины в обрамлении непозволительно для аристократа по нынешней моде, но приемлемо для мага длинной прически. Казалось, оно смотрело ровно на меня, хотя обладатель удивительно идеальной внешности стоял и, вроде бы, внимательно выслушивал моего отца.

Но я уже не смогла разобрать, что было в разговоре, хотя замерла совсем близко. Мой испуг оказался так велик, что в ту минуту буквально почудилось, будто в доме, освещенном робкими ранними лучами, потемнело. А в глазах, где совершенно черная радужка жутковато сливалась со зрачком, мне виделись золотые искры — как медленно разгорающийся огонь.

Тогда мне и моим родителям было поведено обо всем. Начиная от раскрытия мирового заговора в лице всемогущих драконов и их положения в правящей лиге, заканчивая озвучиванием причины, по которой я понадобилась «призраку».

В моем мире настоящим счастьем считается найти свою истинную пару. Ту самую, воспетую менестрелями, половинку, предназначенную богами, идеальную по природе и благословленную судьбой. Эльфы находят своих истинных по ауре, оборотни по запаху, вампиры по крови, а люди... Нам сложнее всего. Нам остается гадать по банальным чувствам, в которых, как известно, немудрено ошибиться. По этой причине у нас особо на магию не надеются и из-за такой несправедливости только у людей существуют браки по расчету, тогда как другие, долгоживущие расы, как правило, до конца разыскивают свою любовь; и считается невероятной удачей, если однажды тебя найдет такой искатель и сообщит, что ты — его пара. Мне, однако, «повезло» больше всего: меня нашел дракон.

Так мое детство закончилось. О нет, ничего сверхъестественного, неприемлемого не было предпринято. Он был вежлив (вернее, даже равнодушен), объясняя, что дает мне время повзрослеть, что будет просто навещать раз в год, чтобы поддерживать нашу связь. И ни словом не обмолвился про кулон, хотя об этом проклятом украшении я и не спрашивала. Точнее, хотела, но не смогла, потому что стоило мне в тот момент собраться открыть рот, чтобы задать ему интересующий больше всего в этой сбивающей с толку истории вопрос, как я кожей ощутила опасное предупреждение. При этом на четко очерченных губах его блуждала благожелательная полуулыбка, не особо тем не менее смягчившая жесткий, властный образ

многолетнего — многовекового, многотысячелетнего? — существа, словно бы со снисходительной насмешкой забавляющегося с простыми смертными. И я, как умная и понимающая девочка, промолчала.

В общем, ничего плохого в тот день не случилось, кроме, казалось бы, совсем незначимого. Уже уходя, мужчина, представившийся как Шайкан — да, просто Шайкан, ни титула, ни фамилии (впрочем, по выражению лица графа я подозревала, что он известен папе, и личность эта отнюдь не мелкого сословия) — оставил мне еще один подарок. После легких, почти ничего не несущих в себе поздравлений мне была вручена фарфоровая кукла размером с его ладонь. Красивая. Дорогая. Бездушная, обычная. И слишком знакомая. Я заглядывалась на нее пару дней назад и просила на день рождения у родителей, но они не успели ее приобрести, потому что некто, а теперь мне было известно, кто, опередил. Стоило бы отдать должное проницательности дракона, и с недавних пор в совпадения верить причин не было. Я назвала ее Сэлли.

На старом языке символ несвободы.

Часть вторая

Сказка о драконах и рыцарях и то, что следует после сказки

В день, когда мне исполнилось десять, единственным желанием, которое я собиралась загадать, задувая свечку, было: «Лишь бы он не пришел».

Но желанию не то, что сбыться было не суждено — я даже до свечи на торте его не дошла.

Вновь наступал рассвет, и едва только солнечные лучи уничтожили последние тени в углах моей комнаты, раздался отчетливый стук.

В зеркале отражалась бледная девочка со стремительно округляющимися в испуге темно-голубыми глазами и волосами, по моему капризу состриженным чуть ниже плеч. Накрученные в праздничные локоны, они казались еще короче. Меня нарядили в пышное желтое платье, украшенное по всей длине золотыми узорами, и только секунду назад я довольно улыбалась, восхищаясь тем, как очаровательно смотрелась. Теперь, увы, от улыбки не осталось ни следа, ведь какой прок от красоты, если она предназначена одному лишь ему?

Кажется, я ощутила глухой удар своего сердца, безнадежно ухнувшего вниз вместе с надеждой в пропасть, и знакомые два поворота, за которыми следовала лестница, показались мучительно короткими.

Он совсем не изменился с прошлого раза. Его взгляд обжигал пристальным вниманием, весь профиль кричал о том, что драконы, как один, хищники. При этом разговаривал с отцом он так радушно, словно и не замечал, как напряжен граф Аймит, как нервно вцепилась мама отцу в локоть.

Когда я сошла с последней ступеньки, все взгляды были на мне. Но несмотря на то, как любила я быть в центре событий, сколь бы ни льстило мне знать и слышать о том, какая красивая девочка у Аймитов, впервые одобрение именно в этом угольно-черном взгляде мне не нравилось.

— С днем рождения, миледи. — Он чуть наклонил голову в намеке на кивок (но не так, как кивают равным себе, нет), глядя на меня сверху вниз. Это было одновременно приветствием и поздравлением, тон его был неожиданно мягок и гораздо теплее, чем ровная прохлада, которую он проявлял к моим родителям.

— Спасибо, — тихо выдала я, так и не сумев улыбнуться. Мой реверанс был чересчур спешным, немного неуклюжим и определенно недостаточно глубоким для особы такой важности, как этот мужчина.

Я чувствовала перед ним настороженность и страх. И, может быть, капельку любопытства, но капельку, не больше. Просто я любила подарки, а в руках его была яркая коробка, подарочное назначение которой было несомненным.

Но дракон не спешил дарить.

По тому, что он совершил дальше, я сделала закономерный вывод, что Ему было совершенно плевать на этикет, несмотря на обратное впечатление, которое дракон производил из-за своей холодной вежливости. Он этот этикет спокойно нарушил и опустил вдруг передо мной на

одно колено — почти так же в сказках и делали предложение руки и сердца принцы спасенным от драконов принцессам. Увы, меня никто, даже папа, от дракона спасти не собирался, а сам дракон сделал это только для того, чтобы наши лица были на одном уровне. Стоя я доставала ему едва до пояса, а теперь мы были до смешного, обманчиво равны.

Он был так близко, что я ощутила запах дорогого одеколона, немного горьковатый, с ноткой чего-то лесного. В лесу я была лишь единожды, когда мы ездили по зелёной дороге в небольшой городок к другу отца в гости, и эта темное, опасное и в то же время чарующе сказочно атмосферное место долго потом мечталось посетить вновь, прогуляться в неизвестную глубь... Неудивительно, что запах мне понравился.

Он серьезно посмотрел мне в глаза, отчего по коже пробежали током мурашки, и я, признаться, смутилась не на шутку. Затем, протянув руку, внезапно коснулся светло-русой кудряшки, задорно выступившей из-за уха, чуть подержал — во взгляде мелькнул странный огонек.

— Мне... нравятся длинные волосы, — негромко сказал он наконец и встал, а меня как будто облили ледяной и не очень чистой водой. Прямо в моем присутствии лорд развернулся к графу и сообщил в приказном тоне, что у леди должны быть длинные волосы.

Мне еще ни разу не было так обидно просто из-за неодобрения от окружающих. Но дракон не был подобием тех, чье мнение меня не касалось, и такое пренебрежительное отношение не могло не задеть, к тому же замечание само по себе было гадким.

Я никогда не отличалась кротостью, была ужасно горделивым и самовлюбленным ребенком, и будь я не я, если в тот момент мой рот не открылся, чтобы высказать ему нечто очень плохое, позабыв о том, кто он есть.

Однако он развернулся обратно ко мне прежде, чем я успела взять дыхание, и я резко передумала. Ядом исходить легче в спину, а под этим черным прищуром я откровенно струсилась, но все равно брови мои были сомкнуты так сильно, что не разглядеть недовольство все же было бы невозможно, на что дракон на удивление отреагировал не гневом, а добрым смешком, и внезапно долгожданным жестом протянул притягивающую взгляд коробку. Это оказалась не праздничная обертка, а золотая шкатулка, открывшаяся тут же, стоило взять ее в руки. И когда взгляду моему предстало то чудо, что было внутри, стало даже как-то стыдно за мимолетную вспышку злости на лорда.

«Длинные так длинные, буду растить».

На черном бархате, словно маленькие золотые змейки, блестели цепочки, скрепленные голубыми камнями. Они переливались, мерцали, словно маленькие кусочки летнего неба.

Цепочки являли собой замысловатое украшение, которое надевалось на голову, чтобы озолотить волосы — тонкие, изящные, переплетались между собой, создавая узоры, и на волосах эта прелесть как бы приманивала к себе солнечные лучи, оживляя светом прическу.

Перед мной было украшение, бесспорно, сделанное руками эльфов. Про их моду я слышала, но достать такие вещи в нашей империи было трудно ввиду не самой лучшей политической обстановки между Белой Империей и Первым Королевством.

— На длинных волосах будет смотреть еще лучше. — Губы лорда тронула насмешливая улыбка.

И я улыбнулась в ответ.

В тот раз он отказался от предложения папы пройти в гостиную, сказав, что имеет дела.

Извинился, попрощался, поцеловав мою руку так, словно я была взрослой леди, и ушел.

Почему-то, когда он так странно при уходе посмотрел на меня, мне показалось, что дел у него нет, просто он каким-то образом догадался о моем нежелании портить праздник присутствием страшного дракона. Даже если дракон не так уж и страшен, каким казался... Но монстры ведь не улыбаются так нежно?

«Только если не скрывают за улыбкой оскал».

* * *

Следующая наша встреча сильно изменила мое отношение к сказочным драконам и рыцарям/принцам, их побеждавшим.

Я росла, и за это время у меня появился друг. Внук моей гувернантки, госпожи Карины, старше меня на год, Ник был первым человеком, с которым я действительно дружила и играла, а он проявлял к этому искреннее желание. Он был милым заикающимся мальчиком с невероятным умом и, если узнать его через маску иллюзорной робости, не по-детски острой речью. Пусть Ник не мог зваться никак мне «ровней» по статусу, но мы вместе проводили в последние

месяцы все свободное время и я ни разу не была высокомерна; а на День Рождения он обещал познакомить меня с «братьями» и посвятить в настоящую рыцарскую компанию. И ничего, что рыцари — прошлый век, а это значение заменили на «антеры». Рыцари, по словам Ника, были гораздо лучше. Если я начинала спрашивать, почему так, если суть одна и та же, он заливался на много часов рассказами о том, почему же теперь все другие, бесчестные и вообще... В общем, больше я не спрашивала и просто ждала дня, когда вступлю в ряды благородных рыцарей.

Однако моим грезам было не дано исполниться, ведь лорд и леди Аймит приглашать кого-то запретили и вообще праздновать решили дома. Даже без бала, ведь для бала я еще маленькая. Наплевав, что балу одиннадцатилетней Версее Канта, дочери герцога, журнал «Жизнь света» посвятил целую страницу.

— Это жестоко, — произнесла я — горло от плача сдавило. Я печально глядела в тарелку со своим ужином и подумала, что блюдо явно стало пересоленным. Громко всхлипнула.

— Прекрати, юная леди! — раздраженно ответил папа, грозно сверкнув глазами. — Тебе и так слишком многое позволяют. А что день рождения... Не забывай о том, кто будет главным завтра гостем.

И эти слова эхом повторялись у меня в голове, когда я в слезах бежала в комнату.

Утро, полное трагичных мыслей и жгучей обиды, началось еще раньше обычного. Потому что окно, за которым небо только-только начинало голубеть, было мною распахнуто, а веревка, украденная из чулана слуг, привязанная одним концом к декоративному выступу на стене, другим лежала у меня в руках.

«Сбегу и уйду в рыцари» — решительно вторила я, сжав кончик в кулаке. И начался спуск. Вспоминая об этом, я каждый раз поражаюсь, каким чудом тогда не сорвалась с высоты шести метров. Пусть то был лишь второй этаж, но Аймиты любили очень высокие потолки. Тогда я и выяснила, чем мальчики отличаются от девочек.

Тем, что на авантюру идут не в туфельках с весьма немаленьким для ребенка каблукком и пышном наряде!

Но с горем пополам задуманное удалось. Наделав на руках, не знавших никогда ничего тяжелее иголки для шитья или пера, мозолей, перепугавшись вусмерть, я, стоя на долгожданной твердой земле, еще некоторое время потратила на то, чтобы отдышаться. Возрадовалась, успокоилась, напомнила себе, какова великая цель и пафосно двинулась в путь. Кустами, кустарниками, скрываясь в тених (да, одетая в ярко-розовый, пыталась скрываться в тених, благо, что в окно меня еще высматривать еще не думали).

В тот день я также и выяснила, что сторож у наших ворот действительно спит десятым сном, оттого и дракону пройти, и мне выйти было легко. Нанимая экипаж до дома госпожи Карины, которой, кстати, дали в тот день выходной, я чувствовала себя взрослее некуда. Одна в прохладном салоне транспорта, как в первый раз рассматривала город за окном. Дорогие районы центра оставались позади, количество мрамора и изумительно красивых белых цветов на улицах — асфиев, что являли собой символ нашей страны — уменьшались. Людей было мало, ведь солнце только-только начало подниматься, и фонари до сих пор горели желтым. Госпожи Карины в тот день дома не оказалось. Зато был Ник, несказанно обрадовавшийся мне, несмотря на убийственно раннее время. Мы пошли готовиться к посвящению в рыцари. Платье закрыли самодельные латы, руки долго привыкали к деревянному мечу. Подарка лучше придумать было невозможно.

Посвящение само проводить решили на заднем дворе Ника. Ребята, сонные, но дружелюбные и полные энтузиазма, быстро откликнулись на зов моего друга, и вскоре, высокие и худые, полноватые и низкие, юные рыцари в числе целой десятки заполнили сад госпожи Карины. Мы спешили, потому что знали: надо успеть до того, как меня хватятся и найдут.

Держать меч в руке — непростая задача. Даже если это деревянный меч, и даже если двумя. В руках десятилетней девочки выглядело как минимум фантастически неуклюже, когда я торжественно вздымала оружие в воздух. Но доспехи из дешевого материала, очень далекого от настоящего зачарованного металла антеров,отяжеляющие мое тело, на удивление действовали вдохновляюще. Я чувствовала себя прямо-таки обязанной соответствовать названному статусу. Волей-неволей пришлось изображать уверенность и с серьезным лицом повторять движения, придуманные детьми для процедуры Посвящения.

Впрочем, первоначальная неловкость прошла, а затем пошли игры, и, увлеченная, я не замечала уже ни порванной у подола юбки, ни мозолей. Если кто и относился ко мне насторожено-предвзято (особенно неодобрительно смотрели на туфельки), то молчал, потому что Ник, видимо, проделал огромную работу, заранее смирив всех с фактом, что будет в их компании место девочке.

Мальчишки были все разные. Кто-то стеснялся, кто-то мямлил, кто-то имел шокирующий бас ввиду ломающегося голоса. Были и хорошие, дружелюбные, и хулиганы, которые сначала смущали меня количеством странных и очень грубых оборотов и фраз в речи. Однако последние меня по хулиганскому кодексу чести не смели трогать и даже более того, с энтузиазмом помогали овладеть искусством рыцарей.

Время летело. Светило застыло высоко на небе, предположительно был полдень. Госпожа Карина, по заверению Ника, должна была вернуться под вечер. Мы отыгрывали рыцарей, сражающихся за принцессу (сюжет был предложен мной).

— Ох, как плохо, как мне плохо томиться в плену у ужасного дракона! Спасите же меня, храбрые рыцари, и буду я вовек вашей верной супругой... — Плаксиво басил Винд. Это был крупный такой мальчишка, весь в веснушках. Волосы он имел роскошные, огненно-рыжие, яркими кудряшками по плечи. Выражение его лица было максимально достоверно несчастным оттого, что он по неуклюжести проиграл мне в спарринге и был вынужден взять роль.

Рыцари немедленно впечатлились речью и грозно подняли вверх мечи, направляя острие, собственно, на антагониста.

— Р-р-р! — взревела я и пустила из пасти невидимый огонь.

Крики! Вопли! Боевой звон... хм, стук дерева!

Мне еще никогда не было так весело. Я даже позавидовала тогда противоположному полу, которому разрешалось такое не только играть, так еще и всерьез идти потом тренироваться, биться, воевать...

Увидь меня тогда мама — боюсь, сердце леди Аймит могло бы подвести. Но, к счастью, она не видела, а потом... Потом таких моих забав уже не было.

Все закончилось в один неудачный момент, когда дракон в моем лице как раз расправлял крылья. Резко стало холодно. Спазмом сжались мои внутренности, дрожь пробежала по спине. Я не сразу поняла, почему вдруг ощутила такое беспокойство, и ярость моего громкого рыка утихла. Не понимала, почему вдруг стало так... Знакомо страшно. И когда мои соигроки, глядя мне за спину, по цвету кожи сравнивались с мрамором, каким в саду дома отделана дорожка, я, оборачиваясь, молилась о том, чтобы внезапная догадка была ошибочной.

За мной, словно в тонкое издевательство, оказался тот, кого я так ярко изображала все это время. Дракон. Не просто дракон — НАСТОЯЩИЙ, не скрытый, как я уже привыкла, кожей человека, а огромный ящер с крыльями. Черный, как смерть, с глазами, алыми, как кровь. Хищник, призванный на охоту.

Сердце пропустило удар. Страх загустил кровь, и ногти впились бы в кожу, если бы руки не сжимали в этот момент рукоять меча.

Меньше всего я ожидала, что он появится ТАК. Его горящие красным огнем глаза вводили меня в смесь сумасшедшего восхищения и ужаса. Некое безумие ударило в голову, укрепленное адреналином от пережитых впечатлений и возбуждения.

И вместо того, чтобы отступить, закричать, убежать, я подняла меч «острием» прямо к морде дракона и сжала губы.

— Уходи! — велела я, чувствуя, как трясется оружие в дрожащих руках.

Взгляд его был задумчивым. Красные огоньки горели, как потом выяснилось, не в ярости, просто у дракона всегда в этой форме такой их цвет. В этот миг ему просто было интересно. Смешно подумать, чего я ожидала, поведя себя таким образом, но когда дракон совершенно серьезно мне подыграл, подался вперед и уткнулся прямо мне в острие, шок был таким, что забылись и страхи, и обиды. Актер из дракона получился прекрасный.

Удар «меча» пришелся на ноздрю. Зверь тихонько, жалобно застонал, после чего вытянул лапы и безвольно опустил крылья. Голова повалилась на землю, а из пасти высунулся кончик языка. Глаза, естественно, он закрыл в обмороке.

А кончик хвоста нетерпеливо игриво подрагивал.

В следующее миг пораженную тишину нарушил мой тихий смех. Напряжение спало, дрожь утихла, потому что невозможно бояться, когда перед тобой валяется огромная голова ящера с комично высунутым языком, поверженная... Зубочисткой, фактически!

— Теперь принцесса свободна, — весело объявила я дракону. Ну, и заодно толпе зрителей в виде обескураженных рыцарей, поронявших в ужасе свои смертоносные орудия.

Я недолго подумала и, оборачиваясь к мальчикам, хотела было попросить нас вместе уйти и дать труп... Э-э... Развеяться (не будет же он в этой форме вечно), но не успела открыть рот, как в спину что-то едва ощутимо ударило, и серая масса поднимающимся облаком распространилась на всех, кто тут стоял. Я возмущенно развернулась, уже понимая, что безнадежно испорчены новые, пусть и некачественные и мало имеющие общее с оригиналом, латы, а состояние платья, и так потрепанного в играх, окончательно добито из-за этого...

Тоскливого вздоха!

— Вы совсем невоспитанный, — буркнула я, скрешивая на груди руки. Дракон смотрел на меня снизу вверх через свой хитрющий прищур и явно не испытывал угрызений совести.

— Мари, ты знаешь его? — восхищенно поинтересовался первый из мужественно взявших себя в руки рыцарей. И им оказался Ник, в ком я не сомневалась.

Я неуверенно перевела взгляд с довольной морды на лицо друга, измазанное пеплом или чем там дракон плевался, заодно порадовалась, что стояла спиной, и, глубокомысленно мыкнув, кивнула.

— Значит, г-господин дракон не ест детей, а... Поиграет с нами? — выдвинул следующее храброе предположение Винд. Голос его дрогнул, но на лицах многих уже было больше любопытства, чем страха.

Я не ответила. Просто как-то получилось, что спустя минуту уже растерянно наблюдала за тем, как дракон — тот самый жуткий монстр, который мне в кошмарах являлся, огромная смертоносная ящерица... Играет. Он даже никого не попытался никого съесть! Даже не прикусил! В этот момент хладнокровность крылатых пресмыкающихся всерьез встала под сомнение — таким теплым был этот жутковато-красный взгляд.

Почему-то на меня, когда я попыталась присоединиться, внимания совсем не обратили, что было даже немного обидно. Но и наблюдать за тем, как по-детски дурачится это древнее, мудрое, опасное до ужаса существо было не менее увлекательным занятием, и унывать не пришлось.

Так мое отношение к дракону в корне поменялось. Впервые я увидела в нем, как ни странно, в шкуре ящера, человека. Чувствующего, добродушного и интересного.

Праздник пришлось свернуть, когда раздался голос госпожи Карины, возвратившейся в дом. «Ник, ты тут?» — позвала она, и мы, замершие, отчетливо услышали стук каблуков. Ей нужно было пройти сначала весь дом и войти в этот двор через веранду. Я в ужасе представила себе, что будет, когда она увидит дракона и все устроенное нами...

Мне казалось, что меньше всего моего истинного будет волновать реакция окружающих и наши проблемы, но он снова удивил нас всех своим пониманием и бесшумно покинул двор, оставив рыцарей зачарованно смотреть на то место, где только что с ними играл самый настоящий дракон. И все равно никто им не поверит...

Вечером я нашла дома подарок, хотя казалось, что чудеснее подарка, чем проведенный день, быть уже не могло.

В красивой коробке лежало две книги. В одной, небольшой, на страницах была старинная легенда о рыцаре, драконе и принцессе... которая, ни как странно, впервые осталась именно с ящером. Другая была совершенно чиста.

«Чтобы ты могла не только читать сказки, но и записывать свою».

Это осталось лучшей датой в течении моего странного детства. Несмотря на то, как кричали на меня взрослые, и что Ника сослали в военное училище, а гувернантку сменили, та единственная детская авантюра надолго запомнилась мне светлейшим из мгновений в нашей с драконом сказке. Не сказала бы, что мое недоверие и негатив к нему полностью испарились, но, беря в руки подарок, читая слова, дыхнувшие на меня знакомым теплом, я улыбалась.

* * *

Мои волосы отросли до пояса. Украшение, подаренное на десятилетие, действительно смотрелось волшебным на длинных, густых темно-русых волосах, своим блеском придавая им благородный золотой оттенок. Двенадцать. Красивая дата.

Если меня и брала дрожь, то лишь от волнения. Я спустилась быстрее, чем когда-то, больше не медлила и в предвкушении улыбалась. Для меня это превратилось в игру: что же на сей раз приготовил он мне?

Но на лице лорда, приветственно сухо мне кивнувшего, было равнодушие. И пока я приседала в реверансе, уверенность стремительно убывала; взгляд на него снизу-вверх приобретал больше растерянности, чем радости. Раньше, переводя глаза на меня, хладнокровный ящер всегда отгаивал, теплел, и в голосе его появлялись чарующие нотки, как у профессионального рассказчика сказок, и это заставляло слушать затейливую речь мужчины внимательно и с интересом. Раньше, но не в этот день.

— Вы расстроили меня своим побегом, — пренебрежительно произнес он и смерил меня холодным укором. — Мне жаль, что ваше воспитание не так хорошо, как я думал.

Он даже и не посмотрел на замершего в ужасе графа, лишь вскинул руку, жестом прерывая хотевшего уже что-то вставить, растерянного папу. Мама молчала, только в ее взгляде было как раз то гадкое «Ага, получай, несносная девчонка!»

Сначала я настолько растерялась, что отступила инстинктивно назад, изумленно на него глядя. В черном ледяном прищуре не было ничего человеческого. Какая ирония, что только в облике ящера мне виделся человек.

Мне чудилось, что я слышала оглушительный звон своих разбившихся надежд и ожиданий. Вместо улыбки, вместо одобрения, вместо привычного поздравления... Обида вспыхнула во мне болезненным ожогом. Сегодня я наряжалась ДЛЯ него. Так почему именно сегодня в этом цепком взгляде не мелькнуло даже искры тепла, почему вместо этого он так меня отчитывает? Моя симпатия стремительно испарялась. Образ его сейчас слишком сильно контрастировал с ТЕМ, как будто подменили.

— Вот уж не думал, что мои короткие визиты настолько вам неприятны, хотя я не отнимаю у вас много времени. Я даже не оставался на сам праздник, я старался внимать вашим желаниям и нежеланию, а вы... Скажите, моя леди, разве я так сильно порчу вам праздник? — Меж тем, дождавшись моего оцепенения, продолжил он разочарованным тоном искусного притворщика. Ответа ждать не стал: — Вы повели себя ужасно с гостем, Мариабелла. Что сейчас вам стоит сказать мне?

Лорд требовательно приподнял бровь, и я пораженно втянула воздух, понимая, что от меня еще и ждут извинений. А вины своей я не чувствовала! Вместо этого душу затопил гнев.

— Я никогда не приглашала вас на свои праздники! — уязвленно ответила я, кидая ему тем самым прямой вызов. Нагло вскинула подбородок и парировала: — Вы приходите незваным гостем, так почему же ожидаете от меня гостеприимства?

Родители за спиной дракона ощутимо побледнели, и теперь мама открыла рот, пытаясь выдать что-то в оправдание меня, но закрыла, не найдя слов.

Он выдержал задумчивую паузу.

— Истинная... — медленно протянул он, но на лице не отразилось ничего больше легкого налета скуки, — леди должна знать, когда можно проявить твердость и силу своего характера, защитить свою честь, достойно отразить удар, а когда... смолчать. Когда гордыня будет выглядеть элегантно, а когда чопорно.

Он не разозлился, нет. Это меня изумило. Более того, он... как играл! И я почувствовала себя жалким котенком, напрасно выпускающих коготки и грозно шипящим, пока огромный лев играючи не поставит на место, не оставив и маневра для аргументации.

И после того, как понимание сего неприятного факта меня постигло, губы его тронула усмешка, словно мысли мои были открыты дракону, подобно книге без обложки.

— К слову, несмотря на то что гость я незваный, от подарков вы не отказывались, — насмешливо добавил он. Щеки мои вспыхнули от возмущения и злости. Обида часто лишь усиливается, когда осознаешь, что оппонент слишком... Прав. — Поразительно, сколь много лицемерия и яда в столь юном и чистом создании, — он цокнул и сделал шаг ко мне — я вздрогнула, но отступать было некуда. — Я считал вас умнее и взрослее. Какая жалость, что передо мной вместо утонченной леди избалованная маленькая девочка.

И, завершив на такой ноте меня отчитывать, дракон неожиданно достал из внутреннего кармана своего камзола несколько переливающихся золотом бумажек. На них были яркие, красочные, удивительно живые картинки, и мне не нужно было вглядываться, чтобы догадаться, куда вели роскошные билеты, достать которые трудно даже с бронью за несколько месяцев.

— Хотел провести весь день с вами, как в тот раз, ведь общие темы для разговора у нас уже есть, — покачал головой преувеличенно расстроено, но глаза вспыхнули на долю секунды огоньком, напоминая мне образ играющего с рыцарями дракона. — Если вы действительно леди, пусть и юная и неопытная, то должны были принести мне извинения, нравится вам это или нет. А я должен был принять их и уверить вас, что обиды не держу, хоть и был оскорблен вашей выходкой. Увы, вы всего лишь гордый ребенок.

Три из четырех билета вложили мне в напряженные руки.

— Граф, — кивок, — графиня, — кивок с обходительной улыбкой. — Удачного вечера и... С днем рождения, Мариабелла.

На моих глазах последний, свой, билет дракон равнодушно порвал на две части и небрежно убрал негодную уже бумажку себе в карман.

Я не смогла вставить ни одного слова ни в опровержение, ни в оправдание, и беспомощно проводила его спину взглядом. Он был прав. Худшее для меня чувство, пожалуй.

Я перевела взгляд на билеты в своей руке и вздрогнула снова от легкого щелчка закрытой двери. На душе было гадко. Одновременно от собственной вины и от всяческого ей сопротивления. Кажется, тогда я почувствовала что-то сродни ненависти к дракону, кошмарной ошибкой возвращенной на обиду.

Эпичная постановка в золотом магическом театре, которую мы посмотрели тем вечером с родителями, не представляла для меня больше никакого интереса.

Часть третья

Ссоры и примирения

Мне тринадцать. Снова пролетело время, на сей раз сопровождаясь гормональными всплесками, психами и трудностями в отношениях с окружающими и учебой. Типично для подросткового взросления. В этот, пожалуй, самый тяжелый год моего детства лично дракона со мной не было нигде. Я больше не замечала тех редких моментов, когда кто-то невзначай мелькнет в поле зрения и поддерживающе улыбнется отражением стекла, не дул узнаваемый теплый ветерок, я не слышала ни разу более шепот «все будет хорошо». ЕГО со мной не было. Словно я потеряла для него такое значение...

Однако, конечно, я понимала, что все всё равно происходит под его колпаком. И много думала об этой своей принадлежности дракону. Навязчивая власть надо мной, маленькой избалованной леди, была ли ему в удовольствие? Или истинность — лишь обязанность, и на самом деле я и правда надоела лорду?

Я была очень злопамятной девочкой. Отчетливо помнила то, какой мерзкий был момент инцидента. Помнила осуждение родителей и напряжение, помешавшее мне насладиться шоу, о котором я мечтала долгое время. Помнила небрежность, с которой он унизил и опустил меня туда, где мне стоило, по его мнению, быть. Так меня в жизни никто еще не отчитывал! И моя злость росла. Росла комом, котящимся вниз с заснеженной горы, где снег — переживания, которые сопровождали месяцы моей беспокойной цифры двенадцать, полной конфликтов. Я считала дракона несправедливым чудовищем, самому разрушившим нашу только образовавшуюся дружбу.

Потому когда я увидела, сидя в своей комнате у окна, темную фигуру мужчины, идущего к нашему порогу через сад, неожиданное решение оттолкнуло разумные доводы совести.

Раздался традиционный стук, эхом пролетевший по коридорам дома, а я... Не двинулась с места.

Мой бойкот, наверное, можно было предугадать, если бы хоть кто-то из взрослых допустил бы мысль, что дракон мне не страшен. Поэтому еще пару минут меня ждали, а вот потом... Я была уверена, что сейчас самолично заявится кто-то из родителей, пылая праведным гневом, и готовилась оказать сопротивление. Вот что они могут сделать? Ни-че-го! Меня, истинную пару дракона, даже родные люди не то, что ударить не могли — локтем не заденут! И вот дверь распахнулась. Без стука, резко, и столь же резко хлопнула, закрываясь. Я не пошевелилась, только сжала губы, пристальнее вглядываясь в горизонт.

Но когда вместо баса графа или истеричного крика графини Аймит раздался менее всего ожидаемый баритон, не вздрогнуть было невозможно.

— Вы портите прекрасное утро, Мариабелла, — сухо произнес гость из-за моей спины: я услышала его негромкие медленные шаги, очерчивающие мою комнату по приближению ко мне.

— Что вы здесь делаете? — Вот тут я все-таки обернулась, испуганно дернувшись, и уверенность в своей защищенности стремительно уменьшалась. Голос, к счастью, не дрогнул, хотя внутри что-то опасно потянуло в знакомом страхе перед драконом. Полутьма моей комнаты, закрытая дверь, маленькая я и огромный мужчина с холодным взглядом, чью фигуру словно облепляют тени, словно...

— Уходите! Я больше не приму ваших подарков! — нотки истерики вырвались наружу, и по телу пробежали мурашки от его взгляда.

— Ты... — неожиданно перейдя с отстраненного «вы» на более, я бы сказала в тот момент, презрительное из его уст обращение, зло выдохнул он и замер в полуметре от меня; стало по-настоящему жутко. Ледяная маска равнодушия, закрывающая его лицо, никуда не делась, но не скрывала пламя отчетливой ярости в глазах, радужки которых приобрели кроваво-красный оттенок. — Так почему же ты пошла тогда на выступление? Или гордость в тебе просыпается, только когда я рядом? А потом можно и дарам радоваться?

Секунда, и он рядом. Сжимает мое запястье — не сильно, но на той опасной грани, когда стоит сжать еще немного и станет больно. Второй рукой мужчина схватил меня за подбородок, вырывая вскрик.

— Ты моя, девочка, нравится нам обоим это или нет. И тебе стоит усвоить, что своими истериками ты лишь испортишь отношения, которых не избежать. Я оскорблял тебя? Обижал? Я рисковал тайной, когда драконом прыгал вокруг шайки детишек, чтобы ты могла порадоваться, и что... В ответ я не достоин даже приветствия? — Он повысил тон. Не намного, но этого было вполне достаточно, чтобы зычный грозный рык дракона пригвоздил меня ужасом, чтобы слезы испуга заволокли глаза.

Я пораженно застыла, в ужасе выслушивая ярость дракона. Это был первый раз, когда он показал свою ярость. И маска... всегда ровная маска на его лице треснула на моих глазах. Это было страшно. Мне казалось, что вот-вот его ногти, слишком длинные для просто человека, на пальцах, зажавших мой подбородок, сейчас заденут до крови, мне казалось, что его захват на моем запястье все же в любой миг сожмется и сломает руку. А он продолжал, невзирая на слезы и мольбу в моем взгляде:

— Мне ничего не стоило забрать тебя к себе, как только я тебя обнаружил, моя леди. Но я оставил тебя дома, позволяю тебе расти и взрослеть, стать личностью, считаюсь с тобой. Я лишь защищаю тебя, и раз в год напоминаю о себе. А что же ты? Неблагодарная девчонка! — последнее мужчина почти прошипел. Закрыл глаза, возвращая себе контроль, а, открыв, посмотрел похолодевшими глазами — в них действительно мелькнула синевая льда вместо того алого пламени — и зачем-то вдруг протянул мне ладонь. Вспыхнула маленькая красная вспышка магии, и мне была представлена материализованная коробочка того же цвета. — Вот твой подарок, Мариабелла. Отказаться у тебя права нет.

Я выдвинула свободную ладонь, упираясь ему в грудь в попытке отстранить от себя, и грубость, с которым меня после этого оттолкнули, отпустив, стала последним ударом. Хлынули слезы страха и обиды, и моя дрожащая рука с силой ударила по треклятому подарку, скидывая его на пол. Звон стекла оглушил, и на долю секунды воцарилась не естественная тишина. Нарушила ее я.

— Ненавижу вас! — закричала я, и жгучая ненависть опалила легкие. — Вы ненормальный! Мне не нужны ваши дары, мне нужно, чтобы вы отстали от меня и моей семьи! Я всхлипнула и уткнулась лицом в свои коленки. Мне казалось, что он меня сейчас ударит. Настолько поразила меня эта вспышка, настолько изменились наши отношения в моем представлении.

Но дракон снова поразил ожидания. Я только услышала его усталый вздох, как вдруг была аккуратно притянута к нему, и сильные руки заключили меня в свое кольцо.

— Ты не даешь мне и шанса, девочка, — тихо прошептал лорд, чуть поглаживая меня по дрожащим плечам. — Я готов исполнять любой твой каприз, неужели ты не понимаешь? Ты

можешь вертеть мной, как хочешь, но только стоит стать немного разумнее. Попробуй похорошему, моя леди, и все будет хорошо.

Я замерла. Слезы не кончались, но всхлипы поутихли, и я лишь мелко дрожала, не веря в столь резкие перемены. Вот он в ярости и вот он обнимает меня совсем как папа — по-теплому, так по-доброму. Я смутно воспринимала его речь, но осторожные, мягкие слова все же достигли моего понимания.

С драконом лучше дружить. Вот что я поняла в то утро, так сидя на подоконнике и обнимаемая наклонившимся ко мне в наверняка жутко неудобной позе мужчиной.

— Дай мне шанс, Мари, — сколько нежности было в этом тихом, чуть рычащем протяжном «Мар-ри»! И... отчаяния. — Перестань вести себя так, словно я твой враг.

Я поняла также и собственное к нему отношение. Почему я так предвзято относилась к дракону изначально? Из-за страха? Не совсем. Скорее, из-за чувства безысходности, которое он оставлял своими визитами. Меня пугало то, как рано все решили с моим будущим, как близок мужчина, старший меня во много, ужасно много раз. Сколь бы добр и учтив он ни был, но пугающее впечатление не перебить было ничем, и очень редко когда холод его взгляда сменялся, как сейчас, теплом.

— Вы мой враг и есть, — хрипло прошептала я, шмыгнув сопливым носом. — Только притворяетесь другом.

В этот момент мужчина весь как будто заледенел. Он отстранился от меня, и мне чудилось, что я слышала звуки крошащегося льда от движений оцепеневшего дракона.

— Так ты считаешь? — он горько усмехнулся.

Дракон ушел молча. Дверь за ним осталась незакрытой.

А я еще долго не могла пошевелиться, в оцепенении глядя на коробку, одиноко валяющуюся на ковре. Облегчения, удовлетворения после его ухода не было, я чувствовала себя мерзко, и сама не могла определиться, из-за чего. Винила ли я все еще его или признавала свою ошибку?

Поднимая коробку, я опять слышала звон. За откинутой деревянной крышкой сверкнули стеклянные осколки. Как замороженная, я аккуратно перебирала разбитые части узнаваемой композиции. Голова дракона, хвост, хрупкое тело в доспехах, меч...

Мне было так стыдно.

* * *

С того инцидента мои мысли о страшном лорде поменялись. «Дай мне шанс» — просил он меня, а я... А я тогда ведь даже не пыталась. И чем больше проходило времени, чем дальше я оглядывалась на свое поведение, тем хуже было чувство собственной неправоты, хотя какой-то червячок все еще пищал, что неправ именно он, чертов больной любитель доводить детей до слез.

Однако свой четырнадцатый день рождения я ждала. Поймала себя на том, что, взяв с прошлого раза привычку сидеть на подоконнике в ожидании гостя, теперь и правда ждала его, а внутри что-то замирало, но уже не в сопротивлении, отнюдь. Я действительно его ждала. И на губах застыли слова извинения, такие простые и ужасно трудные.

Вот показалась его фигура.

«Что это?» — я изумленно выдохнула и уставившись в прозрачное стекло так, как будто не верила его чистоте. Может быть, это пятно на окне?..

Глаза не обманывали меня. Вedomое мужчиной животное оказалось самым что ни на есть настоящим, и в то же время это была самая сказочная на моей памяти белоснежная лошадь, на которой, по традиции, обязан был приехать мой принц. Только вот принц шел пешим шагом, да и вообще корона у него если и была, то из чешуи. А лошадь...

Что-то во мне щелкнуло окончательно. Может быть, я меркантильна, но такой подарок был тоже откровенно нечестным шагом. Мошенничество чистой монеты! Верховую езду, которой обязан владеть в идеале любой рыцарь, мне запрещали... До этого момента. Ведь если сам дракон дарит, то уж точно не останется доволен, если его подарок оседлает конюх. Ну, разве можно остаться равнодушной, когда он раз за разом угадывает мои самые желанные мечты?! Осознание этого больно ударило по совести напоминанием о том, как мерзко я вместо благодарности повела себя с ним в прошлый раз.

Я уже было опустила на пол и хотела развернуться к двери, чтобы побыстрее успеть вниз, встретить его, как вдруг лорд, закончив привязывать лошадь к прутьям скамьи, кинул взгляд

вверх, встретившись взглядом точно со мной — на лице его, в отличие от растерявшейся меня, не дернулся ни нерв, и... направился прочь. Что же это? Он не хотел больше меня видеть?! Ошарашенная, я вылетела из комнаты и на всех парах побежала вниз. Обогнула стоящих в ожидании стука графа и графиню, едва не задев маму по пути, распахнула дверь, игнорируя неодобрительное цоканье мне в спину. Беловолосый мужчина уже вот-вот должен был скрыться в карете, припаркованной перед нашими воротами. О, кажется, я первый раз застала транспорт дракона. До этого мне думалось, что он просто бесследно испаряется, когда уходит из поля моего зрения.

— Стойте! — закричала я так отчаянно, словно это был как минимум судьбоносный миг. Хотя почему же «словно»? Так и было. Действительно один из судьбоносных в наших отношениях миг.

Лорд застыл, так и держа ладонь на ручке двери. Встала и я, даже не успев сойти с крыльца. Все равно беги я дальше, никак бы не преодолела пятьдесят метров дорожки сада прежде, чем он решил бы ехать. В страхе сердце пропустило удар. И страх не был связан с образом пугающего меня дракона, страх был не того, что он что-то со мной сделает, нет, наоборот. Абсурдно, но я, загадывающая раньше лишь его ухода из моей жизни, усталилась внезапно того, что он действительно уйдет.

И вот он оборачивается. В его прохладном взгляде вопрос, но меня не коробит холод. Мне хочется ликовать хотя бы от того, что ему не все равно, что он не смерил полным равнодушием и не уехал в ужасном безмолвии...

«Дайте мне шанс» — немо шепчут мои одеревеневшие губы. Вслух я не выдала ни звука, но он услышал...

Если бы он ответил ехидно «Но ведь я ваш враг» и уехал, то, наверное, это был бы ожидаемый конец всяким искоркам между мной и незванным гостем моей жизни, навсегда бы только им и оставшимся. Я подсознательно ждала именно такого исхода — возможно, потому что так бы поступила сама на его месте. Звякнувшие тяжестью выбора, пара секунд показались мне часами.

Он улыбнулся. Кто бы мог подумать, что грозный дракон умел так улыбаться, что неволей сразу думалось: душа у ящеров есть. Столь нежную, кажется, совсем мимолетную, счастливую улыбку я видела впервые. Он говорил позже, что это был мой второй ему подарок. Когда я спросила, что было первым... Впрочем, неважно, тот диалог случился гораздо, гораздо позже этих событий.

А в следующий миг карета тронулась, и мир ожил, вскинулся пронизывающий насквозь дрожью по-зимнему ветер, больно кольнули камешки под моими босыми ногами...

Лорд остался на месте. Он сделал шаг ко мне, насмешливо вскинул бровь, затем уже его голос отчетливо прозвучал в моей голове: «Чего же вы ждете, моя леди?»

Уже спустя секунду я нашла себя крепко обнимающей лорда поперек талии, и его рука мягко гладила меня по едва выющим, спутанным кудряшкам длиною уже ниже пояса. Здравая мысль о том, что неплохо бы расчесаться, отрезвила и заставила отчаянно покраснеть от осознания своей неприличной порывистости.

Я вскинула голову, встречаясь с бездонно-черным взглядом, но неудовольствия в нем не нашла. Более того, дракон, заметив мой румянец, весело подмигнул и беззвучно, одними губами пообещал, что никому не станет на этот раз жаловаться насчет моего поведения. Я смутилась еще сильнее и поспешила отстраниться.

— Останьтесь сегодня, — тихо попросила я, неловко отступив на шаг. — Пожалуйста.

Кажется, мы оба услышали в этих словах «Простите меня». Губы мужчины вновь тронула улыбка, и столько нежности в ней было, сколько я сомневалась, что способен был подарить кому-нибудь дракон вообще за всю его бесконечно долгую жизнь. И снова не могла не улыбнуться ему в ответ.

— Вы приглашаете меня? — предельно вежливо уточнил он, кинув на что-то пристальный взгляд мне за спину. Я подавила любопытный порыв обернуться, и так догадавшись, что на крыльцо вышли родители.

— Конечно, — я кивнула и, хихикнув, лукаво добавила, вспомнив свои некогда обвинения в том, что ни разу не приглашала его: — Вы впервые будете моим званым гостем.

Вдруг, нарушая чудесную, светлую сцену примирения, сзади раздался странный, жуткий звук, настолько меня напугавший от неожиданности, что я кинулась к дракону интуитивно за спину,

рассудив, что чудище или испугается его, или... Впрочем, нет, другого варианта не было. Дракона боялись без исключения все, я в этом не сомневалась.

Несколько секунд царила тишина.

А потом он разразился хохотом. Таким долгим, светлым и искренним, что я толком не смогла обидеться на такую реакцию, хотя имела полное право.

Таким образом я и познакомилась со скверным нравом своего подарка. Лошадь из сказки, оказалось, имела отнюдь не сказочный характер и просто не могла не возмутиться тем, что о ее присутствии забыли (а, к своему стыду, увлеченная разборками с мужчиной, я даже не посмотрела на животное). Выяснилось, что мой питомец не только имел удивительно почеловечески упертую и необоснованную гордость, подобно своей хозяйке, но и абсолютно почеловечески умел... Кашлять. Именно не фырчать, не ржать, даже не чихать, а дико, неистово откашливаться, как олицетворение заливающегося зловещим хохотом зла из преисподней, только что вылезшего на свет, как умирающий старик, извергающий отчаянно последнее свое дыхание, как спасенный из пожара, надышавшийся гарью — все это надо было сложить вместе и прибавить звериную глотку, которую театрально надрывала скотина. Страшно, одним словом. Такое знакомство едва ли поспособствовало оказанию положительного впечатления на меня лошади, и когда до перепуганной меня дошла причина веселья дракона, в моем настороженном взгляде из-за его спины навряд ли осталась хоть доля того восторга, что вызывала у меня недостижимая мечта. Воистину говорят, что ожидание слаще, чем результат.

— С днем рождения, Мари, — прозвучал надо мной смеющийся голос дракона, и внезапно на плечи мягко, но властно надавили, а затем буквально вынудили шагнуть вперед, минуя совершенную защиту в виде могучей фигуры мужчины. Меня немножко подтолкнули, намекая, что вот момент истины, восторгайся своим даром.

Мне же уже совсем не хотелось больше гладить это, гм, златокудрое создание. Вот совсем. На морде животного виднелась доброжелательная... Нет, не улыбка. Оскал, насколько он может быть «доброжелательным». Удовлетворенная моим ужасом, лошадь еще и, как мне почудилось, угрожающе двинула копытом и издевательски махнула гривой. Видимо, мысли о тактическом отступлении — отказе от такого чудного дара, отразились у меня слишком явно, потому что, наклонившись, лорд тихо добавил мне на ушко:

— Моя леди, вы похожи на милого зверька-параноика, которого коварным образом спугнули. Во мне всколыхнулось возмущение, но недостаточно сильное, чтобы я решилась заглянуть страху в его хитрый лошадиный прищур.

— Ну же, перестаньте трусить! — вздохнул разочарованный в моей смелости (читайте: безрассудности) дракон. Не знаю, действительно ли имел в виду нечто двойственное он, когда добавил следующее, или всего лишь так совпало, но тихо добавленная фраза, которая прозвучала дальше, запомнилась мне с того дня подозрительно ярко, и только позже, выросши, я поняла ее подвох. — Она совсем малышка, ее будет легко приручить к себе. Впрочем, на меня все же подействовало. «В конце концов, рыцарь должен быть бесстрашным», — решила я.

Я глубоко вздохнула, собираясь с силами, и протянула дрожащую руку. Только после того, как убедилась, что моя будущая подруга не стала откусывать мои пальцы, по меньшей мере гладить ее я бояться перестала точно.

— Спасибо, — растроганно прошептала я, готовая расплакаться от счастья. За этот дар, наверное, не хватит слов отблагодарить, и в будущем я еще убедилась в этом. — Вы замечательный. И ваши подарки самые лучшие. Знаете, мне не стоило себя так вести, я... Мне просто было обидно. Вы, правда, больше не обижаетесь? Я на самом деле не считаю вас врагом, поверьте!

Но дальнейшие неловкие извинения он пресек. Не потому, что не принял, а просто понял. Как должна была научиться понимать его я, он старался понимать меня как никто другой, и по улыбке его было ясно: меня больше не винили и даже не думали обижаться.

Мы немного помолчали.

— А как... Как мне назвать ее? — спросила я, пряча смущенный взгляд в густой пшенично-золотой гриве.

— Назовите, как нравится вам, — мягко ответили мне, и его рука коснулась покровительским жестом моей спины. — Так, как хотели ли бы, чтобы, возможно, звали вас, моя леди.

Я обернулась на миг, заглянула в его лицо и лукаво улыбнулась.

— Например, Леди? — хихикнула я. Мне вдруг мне подумалось о странной, особенной интонации, которую придавал этому обращению он. У меня такой не получалось... Быть может, ключевое слово — моя?

На мне, наверное, слишком отчетливо был виден немой вопрос, но в ответ на него дракон ответил лишь загадочным смешком.

— Леди — хороший вариант, — тактично согласился он. — Я думаю, вы подружитесь. А сейчас, к сожалению, нам нужно попрощаться, Мария, у меня не было в планах оставаться с вами, я вынужден покинуть вас.

— Жаль, — искренне расстроилась я, уже предвкушавшая, как стану показывать ему свою коллекцию кукол, начавшуюся с его дара. — А в следующий раз вы обещаете остаться подольше?

— Обещаю, — заверил меня лорд. И я поверила. На прощание он обнял меня легонько за плечи еще раз и кивнул замершим на крыльце графу и графине. Я провожала забравшую его карету, махая рукой за неимением белого платочка.

И снова я улыбалась ему вслед.

Часть четвертая

О первой любви и первой ненависти

Увы, обещание мой дракон нарушил. Вместо него на утро, когда мне исполнилось целых пятнадцать, пришло только красиво обернутое письмо и большая коробка с посылкой, где в подарок мне было платье. Платье... из живых цветов.

Откуда взял такую вещь, и, главное, как именно и почему ее выбрал мой суженный, я могла лишь гадать, но то, что дар произвел приятный ажиотаж, мой восторг и зависть окружающих, отрицать было нельзя. Хотя не совсем полностью, но вину свою он окупил.

Однако неприятное осознание, что нарушать свое слово лорд способен, несмотря на резонные причины, описанные в письме, где с величайшим сожалением мне объяснили, что он все еще не вернулся из-за границы, осталось маленьким, совсем незаметным почти осадком где-то глубоко внутри.

Так как кое-что дракон пропустил, следующее ключевое событие в моей жизни случилось за несколько недель до шестнадцатилетия, и виноват стал в нем... закат. Как всегда это бывает, вся вина на море, звездах, богах, но только не на людях, конечно же.

Надо заметить для начала, то был красивейший на моей памяти закат. Изумительно ярко переливались на уплывающем горизонте красно-желтые краски уходящего солнца, а остальное небо над Рассветным миром пестрело сказочно-розовыми тонами: казалось, весь свет сговорился, чтобы атмосфера была максимально подходящая для моего подростково-романтического настроения. Настроения влюбиться.

Все началось на балу. То был мой первый, дебютный бал. Я, юная и невинная, как едва расцветшая роза, стала в тот вечер негласной его принцессой. Была бы королевой, но Ее Величество, что открывала в танце с королем мероприятие, увы, по закону уже носила корону, и мне пришлось скромно смириться со званием Высочества. Кстати, таковой, к истинному сожалению всей Белой Империи и особенно самой правящей семьи, принц до сих пор не удосужился обзавестись (поговаривали, что не в его, м-м, «компетенции» это вообще было). В любом случае, с моим немым статусом на этом балу не спорил ни один завистливый взгляд леди и ни один восхищенный — лордов. Благодаря платью. Нет, я тоже весьма хороша, что есть, того не отнять, но все же должное стоило отдать подарку дракона. Не привлечь внимания оно просто не могло, ведь, боги, платье из живых цветов — да такое творение не повторит ни один наш человеческий маг!

За все время, прошедшее с момента, когда прислали мне сие чудо, я обнаружила, что ни один цветок даже и не подумывал завянуть — каждый из них, магией облегченных (вообще, живые цветы были бы довольно тяжелые так-то), все так же чудно держался на тонкой полушелковой ткани основы платья. Более того, эта конструкция росла. Изменялась моя фигура, исчезала подростковая угловатость, округлялось то, что должно было, а платье, стоило его примерить, облепило тело идеально, подстроилось, будто действительно живое.

Я кошунственно соврала бы, если бы сказала, что танцы и чужие взгляды не были для меня непередаваемо сладким наслаждением. Даже если партнеры практически все шли по заранее составленному родителями, по определенной договоренности, списку, а взгляды, мешаясь с коктейлем восторга и восхищения, нередко кололи мне в спину острым, цепким, ядовитым вниманием сплетниц и завистниц. Мне нравилось внимание, меня пьянил простор светлого зала, я купалась в этом, как русалка в собственном пруду.

Но суть события, о котором мне нужно записать, была не в чудесах танцев, не в общении и знакомствах и даже не в том, что я впервые практически и не вспомнила о драконе несмотря на то, что носила в этот вечер на себе его подарок.

Прошло не очень много времени, прежде чем я успела слегка утомиться от головокружительных ремашей и эришсвеев. Я вышла на небольшую террасу за стеклянными дверьми, и надо же было так совпасть по времени, что солнце как раз собиралось садиться. За моей спиной гремела музыка, а в голове немного шумело с непривычки от выпитого бокала. Что поделать, первый алкоголь в моей жизни.

— Я могу к вам присоединиться? — прозвучал вдруг сзади чей-то мужской голос, и дверь, бесшумно распахнутая вошедшим на место моего уединения незнакомцем, скрипнула, закрываясь.

Не отрывая замороженного взгляда от тускнеющих красок на небе, я лишь кивнула. Боковым зрением заметила высокую фигуру своего временного соседа, но это меня совсем не беспокоило.

— Вам нравится закат? — Немного глупый вопрос задал он мне, хотя, признаться, в тот момент тихий голос незнакомца показался мне вполне приятно вливающимся в общую картину прекрасного вечера.

Пауза между нами почему-то не показалась неловкой, что было бы логично в такой ситуации между незнакомцами.

— Нравится, — так же тихо ответила зачем-то я, — я видела много рассветов, но никогда не наблюдала так вот за закатом, а сейчас... Вы никогда не замечали, что конец гораздо красивее, чем начало? А вам нравится?

Он молчал достаточно долго. Я даже почти забыла о его присутствии, прежде чем прозвучал ответ.

— Я его ненавижу.

Больше мы не произнесли ни слова. Хотя и было у меня желание расспросить о причинах такого странного и резкого ответа, кошунством было бы нарушать тогда чудную тишину мгновения. Пусть играл за стеклом дверей внутри зала оркестр, пусть шумели неутомонные голоса, пусть даже вздыхал негромко рядом со мной незнакомый лорд, но там, в ту секунду, я чувствовала себя как никогда... Наедине.

И я остро ощутила себя одинокой. Это было откровенно неоправданно и надуманно, ведь дракон, родители, никто не оставляли меня совсем одной — навряд ли я имела право действительно жаловаться на отсутствие внимания. То ли дело было в гормонах подростка, то ли в алкоголе или, может, еще в чем-то, но, когда совершенно чужая холодная ладонь накрыла мою руку, сжимающую золотые перилла, я не только не испытала возмущения, а почувствовала необычайную теплоту и благодарность.

Я наконец обернулась к нему. На лице незнакомца не было ни намека на улыбку, он обескураживающе серьезно смотрел на меня небесно-голубыми глазами, и в его, в общем-то, довольно бесцеремонном с этической стороны жесте не было ничего, что действительно меня могло отвратить. Слишком уж умилительной была эта ощутимая аккуратность и искренна поддержка.

А во взгляде парня — он был молодой, едва ли намного меня старше, юноша даже — я нашла то, чего ожидала в последнюю очередь. Понимание и... И что-то еще. Будь я циничнее, сказала бы, что страсть. Но я скажу, пожалуй, что любовь.

Смутно помню, что было дальше. Смешавшийся с эмоциональным всплеском алкоголь притупил образы, но отчетливо отпечатались в моей памяти нежная прохлада его губ, совсем короткий, почти детский поцелуй и шепот на ухо, суть которого я так и не вспомнила, сколько ни силилась.

Солнце исчезло за горизонтом.

* * *

Мы вернулись с того бала далеко за полночь. Я была абсолютно не в себе, до невозможного вымотана и единственное, что мною осознавалось, так это то, что завтра в полдень придет дракон на назначенную верховую прогулку.

То обманчиво прекрасное утро я помню в мельчайших деталях. Пробуждение случилось впервые не с рассветом. Яркое, удивительно теплое солнце на чисто-голубом, без единого облачка, небосводе быстро заполнило своими лучами мою комнату, не встретив привычной преграды в виде тяжелой золотистой занавеси, потому что сегодня она уже была заботливо раздвинута Энни, моей горничной. Сама Энни в момент, когда я, вздохнув, потянулась со сна, сдерживаясь, чтобы не замурлыкать от удовольствия, возилась с чем-то в шкафу.

— Чудесное утро, — лицо мое сияло от широкой улыбки, которую я не смогла, да и не видела нужны скрывать. Я чувствовала себя не только выпавшейся, но и словно возродившейся. В памяти все еще были ласковые, умелые губы незнакомца и медовый, кружащий голову привкус сладкого-сладкого вина. Глаза, в которых я видела отражение садящегося солнца, и улыбка на прощание. Обещание — вот, что прошептал он мне тогда. Нежность я чувствовала в его прикосновениях, когда несбыточное будущее сверкало в потемневшем небе бледно начавшимися проявляться очертаниями звездных огоньков. Это стало любовной тайной, которая подарила мне крылья. Это стало тем, чего не хватало в скучной жизни в золотой клетке, что подарил мне дракон.

Только вот ему знать об этом, разумеется, было нельзя. Как бы ни была я опьянена чувствами, реальность все равно не позволяла переступить черту невозврата. Я знала, что незнакомец останется в грезах, останется первой юной влюбленностью, но никогда не чем-то большим, как бы моему пылающему сердцу этого ни хотелось. Мой жених, пусть и неофициально, и бесспорный будущий муж — дракон, даже если к нему я не ощущала ничего, кроме нежнейшей благодарности за старания, которые он вкладывал в наши отношения, и дружеского тепла. Чувствовала ли я сквозь пелену своего романтизма уколы вины, терзалась ли моралью? К сожалению, прислушавшись на миг к себе в поисках чего-то подобного, я пришла к выводу, что не только меркантильна, но еще и совершенно бессовестна.

— Доброе и вам. Костюм для прогулки готов, миледи, — удивленно отзываясь на мое преувеличенно благодушное настроение, сообщила Энни, поспешно делая реверанс.

— Благодарю, — кивнула я, поднимаясь. Дракона скоро придется видеть, и эйфория немного уступила резонным переживаниям, но не стыда, а скорее опасения. Интересно, моя бессовестность позволит мне смотреть ему в глаза, не покроется ли лицо красными пятнами? Ровно к полночи я была готова. Мой образ, как я и хотела, был нездешним, брал моду второго клана дроу, самого, на данный момент, прогрессирующего в плане смелой моды своей аристократии, государства. Это был пик разврата, по мнению мамы, но так как мне сегодня все же исполнялось целых шестнадцать, и это был заслуженно мой день, ей пришлось смириться и ограничиться недовольным ворчанием на отца, который, в отличие от леди Эймит, понимающе усмехнулся и, пока она не видела, подмигнул. Подозреваю, что на сей раз фасон одежды выбирал он, а не графиня.

Брюки. На мне были узкие, совсем уж мужские брюки светло-коричневого цвета и только с середины бедра начиналась многослойная юбка. Сверху белая блузка с корсетом поверх(!). Впрочем, все по-прежнему было закрыто, и воротник блузки был гораздо выше, чем самое скромное декольте платья любой приличной леди, да и обтягивало ноги вовсе не так сильно, поэтому компромисс мы нашли. Еще пришлось пообещать, что это совершенно исключительный случай, и напомнить, что никто из высшего света в месте, куда мы собирались с драконом, меня не увидит, ведь кроме нас двоих там просто никого не будет.

За пролетевшее время я все-таки сумела найти общий язык с вредностью скотины, которую по ошибке назвала Леди — как оказалось, манеры этой лошади скорее вызывали ассоциацию с Крестьянкой или Плебейкой, но исправлять что-то я посчитала поздним. И пусть еще не раз это упрямое, словно не лошадь, а баран, животное мотало мне нервы, отказываясь выполнять команды и грозя откусить мне пальцы каждый раз, когда я по совету конюха пыталась подкупить ее угощениями, мы все же справились со своими взаимными неприязнями и разногласиями.

Так что, когда ворота распахнулись, и верхом въехал беловолосый лорд, я была готова и уже поставила ногу на ремешок.

Забавно, что почти все наши встречи отличались по способу прихода дракона. Первый раз он влез окно, второй постучался чинно в дверь, третий мы встретили вне дома, и он находился в форме в своей восхитительной чешуйчатой форме и далее. Теперь же я встретила своего дракона сидящим верхом и еще более внушительно статным в таком положении. Я рассматривала его с легкой нервной улыбкой, надеясь, что она сошла за приветливую, и все думала, что же в драконе не так, помимо разницы в возрасте. Озадачиваться этим я начала лишь потому, что практически уже понимала, что значат чувства к противоположному полу.

Так почему мое сердце начало биться сильнее от одного прикосновения к руке в нужный момент, и мысли теперь сводятся к одному юноше, а не к заботящемуся, сильному, взрослому и, главное, невероятно привлекательному, да просто идеальному внешне мужчине, больше всего походящему на настоящего принца или рыцаря?

От размышлений оторвал меня комплимент пристально разглядывающего мужчины. Я смущенно покраснела, скрывая за стеснением постыдное самодовольство.

Прогулка, поначалу, обещала быть хорошей. Улыбался он, улыбалась я. Ветер дул теплый, ласковый, и парк Аймитов, который находился за нашим поместьем, встретил приветливой яркостью своих красок и звонкостью птичьих песен. Только мы много молчали. Я кидала на дракона взгляд исподтишка, иногда встречала его — спокойный, но, мне казалось, уж слишком спокойный, какой-то непроницаемый. Если изредка задавала невзначай вежливый вопрос о погоде и его самочувствии, то происходил короткий обмен общих фраз и следовала какая-то странно ироничная усмешка в ответ на мои попытки задать разговор, что меня, скажем так, напрягало, посему я в конце концов прекратила их.

«Но не мог же он узнать о вчерашнем событии? Иначе реагировал бы гораздо более... Бурно.» — Поежившись от своего жуткого предположения, решила я и успокоилась. Кто мог знать, может, у лорда очередной бзик? Или он просто наслаждался, действительно, этой тихой прогулкой.

Так мы провели время аж до обеда, протоптав все тропы в парке. Мне было, откровенно говоря, немного скучно, я ожидала от дракона очередного сюрприза, чего-то вроде внезапного предложения выйти на поляну и взлететь на спине его второй ипостаси. Пожалуй, это было бы в его духе и, несомненно, меня бы привело в восторг, потому что я уже давно мечтала, чтобы меня, как, все-таки, бедную деву из сказки про дракона, покатали этот самый дракон на своих могучих крыльях. Иначе какая же моральная компенсация за всю тяжесть моего положения? Однако мой спутник так и не внес разнообразия, как бы я ни ждала. Ни одного интересного замечания, ни капли намека на увлекательную дискуссию, ничего. Он провел нас по кругу и вернул к дому.

Разочарованная, я уже собиралась спешиться и оставшиеся метры до открывающихся ворот пройти так, думая, что скучнее подарка и вообще дня рождения еще у нас с драконом не было, как тут раздался вопрос, от которого, кажется, мир перестал для меня вращаться.

— Вам понравилось целоваться, Мариабелла? — легкомысленно-насмешливый тон дракона не должен был меня обманывать.

Чувствуя, как ужас стремительно топчет душу, я обернулась к нему, расширившимися от страха глазами встречая, наконец, истинный цвет его радужек. Ярко-ярко алый, каким было вчера небо на закате.

Я не помню, чем обрывался для меня тот день. Помню опухшие губы, помню слезы, помню отчаяние, помню свою истерику и жгучую ненависть к дракону, но все это было уже утром. И еще тем утром я отчетливо знала: вампирский посол исчез из дворца императора. Тот, кто украл мой первый поцелуй и мою подростковую любовь, был убит, а убийца в качестве второго наказания вложил мне в голову это знание и оставил жить с осознанием, что в этом виновата я, моя беспечность и моя глупость.

Я не помню сейчас и не хочу помнить никогда, каким было первое наказание, но... подозреваю, в чем его суть. Откуда-то я с той даты знала, что губы дракона на вкус горькие.

Возможно, от моих слез.

Часть пятая

О плохих и хороших подарках

Семнадцать — возраст неопределенности. Наполовину я была взрослая, через опыт взвешивающая каждое слово и решение, наполовину взбалмошный подросток, поступающий иногда на эмоциях, оправдываясь мыслью «авось пронесет». Возраст, когда все еще могут зло сыграть гормоны, но есть тяжелое осознание некой ответственности. Возраст, когда я решилась на второй побег в своей жизни, основываясь на ненависти и... пытаюсь банально сбежать от венца. Но в отличие от первого побега, продумала все от магического артефакта, скрывающего ауру и глушащего поисковые заклинания, до документов на новую личность и присмотренного далеко за границей убежища.

Впрочем, ровно семнадцать мне исполнялось только завтра. Имела право оправдать себя незрелостью, верно?

Я бросила еще один взгляд на стекло, за которым простирался в сумерках наш сад. Благо, что в этом году весна пришла очень рано, снег сошел и на улице было достаточно тепло. В первый раз я открыла окно и бездумно спустилась вниз, и мой детский побег кончился играми дракона с детьми. В этот раз у меня была удобная одежда для верховой езды, Леди, ожидавшая меня оставленной в городской гостинице неподалеку, и сумка с вещами, которые я собрала, вооружившись знанием из всех прочитанных авантюрных романов. Конец точно не должен был повториться.

Я собиралась встретить свои семнадцать лет свободной.

Нашего сторожа сменили. Кстати, по приказу вечного нашего, известно какого, «гостя». Теперь дежурили аж двое, причем делали это серьезно, по совести. К несчастью, от меня, благовоспитанной госпожи этого дома, подвоха доблестные стражи не ждали, и чаю, любезно вынесенному мною пару часов назад, таки отведали. Я проскользнула мимо как раз в то время, когда снотворное уже действовало.

В городе не было тихо, вопреки моим ожиданиям. Впервые гуляя в столь позднее время, я услышала великое множество потрясающе красноречивых выражений и слов, которых не встречала ни разу, несмотря на обширное изучение нескольких языков в своем образовании. Адреналин в крови заглушил совершенно любой намек на страх, и ни липкие взгляды, обращенные на загадочную фигуру в плаще — женскую фигуру, это было понятно по походке и хрупкости телосложения, — ни странные обращения и зазывания из разных уст не смутили меня. Опыренная успехом, я минула по главной мощенной дороге два квартала, спокойно забрала у разбуженного моим стуком юного паренька-конюха свою лошадь и была такова. Мимо проносились ряды богатых и респектабельных домов и заведений, горящие в окнах огоньки сливались в одну яркую линию, ночной ветер снес капюшон и бил в верхнюю половину лица, не прикрывтую шарфом, а я летела вперед, не чувствуя ни опасения, ни сожаления. Родной дом покинуть оказалось не сложно, преодолеть городскую черту — проще простого. Мое будущее, непременно, как я думала, светлое и счастливое, ждало меня впереди, и оставалось только крепко держать повод и ликующе улыбаться дороге.

Первой проблемой стал привал, который пришлось сделать среди леса после большей половины пути. Устали я и Леди, он был неизбежен. Костер-то зажечь, благо, что спички были, я смогла, и хворост насобирала. Только холод, настигнувший, как только первая эйфория сошла, все равно не давал покоя, как бы близко я ни легла, подстеливши плащ под холодную землю. Лежать на твердой поверхности было сначала неудобно. Потом — больно. От запаха костра на утро меня начало тошнить, а, что было главным, костра не боялись комары, от коих не спасало вообще ничто и никак.

Романтики ночевки под открытым звездным небом я так и не познала. Более того, неба в ту бессонную ночь я не увидела вовсе, пытаюсь хоть как-то спастись от мерзких насекомых под пледом, натянутым на самую голову.

Следующим неприятным открытием стало то, что умываться ледяной водой из речки тоже отнюдь не так приятно и легко, как описывалось на строках книг. Не говоря уже о том, чтобы там помыться, как бы сильно ни хотелось мне стереть с себя вонь дыма.

Еще по мелочи было несколько безрадостных моментов, что окончательно сбило весь мой воодушевленный настрой.

Дальше по дороге обнаружилось, что на копчик очень давит и бьет при каждом скачке, и вообще затекли конечности. Холод пронизывал насквозь, такой холод, что я наконец догадалась: зима не ушла, это был обманный маневр погоды, и теперь моя надежда обойтись

осенними одеждами рухнула. Под плащ я, не выдержав, от отчаяния еще кое-как обмотала себя пледом.

Но все это еще не убедило меня развернуться и поехать обратно, сдаться на гнев родителей и дракона. А... зря.

Неожиданно громкий свист озадачил меня. Я успела погадать, какое животное могло издавать такой звук, а потом все полетело очень, очень, слишком быстро.

— Куда держим путь, м-леди? — тон неизвестного был гадко приторный, голос тянул «М» так противно, как еще никто не коверкал подобное обращение на моей памяти.

Они спустились с деревьев. С резким глухим звуком удара о землю прыгнули так резко, что заржавшая от неожиданности Леди (вообще, это получилось даже единогласно с моим вскриком), едва меня уже сбросила.

Я смотрела на перегородивших дорогу бандитов и судорожно вспоминались сцены схваток в романах. У меня не было боевых способностей, магией я не обладала, а защитный амулет оказался так непредусмотрительно замотан на шее под оборотами пледа.

Сердце пропустило удар от вида мерзотной, до невозможного кривой предвкушающей усмешки на грязном лице. Когда они начали подходить ближе, хотя разделяло нас и так меньше десятка шагов, я смогла лишь попытаться развернуть Леди и тут же зажмуриться от ужаса: сзади подступали тоже. Выхода, казалось, из ситуации просто не было, мои трясущиеся пальцы судорожно пытались вытащить за шнур проклятый амулет, но не получалось.

Спасение пришло с той стороны, которую в те мгновения я разумно определила как «меньшее из зол». Вспышка портала ознаменовала эпичное явление дракона народу. Народ, не сразу поняв, что происходит, бросился на возникший, по их мнению лишний субъект всей толпой, и так же дружно полетел в разные стороны, откинутый — как не так давно комарики моей рукой, но только действенно — заклинанием.

— Рано Вы, однако, — хмуро заметил дракон, снимая обомлевшую меня с Леди. — Думал, дойдете хотя бы до границы, ну что ж. Как ваши впечатления от этого приключения, Мариабелла?

Я пораженно смотрела на него, не сопротивляясь, даже когда, опустив на землю, он так и продолжил удерживать за талию.

— Вы знали все это время? — Неверяще переспросила я. Шок от произошедшего не дал в полной мере все переварить, но я все еще таила надежду, что не все на этом свете и по крайней мере в моем свете им контролируется.

На равнодушном лице моего теперь спасителя не проскользнуло ничего, хоть как-то намекающего на эмоции, которых я ждала. Он не орал, не отчитывал меня своим ледяным тоном, не насмехался. Он был... Вежлив. И совершенно холоден.

— Дам совет: когда ищете убежище, делайте это через подставных лиц, а не от себя, — был мне ровный ответ и объятья разомкнулись.

В ступоре уставившись ему в спину, я краем глаза заметила еще живое шевеление раскиданных на земле тел. Дракон колдовал. Он колдовал красиво, мощно и, как истинный архимаг, практически без спецэффектов. Молча и с закрытыми глазами — признак глубокого транса и сильного, очень сильного призываемого заклинания.

А я смотрела за тихим процессом, стояла, уставшая, разочарованная, раздавленная и обреченная, и ветер был так отчаянно, как будто напевал моей жизненной трагедии, а вторили ему редкие стоны пораженных злодеев.

Так мне и исполнилось семнадцать полных лет.

* * *

Моя жизнь удалась. Мне оказали честь, я счастливица по жизни. Я никогда не познаю трудностей, мне всегда со всем помогут и защитят.

...Так последний год твердила мне мама. Папа молчал, и, наверное, можно было считать это знаком согласия. А мама не просто говорила, она верила в это, чисто, всеобъемлюще, со всей наивностью, на которую может быть способна тридцатипятилетняя женщина, ненавидящая свой брак. Она судила по подаркам, судила по статусу, винила меня в том, что это я капризная дура, изводящаяся своего прекрасного мужчину.

И если учитывать все, что известно об истинных парах, то это, в общем-то, не было безосновательным заблуждением. Но если сначала, может быть, меня всего лишь «немного» раздражало навязчивое ощущение тотальной слежки и контроля, бесило, доводило до слез то,

как мягко провели черту между мной и другими детьми — как будто я выше их всех, достойнее, что не нравилось последним особенно, вследствие чего друзей у меня больше не было (а ведь и так не особо широкий выбор был среди отпрысков близких нам аристократов), и разочаровывало знание, что все предрешено, ожидать принца не нужно (он уже есть, холодный, как осколок айсберга, на своем черном вороном коне, слишком зрелый для меня мужчина), то с недавних пор у меня было несколько причин для яркой ненависти. Я убедилась как никто другой в том, насколько опасен дракон. Даже мать суеверно боялась называть «Его» непосредственно по имени, а если называла, то инстинктивно шепотом, словно он услышит и призовется, подобно разгневанному демону. Она была убеждена, что я буду счастлива, но почему-то на себя великодушие зятя не примеряла, шугалась его и при этом искренне считала, что если я избранница, то бояться, а тем более ненавидеть чудовище не могла. По ее мнению, это было весьма логично.

Я не рассказывала ей о том, кто умер по моей вине и по прихоти дракона. На мою сторону она бы не встала в любом случае, ведь это я предала дракона, посмеив поддаться порывам чувств. Мне хватало угрызений собственной совести, не хотелось, чтобы грызла еще и мама. Поэтому она и никак не могла понять, почему наши дружеские отношения, так улучшившиеся после того, как он подарил мне Леди, обратились моей ненавистью. Решила, что я обиделась на пропущенный однажды им праздник, и я не разубеждала ее, тем самым лишь сильнее в глазах графини представляя избалованной и мелочной.

Она готовила меня к замужней жизни. Изводила наставлениями, заставляла шить и вышивать, что я хоть и любила, но при таком давлении почти возненавидела, и говорила, говорила, говорила...

Утро, когда я стала совершеннолетней, было судным. И я уже знала, что решением суда будет отправка меня в ад замужней жизни.

— Чудесно выглядите, моя дорогая. Сегодня ваш важный день. — Он улыбнулся почти привычной, почти той теплой улыбкой, но она не коснулась холодных глаз — оттого поверить в ее искренность было невозможно. Пронзительный взгляд едва ощутимой щекоткой прошелся от высокой пышной прически, в которую уложили тяжелый шелк моих волос, по требованию дракона отращенных до кошмарной длины — мне вообще запрещалось стричь их за исключением кончиков — до подола длинного багрового платья, им же и присланного мне вчера посылкой. Вкрадчивый баритон мужчины мог свести с ума томным шепотом в ночи свою женщину, а мог заставить одним лишь повышенным тоном дрожать в ужасе, пасть на колени и умолять пощадить. Я не испытывала ни первого, ни второго. Со мной он говорил как сейчас, так и раньше относительно ровно, даже добавлял капельки теплоты для обманчивого образа добродушия.

— По человеческим меркам вы достигли своего взросления, Мариа. — Зачем-то посчитал он нужным напомнить. Мое имя в этих устах раздражающе задело слух. Дракон странно его тянул, с нотками смущающего наслаждения и оттенком насмешки. Внутренне скривившись, внешне я ничем, разумеется, не подвела мамино воспитание — скромно опустила глазки в пол, покрытый бежевым пушистым ворсом, и кивнула. Руки, сложенные на сведенных коленях, мелко дрожали. Улыбнуться ему в эту гадкую дату было выше моих возможностей.

Сегодняшние посиделки у нас проходили в малой гостиной, возле разожженного камина. Климат в Валерсии прохладный почти равносильно и зимой, и летом. У нас почти не бывало сугробов по колено или палящего солнца, но были унылые дожди с пробирающим насквозь ветром или скудные лучики тепла поздней весной. По этой причине стопка дров горела в этом очаге постоянно. Оранжевые блики гуляли по благородному дереву, в котором была отделана комната, заставляя танцевать на стенах тени и причудливо вспыхивать отражением света яркую разноцветную роспись на противоположном окне, едва прикрытом чуть колыхающейся коричневой занавесью. Диван, на котором скромно сидела я, был обшит дорогим бархатом и приятной мягкостью ощущался под тканью моего нарядного одеяния. Платье было идеально, но мне постоянно хотелось взять и прикрыть чем-нибудь непривычно глубокое декольте, одернуть свободные подвязки на плечах. Периодически я вновь кидала взгляд на сделавшего паузу мужчину, расслабленно устроившегося в кресле. Впрочем, насчет расслабленности я благоразумно не ободрялась. Его лицо в полумраке помещения очень даже гармонировало с темнотой своей хищной, мрачной, неизвестной опасностью.

Я не нашла ничего лучше, чем кивнуть. Вот уже с полуночи мне было восемнадцать, и вот уже с этого мгновения я должна была перейти в новый этап своей жизни. Для кого-то это прекрасный, долгожданный миг, когда перед тобой свобода, перспективы, планы, мечты, а я... Он говорил, что подождет меня. дождался. И я, и мои родители понимали, что с огромной долей вероятности теперь я получу официальное предложение руки и сердца. Отец в последние дни выглядел все более опечаленным, а мама взвинченной, но больше, наоборот, радостной. Граф Аймит не желал этого брака. Я знала это с самого начала, но... Но что он мог сделать? Я не винила его, хотя последнее время ловила все чаще виноватые взгляды.

Я смирилась с тем, что у меня нет выбора. Есть забота окружающих, деньги, титул, защита. Даже подружки появились, еще с того проклятого бала. Только выбора, свободы и... Чувств я не имела. А ведь последнее, по идее, обязано было идти в комплекте под названием «Истинная пара». Наверное, мне просто бракованный попался. Или я сама бракованная?

— Как вы, Мариабелла? — Треск пламени нарушил осторожный вопрос. Я неволей посмотрела в черные глаза перед собой и подавила желание недоверчиво выгнуть бровь. Он не улыбался больше, посерьезнел и вообще выглядел так, словно больше всего на свете его и правда волновало мое самочувствие. Хотя в соотношении с «праздничной» атмосферой и радостным звучанием слова «совершеннолетие» тон вопроса выбивался из общего настроения.

Я рассматривала мужчину все дольше, замечая чуть сжатые губы, четко очерченные, и легкую хмурость резких линий бровей. Он красив, по-звериному хищно привлекателен, если не распускает свою пугающую силу вокруг. Теперь, созрев полноценно как девушка, я могла это оценить, но... Я все так же ненавидела его.

Я отыскивала больше информации еще тогда, два года назад, когда рана еще была свежа и новость разлетелась по журналам и газетам. Рин. Его звали Ринталион Эльдашс. Он был представителем Верады — небольшой по размерам страны с демократическим уклоном, подавляющее большинство жителей которой составляли вампиры. Пресса уклончиво назвала его лордом-загадкой, на утро исчезнувшего из тщательно охраняемых покоев принявшего гостя особняка герцога. Оставив все вещи, миссию, что, полускрытая государственной тайной, была ему поручена, и младшую сестру, которую потом отправили одной домой.

«Вам понравилось целоваться, Мариабелла?»

И меньше всего мне хотелось отвечать сейчас на вопрос о том, как себя чувствую. Как минимум потому, что не хочу отвечать неприятную правду, а лось дракон чувствует и, мягко говоря, недолюбливает.

В моей голове, вообще, пронеслись десятки вариантов ответов, но кулон на шее ощутимо нагрелся, как не раз до этого, отрезвляя хозяйку и обрывая цепочку изящных ругательств. В нем, казалось, и правда было сознание, хотя артефакты с вживленным разумом возможны до сих пор лишь в сказках и мечтах ученых. Мой же рубин часто вел себя, словно живой.

Поддерживал незримым теплом, когда я лила слезы ночью, пожирая себя чувством груза и тяжести, ощущением невидимых оков, ключ от которого сожрал дракон. Прибавлял энергии в моменты, когда от переживаний хотелось взвыть, останавливал от эмоциональных порывов и, честно сказать, я как-то нездорово к нему привязалась.

— Я хорошо себя чувствую. Спасибо, — сухо ответила я, наконец взяв себя в руки. Что-то меня дернуло добавить еще ироничное: — Я в предвкушении.

И прежде, чем я успела извиниться в страхе наткнуться на обиду дракона, — а она, как уже известно мне, чревата — раздался тихий смех. Но когда вскинула на него взгляд, выражение лица лорда было абсолютно невозмутимым.

— В предвкушении чего? — вежливо поинтересовался он. — Подарка?

Я подтвердила. Я ведь меркантильная и мелочная, как же иначе. Если бы мне предложили делать ставки, то я бы, не сомневаясь, поставила бы все свое имущество на кольцо. Кольцо на безымянный палец.

— А чего бы вы хотели, Мар-риа? — рокошующие вкрадчивые нотки вызвали толпу мурашек по телу... Я вздрогнула.

«Он... соблазняет меня? — внезапная мысль вызвала невольный румянец. Я стрельнула растерянно взглядом на него и поняла, что... Да. Этот тон, это выражение, улыбка — как еще можно расшифровать?»

— Я не знаю. — Нервно повела плечом и, поджав губы, заметила, что его подарки всегда предугадывают мои желания безошибочно. На это он довольно хмыкнул и кивнул.

Хотя в глубине души я точно знала, чего хочу.

На самом деле, мне вообще было бы сложно угодить, ведь к этому дню у меня было все. Меня холили и лелеяли, заботились и охраняли так, что я совершенно небезосновательно называла себя своеобразным «сокровищем дракона». Красивым, искрящимся золотом и совершенно бездушным. Любой мой каприз исполняли, не на шутку избаловав тем самым в скучной вседозволенности растущую леди. Любовь родителей была не наигранной. Оба несчастные в общем браке, они нашли во мне, к счастью, не козла отпущения, как порой это бывает, а наоборот, утешение, если можно так выразиться. Во мне все души не чаяли, мою жизнь называли бы идеальной. Роскошная сказка, где есть и дракон, и принц в одном лице.

Единственное, что изначально было недоступно, как я уже упомянула не раз — свобода. Ее не было ни в чем. Любое «мое» решение оказывалось практически не влияющим на результат, мне никогда не давали делать ошибки, а малейшие проблемы исчезали, едва только появлялись на них намеки. Если я теперь куда-то шла «одна», то все равно чувствовала — ОНИ рядом.

Невидимые и неуловимые, оберегают и не дают даже споткнуться. Стражи, приставленные после прошлого побега. Мифическая «свобода» для меня была уже навязчивой мечтой. И на вопрос «чего бы хотела» меня тянуло ответить именно: свободы! Переживать неудачи, чтобы научиться ценить победы, тяжести жизненных испытаний, острых ощущений и пьянящего осознания власти над собственной жизнью. Забыть о принадлежности дракону по праву истинности. Больше всего я хотела знать, что передо мной много тропинок вольного будущего, выбирать которое мне только самой — в том числе и мужа. Звучало сказочно.

Но, разумеется, этого я сказать не могла.

— Что насчет уйти из родительского дома, Мариабелла? — Обрывая короткую паузу разговора, он вопросительно на меня уставился. Я едва заметно вздохнула.

«Вот так и выходят замуж», — ударило в виски болезненным уколом невеселое замечание, и я напряглась в ожидании того самого момента. Значит, я все же угадала. Мой подарок — помолвка... Что ж, это был худший подарок дракона мне за все время. Даже несмотря на предыдущий, в виде издевки — комплект для путешествий вместе с рюкзаком, имеющим целый пространственный карман. После этого сбегать я больше не пыталась.

— Рано или поздно я должна была бы, — уклончиво ответила я, рассеянно теребя ткань платья. «Давай, не тяни».

Мир от волнения внезапно стал казаться меньше, сдавливал болезненно голову в тисках и мешал мне выдерживать черный, как ночное полотно неба без звезд, взгляд мужчины. Едва утихнувшая дрожь рук возобновилась. Так и должно было случиться. Я знала об этом дне изначально, сотни раз прокручивала варианты того, каким же образом он назовет меня официально своей невестой. А я не смогу отказать.

— В таком случае... — протянул он низко, проникновенно, и я не удержалась — зажмурилась, слыша, что он встал и шагнул ко мне. Он наклонился к лицу, не столь близко, как если бы хотел поцеловать, но я чувствовала, что ухо пощекотало чужое дыхание, прежде чем я услышала: — Это ваш подарок, Мари.

Мою ладонь аккуратно, трепетно обхватила ладонь побольше, оторвав от платья, нежно сжала на секунду и вложила... бумажку?

— Что это?! — резко распахнув глаза, пораженно выдохнула я, вперившись взглядом в нечто невероятное.

В моих руках находилась вещь, лелеемая каждым хоть мало-мальски способным магом королевства. Да и ближайших государств тоже. Керкинская академия магии высшего порядка — место, где учатся фактически будущие архимаги и магистры, лучшие боевые специалисты и целители, способные вернуть с того света. Письмо о зачислении леди Мариабеллы Аймит.

— Но я не маг, — растерянно сказала я, поднимая обратно на мужчину округлившиеся глаза. — Зачем это вам?

Он выпрямился, но так и не вернулся на место, все еще зачем-то возвышался над мной — как будто просто разницы в наших социальных положениях, личностном росте и в принципе весовых категориях ему недостаточно. Задумчиво смотрел, не отрываясь, и мне становилось от этого все больше не по себе. Наконец медленно, подбирая слова, произнес:

— Вы поверите, если я отвечу, что для меня делать хорошие подарки вам стало просто делом принципа? А я уверен, что другой подарок, — тут он вставил многозначительный смешок, — вас бы не порадовал... Так.

Я только кивнула в ступоре.

— Что насчет магии, — продолжил дракон как ни в чем ни бывало и неожиданно ухмыльнулся, снижая тон снова до обескураживающе томного: — вы ошибаетесь, Мария.

Не успела я испугаться, как меня уже снесло... я бы назвала это ураганом. Безжалостным, могущественным, заставившим в ужасе вскрикнуть, пока он же и не заткнул меня. Он целовал меня, властно, яростно, заставляя выгнуть шею до боли, целовал, как будто мстил — неистово, требовательно, жгуче. Я задохнулась криком, но рука дракона крепко перехватила мои запястья, другая полезла вниз, скользнула по талии, коснулась бедер в боковом разрезе.

Это уже было за моей гранью, и трусливое сознание нашло способ справиться — резко ухнуло в темноту спасительного небытия, но что-то все равно с силой вытащило меня оттуда. И не успела я начать умолять от безвыходности положения, как, открывая глаза, заволоченные слезами, поняла, что уже одна. Когда я, отходя от шока, пришла в себя, в воздухе таяли остатки красных магических искр, а кулон, оставивший на ложбинке между ключицами болезненный ожог, медленно остывал.

Магия — много магии, во мне, в окружающем меня материальном и нематериальном, сначала почти оглушила. Я чувствовала себя переполненной и в то же время опустошенной, в ушах раздавался ужасный звон, как после сильного удара. Голова шла кругом, и я с трудом сфокусировала взгляд, судорожно дыша.

Дракон сделал мне потрясающий во всех смыслах подарок.

Часть шестая

Немного об учебе и о боевой форме драконов

Керкинская академия магических наук брала свое начало в темных тысяча двухсот двадцатых годах, когда разразилась война между белыми и черными магами. Этого, пожалуй, можно было ожидать, если судить по тому, как раньше из года в год передавались предубеждения и неприятия, подкрепляющиеся периодически возникающими на этой же почве инцидентами, между двумя группами адептов разных магий. Довольно короткая, но кровопролитная стычка длилась четыре года, пока маги не поняли, что силы слишком равны, чтобы победила одна сторона. Более того, маги были друг другу нужны. В двадцать пятом году между лидерами и организаторами войны был заключен мирный договор, а на месте сего события, чтобы подтвердить его и повлиять как-то на остающиеся противоречия, построено первое учебное заведение, обучающее магов, способных использовать и светлый, и темный источник. Это было хорошим решением, ведь изначально, по идее, четких ограничений в выборе узкого направления никогда и не было — это выдумали сами маги, возгордившись «своим». Конечно, у всех свои наклонности, и таланты были неравномерны в обеих областях. Поэтому было не так-то просто обучить каждого, однако за прошедшую половину тысячелетия разделений и противоречий не осталось вовсе. Темных и светлых больше нет — есть целители, боевики, некроманты, предсказатели, ведьмы, алхимики, артефакторы, использующие попеременно оба источника.

Всемирно известная элитная академия представляла из себя не просто огромный замок и историческое достояние — все в радиусе пяти миль входило в ее состав. Магазины, дома, четыре музея, мини-библиотеки, корпуса, стадионы, две больницы, морг, поле, озеро, лес. Не показушность это, просто ни один псих не согласится жить рядом с обиталищем сильных, да еще и в процессе обучения, магов. Это был самый настоящий процветающий академический городок. И мы подъезжали к его центру, величественному зданию, объединяющему теоретические занятия адептов, который в данный момент сверкал в лучах полуденного солнца энергонакопительными кристаллами верхушек шпилей башен. Карета — впрочем, можно ли таковой ее считать, если новинка прошлого года полностью лишена лошадей и кучера и ездит на чистой магии? — начала тормозить, и тонкий свистящий звук заставил вздрогнуть. Дверь со стороны мамы открылась, и прохладный воздух месяца сентября ударил в теплый салон порывом ветра с дождливым запахом осени.

После нее пришлось выйти и мне, ежась и кутаясь в шерстяную накидку, надетую поверх строгого темного платья. Раннее утро было темным: неудачно в этот день тучи заволокли небо, грозя хлынуть топящим потоком воды.

Папа молча остановил от уже было сделанного мной шага вперед, кивая на стражников. Ворота были распахнуты, но родителей не пускали. Нам надлежало попрощаться здесь.

Я перевела взгляд на хмурую леди Аймит, до сих пор недовольную тем, что вместо свадьбы дракон принял глупое решение позаботиться о моем высшем, да еще и магическом образовании и, незаметно сглотив возникший в горле ком, неожиданно обняла ее. Она заметно смягчилась и крепко обняла в ответ.

— Ты переросла меня, — тихонько посмеялась она, отстраняясь. Я натянуто улыбнулась и тоже самое проделала с папой, ощущая просящие наружу слезы. На языке был пугающий горький привкус нехорошего предчувствия.

— Учись хорошо, Мариша, — выдохнул банальное отец, и я, уже отстраняясь, почувствовала, как мне в руку аккуратно вложили маленькую коробочку.

Удивленная, я кивнула, спешно пряча ее в карман.

Прощание было коротким и неловким. Мои чемоданы уже унесли, и пришлось под выжидающими взглядами свидетелей нашей, наверняка им надоевшей за много лет одного и того же, бытовой сцены идти вперед. Ворота быстро закрылись за мной, и я видела, как уезжали родные уже сквозь замысловатый узор стальных рутьев.

Так началась новая глава в моей жизни.

Первый семестр, как известно, самый трудный. В моем случае более того — чтобы не отстать от Керкинской программы обучения (выбирать специальность, как оказалось, можно было только со второго года, на первом же акцент ставился на обобщенное развитие и управление темного и светлого источником), я спала две-три ночи в неделю, а в остальное время держалась сплошь на зельях. В нашей группе насчитывалось семьдесят два студента, половина из которых были бюджетниками. Эта же половина практически полностью и отсеялась к празднику леди Зимы. Да, им, поступившим бесплатно, за счет только способностей — сколь бы велики таковые ни были — приходилось сложнее всего, и помимо ума от них требовалась и огромная сила воли. Предвзятость, повышенные требования и тяжелейшие задания, особое отношение к ним как преподавателей, так и сокурсников-платников к несчастным видно было невооруженным взглядом, и я даже могла бы посочувствовать, если бы... Если бы по неведомым причинам на меня это не распространялось ровно так же, хотя оплату за меня не просто произвели — вместе с «поощрением» внесли наперед круглую сумму за все семь лет. По итогу вместо того, чтобы наслаждаться студенческими буднями и ходить на пятничные собрания, я, бывало, рыдала над конспектами и дополнительными домашними.

Несправедливо...

В коллектив «своего уровня» я не вошла. Не только потому, что вынуждена была прославиться редким ботаником, но и по другой причине. Причина обладала чешуей и преследовала меня много лет, продолжая, незримо, но своими действиями, даже здесь. Инцидент произошел на второй месяц после того, как началась активная учеба и студенты немного освоились.

— Эй, Аймит!

Я, полудреmlющая над своим завтраком, вздрогнула и резко подняла голову. На кончике носа осталась частичка каши, но убрать ее я не успела — обладатель нагловатого мужского тенора не менее нагло стер его пальцем, и, честно говоря, я едва удержалась от того, чтобы брезгливо поморщиться, прежде чем самостоятельно салфеткой протереть уже больше след от его прикосновения, чем каши.

Парня звали Маркус. На год меня старше, он являлся старшим отпрыском графства Рейдерского, а по совместительству, что, в общем-то, отнюдь не редкость в нашей среде, обладателем непомерного самомнения. Пару раз мы уже пересекались на светских раутах, но не общались. Встретив мой укоризненный вопрос, он усмехнулся, изогнув толстую бровь, и коротко констатировал:

— Сегодня мой день рождения. Ты приглашена.

Я вежливо улыбнулась, про себя удивившись оказанной чести быть лично приглашенной.

Конечно, не то, чтобы я совсем отшельничала — я знала в группе всех хотя бы по имени и фамилии, просто для галочки, и иногда обращалась за помощью с бытовыми вопросами. Или ко

мне. Но все привыкли, что я совершенно «негуляющая». Иными словами, скучная. А уж этот активист и вовсе до этого не смотрел даже в мою сторону.

— Прими мои поздравления. Извини, прийти не могу, я...

Но Маркус, грозно скрестив руки на груди и сев рядом, буравя меня раздраженным взглядом, договорить не дал:

— Хватит строить недотрогу, Аймит! — Процедил он раздраженно. — Ты все сильнее смахиваешь на них.

Не скрывая презрения, он кивнул на дальний столик, где сидела объединившаяся компания шестерки оставшихся бюджетников.

— Не унижительно ли для леди твоего положения?

Я задумчиво перевела взгляд с бледного высокомерного лица молодого аристократа на устало улыбающихся чему-то в углу ребятам. Присмотрелась с любопытством. Вон тот, который ближе всех сидит, явно перебарщивает с бодрелкой — энерговосстанавливающим зельем, которое после третьего дня непрерывного использования дает коже очень желтый оттенок. А та девушка, у которой короткие волосы не влезают ни в один хвост и торчат, словно наэлектризованные — с заклатьем «неморгайка», вызывающим соответственные симптомы. Брюнетка в плаще, надетым навыворот, почти уснула так же, как и я, носом в каше.

Вдруг поняла, что все, что к ним могу испытывать, это солидарность, сочувствие и уважение. А то, что «смахиваю» как-то не унижает вообще. Хотя нельзя было отрицать, что пару недель назад я ходила к ректору за возмущаться такому неподходящему по статусу здесь преподавательскому отношения к Своему Величеству, на что была послана учиться усерднее, если не желаю вылететь, подобно большинству бедных бюджетников. Думаю, он блефовал, но уже неважно. В последнее время со всем этим я смирилась и практически вошла во вкус. Знания, вкладываемые Керкинской программой, и те, что дополнительно входили в зазубриваемые мной, должны были того стоить.

Так что я вернулась к Маркусу, терпеливо ожидавшему моей заторможенной реакции, пожала плечами и сказала, что ответ ему все же окончательный. Это ж надо, парень готовился, пафосно решил поднять заезженную тему социального превосходства.

— Проклятье! — Выругался адепт и мне было показалось, что он теперь уйдет, но вместо этого была огорошена: — Ты нравишься мне, понятно? Давно нравилась. Поэтому мне важно, чтобы ты пришла, я хочу начать наши с тобой отношения.

И он серьезно заглянул мне прямо глаза, не моргая. Выглядело все это настолько натянуто и по-детски, что я не выдержала, невежливо прыснув.

— Кто-то проиграет спор, верно? — примирительно улыбнулась я, подперев для удобства подбородок рукой. Теперь стало ясно, с чего внезапное внимание.

Маркус, явно ожидавший другого, замер и стремительно покраснел, подтверждая догадку. Затем разозлился, наклонился резко ко мне, неволей заставив отшатнуться, и прошипел:

— Я даю тебе шанс еще влиться в нормальное общество! А раз ты не против относить себя к подобному ничтожеству, — это было про все тот же злосчастный стол, — то оставайся!

На этом разговор и кончился. Проходя мимо бюджетников, Маркус зачем-то — вероятно, чтобы меня показать наглядно свои слова о ничтожестве (или попросту выплескивая свой гнев на тех, кто заведомо ничего не противопоставит, что еще вероятнее) — проходя, грохнул стул с дремлющей девушкой и, не останавливаясь, направился к выходу из столовой. На шум вскочила ошарашенно я. Бросилась было догнать гада, но самодовольная спина уже скрылась за проходом.

— Вот сволочь, а? — буркнула себе под нос недовольное, инстинктивно оборачиваясь к пострадавшей, растерянно оставшейся сидеть на полу. Ей спешно помогли встать.

— Ага, — глухо согласилась со мной девушка, усаживаясь аккуратно на стул обратно. — Чего он на этот раз?

— Обиделся, — честно ответила я, хмыкнув. — А что, не первый раз отыгрывается?

— Естественно, — ответил за нее желтый паренек, сверкнув раздраженно к удивительному совпадению желтыми же глазами. — Не он первый, не он последний. Твари голубой крови.

Последнее он выплюнул с такой ненавистью, что я аж вздрогнула, вспомнив, что как бы тоже отношусь к упомянутой группе.

— Кирс, — укорила его брюнетка, имя которой я с трудом, но все же вспомнила — Мира Морковская. Выразительное прозвище «Морковская», или, хуже того, «Морковка» прилипло к ней намертво. Она выразительно указала взглядом на меня.

— Я уже уйду, — спешно сообщила я, неловко качнув головой. Навряд ли мое присутствие было здесь приятно. Забавно же получается — ни туда, к «своим», из-за хронической усталости, не позволяющей присоединиться к обязательным в жизни золотой молодежи увеселительным мероприятиям, ни сюда, к товарищам по учительской несправедливости, из-за собственно же происхождения.

Снова я ощутила укол обидного одиночества.

Я поспешно закинула мрачные мысли подальше и решила отвлечься другим. Доедать, естественно, уже не стала и просто покинула столовую, задумчиво глядя себе под ноги, в шахматный кафель. Мою скучную ботанскую головку впервые за все время посетили бунтарские мысли, и в уме стремительно формировался план мести. Не то, чтобы меня лично так задело поведение Маркуса, но как-то уж очень было обидно за несчастных бюджетников. Назавтра адепта Рейдерского я ждала больше, чем вообще, кажется, кого-либо в своей жизни. Мое сердце замирало в радостном трепете предвкушения, стоило дернуться ручке одной из двойных дверей аудитории, зачарованнойотреагировать заклятьем чесотки на слепок ауры Маркуса (мною благополучно выкраденный из архива путем обмана нашего архивариуса, с которым я поддерживала доверительные отношения), а облаку заклятья «Эверниас», вызывающему приступ нездоровой прямооты и честности речи, опасно накрепиться. Но каждый раз это оказывался не он, и ни одно из заготовленных сюрпризов — в том числе стул, где сидел аристократ и часть его парты — не понадобилось. Я разочаровалась ровно девятнадцать раз новоприбывшим. Остальные двадцать два студента уже были со мной в аудитории, и лишь один он так и не пришел, хотя ждала я всю пару. Потом вторую пару, где спешно соорудила еще «сюрпризов». Третью ждать не стала. Он не пришел в тот день вообще. Я мысленно пошутила, что парень испугался, почувствовав мой шальной настрой.

Лишь спустя неделю он вернулся. Еще бледнее, чем был, с оттенком болезненного зеленой кожи, странно хромая. С тех пор всегда зачем-то носил на шее шарф и меня шутался как огня. Заодно вместе с ним прекратилось и любое другое со мной контактирование его друзей, причем это фактически были все в группе, кроме бюджетников. Расстроиться этому я не успела как раз из-за исключения в виде последних. То, что произошло с бедным лордом, Кирс, Эля, Мира, Арина, Лерис и Тай — та самая шестерка того стола, приписали (увы, сказать, что необоснованно, я не могу) мне. И подошли поблагодарить. Не буду говорить, что так я обрела верных друзей-не-разлей-вода, но как минимум неплохую компанию — да.

А кто на самом деле виноват в злключениях пострадавшего я, конечно, знала. Злорадства не ощутила. Горький привкус совести пошел в копилку поводов для ненависти к тому, кто продолжал портить мою жизнь, даже лично не присутствуя, не позволяя ни в коем случае забыть о себе.

Студенческие будни текли все быстрее. Стали привычнее, роднее, легче. После зимней сессии, получив все свои заслуженные пятерки, я, счастливо прижимая к себе одной рукой зачетку, а в другой держа сумку с вещами для поездки домой на праздничные каникулы, вдруг осознала, что частично дракон выполнил мое желание: он устроил мне месяцы учебы с бешеной нагрузкой. Те самые жизненные трудности, которых так хотелось почувствовать на своей шкуре, и сладкий-сладкий вкус облегчения, когда я справилась. Сама.

Полуденное солнце лениво сверкнуло из-за громоздкой тучи и вновь за ней скрылось. Тепла оно не давало уже совсем, и промозглый ветер бесснежной зимы заставлял даже возбужденных адептов, переживших кошмарные дни сессии, дрожать от холода, кутаясь в пальто, плащи и меховые накидки.

Красиво вымощенная благородным желтым камнем площадка, окружавшая замок главного здания академии, была специально сооружена для автокарет — или, как их сокращали теперь, автокаров, которые постепенно все прибывали и благополучно уезжали, забирая адептов на отдых. Я, как и все, стояла у ворот в радостном предвкушении, вглядываясь в пасмурный горизонт в ожидании родных. От академического городка до столицы — час езды, около сорока миль. За время, что тут провела, особенно в последние недели выбираясь в выходные погулять с друзьями, я всем сердцем успела полюбить это удивительно чистое, полное знаний и магии, место, застроенное самых разных сфер деятельности зданиями чудной формы. Каждый раз

приходила в восторг из-за светящихся зачарованных дорожек под ногами и почти живых статуй, коих здесь почему-то было до абсурдного много. А, и статуи «почти живые», потому что душа у статуй была мертвая — призраки, проще говоря, вселены в каждое каменное изваяние. Тут любили все украшать цветами, и таковые яркими красками росли прямо на стенах, пышными бутонами раскрывались по утрам вместе с окнами домов. Зеленые деревья странных видов, чаще, правда, небольшие, садили по бокам дорог и тротуаров. Автокаров использование в городке было мало распространено, адепты предпочитали ходить пешком или ездить по старинке, на лошадях... метлах, крыльях, коврах, подушках... Есть легенда, что однажды один особо ленивый, но ужасно талантливый в предмете левитации, студент прилетел прямиком на кровати. Восхищенный магистр Летан поставил за этот случай потом зачет автоматом, однако другие преподаватели — особенно магистр флороведения, Авессия Цветис, на чьи клумбы приземлился полуспящий летчик — были не очень положительно впечатлены. Говорят, зачет у мстительной Авессии он сдал с шестой попытки, и в наказание на целый месяц из комнаты провинившегося изъяли эту самую кровать, так что спал несчастный еще долго на полу, что, естественно, плохо влияло на способность высыпаться и учиться.

— Ты уверена, что не хочешь съездить со мной? — Опять спросила я, отрываясь от прострации и поворачиваясь к Арине.

Девушка, с которой мы сблизилась настолько, что я смело называла ее своей первой лучшей подругой, являлась круглой сиротой и на эти две недели каникул, в том числе Приход Леди Зимы и Снежный карнавал — ежегодное событие, во время которого объединенными силами маги вызывают во всей стране снегопад — оставалась здесь, в академии, что по моему мнению было скверным решением изначально. Но она упрямо отказывалась от моего предложения. Симпатичная кучерявая блондинка едва доставала мне со своим миниатюрным телосложением до подбородка, хотя я высоким ростом не обладала. Она, в силу скромности, робости и женской очаровательной хрупкости, не раз привлекала внимание адептов с курса. Однажды я застала ее плачущей, в буквальном смысле прижатой к стенке одним из таких, особо настойчивых. Мое «эй» было воспринято ровно лишь в тот момент, когда идиот узнал во мне «ту самую», знаменитую благодаря Маркусу и его трагичному состоянию. Кто знает, какие слухи выдуманы были касательно моей опасности, однако глаза насильника стремительно округлились и спустя миг я осталась наедине в темном и пустом коридоре с рыдающей Ариной. Запас печенок и чая в тот вечер у меня существенно пострадал, но девушку я успокоила и даже развеселила, поклявшись заняться ее воспитанием — ну, нельзя же быть настолько тряпкой? Процесс воспитания начался с совместной мести тому самому адепту, и все свои неиспользованные сюрпризы я потом все же воздействовала. Арина постепенно стала увереннее в себе, оказалась очень интересной собеседницей и верным товарищем.

— В следующий раз, — все так же непоколебимо ответили мне. Блондинка мягко улыбнулась и в этот момент кивнула мне за спину.

Негромкий звук тормозов был долгожданным. Оборачиваясь в радостном трепете, я ни секунду не сомневалась, что это мои, это за мной!

Автокар замер аккуратно в метре от меня, и задняя дверь транспорта распахнулась. Это действительно было... за мной.

Сердце ухнуло куда-то в желудок, моя улыбка погасла.

— Вы?! — Вырвалось у меня глухое. Я инстинктивно отшатнулась, как от чумы. Впрочем, дракон, невозмутимо вышедший на свет из мрака салона, в какой-то мере и являлся для меня олицетворением чумы.

С последней нашей встречи прошло девять с половиной месяца. Я считала, что как минимум до следующего «свидания» еще имела время подготовиться морально, а, будучи честна с собой, в идеале надеялась, что он вообще не станет беспокоить меня в годы обучения. Но дракон, видимо, соскучился. Какой весь радостный, как добродушно смотрит...

Жаль, я его чувств не разделяла. По коже пробежались мурашки, разум охватило странное ощущение, схожее с дежавю. В последний раз, когда он так улыбнулся, мои губы были изнасилованы его губами, и до настоящего изнасилования было не так уж далеко. Меня аж передернуло.

Из ступора вывело столкновение с Ариной, стоявшей прямо за мной. Пришлось брать себя в руки и, обернувшись к подруге, я тихо извинилась и попросила ее оставить нас.

— Я позже напишу, ес... Когда доеду до дома, — искренне сомневалась, что планы остались прежними.

Она перевела с меня мне за спину изумленный взгляд, похлопала ресницами и без лишних слов — любила я ее понимающее молчание — ушла, окончательно предоставив меня во власть мужчины.

— Добрый день, — в это время спокойно произнес до скрежета раздражающий вкрадчивый баритон, и его владелец сделал отчетливый шаг ко мне.

— И что вы делаете здесь? — не скрывая грубости, спросила я, кусая губы. Как легко проявлять смелость, бросая вызов в черные провалы глаз монстра, когда голову кружит темная злоба.

Обида. Ненависть.

На что в этот раз я злилась больше? На тот случай с Маркусом, на то, что даже в академии чувствовала себя под контролем этого мужчины или на тот поцелуй, после которого он откровенно сбежал, оставив меня в смешанных чувствах посреди бури? На все сразу?

Бровь мужчины удивленно поднялась выше, уголок губ — ах, эти, чтоб отвяли, губы! — дернулся в кривой усмешке.

— А вы не рады, Мари? Для начала я должен поздравить вас с успехами. — Он кивнул на зачетку, все еще сжимаемую мной нервными пальцами до посинения. Затем взглянул на сумку, облегченную магией, и протянул руку, ожидая, что я отдам ее. Я упрямо сжала ручку сильнее и молча отступила еще назад.

— В чем дело? — Видя мое неподчинение, что, несомненно, редко встречающийся феномен на его пути, лорд Шайкан нахмурился, и тон его похолодел: — Садитесь в автокар, леди Аймит. Я договорился с вашими родителями, каникулы вы проведете со мной в Эстдарии.

Меня аж передернуло от этой самоуверенности, от так привычных для него приказов. Эта безотказная манера говорить была одной из самых нелюбимых мной вещей, и за одно только это я могла бы ненавидеть его — как будто поводов для ненависти и так не хватало. Вообще, все в этом индивиде было обратно пропорционально образу того, кого я хотела бы назвать своим «истинным». Иногда я думала, а, быть может, у нас односторонняя связь, если таковая существовала? Но даже такое предположение звучало жутко нереалистично. Это что же, именно я, младенец рядом с древним бессмертным, своими обыкновенными человеческими качествами привлекаю его? Seriously? Поэтому в его взгляде практически всегда скука, а в голосе снисходительность?

Конечно, не могла отрицать, что упоминание второго эльфийского королевства не на шутку заинтриговало. Одна из самых прогрессивных и богатых, пусть и маленькая по размеру, стран мира, Эстдария имела сложнейшую систему на границе. Проще говоря, попасть туда мог не каждый, даже очень богатый, а все из-за того, что эстдарийцы выбирали лично, кого пропускать, затем строго следили за тем, чтобы гость не натворил чего, не задержался дольше оговоренного срока. Слишком большие проблемы помнило это королевство, связанные с эмигрантами.

Для дракона же границ не существовало вовсе. То, что он предлагал, действительно было соблазнительно, и в любой другой ситуации я бы согласилась. Например, попроси он вежливо. Напиши мне письмо с предложением, от которого, без сомнений, я бы точно не стала отказываться. Или как минимум предупредив, а не приехав с внезапным заявлением в минуту, когда я так настроилась на встречу с семьей.

— Я никуда с вами не поеду, — решительно отчеканила я, впервые так долго выдерживая этот пронзительно черный, как два темных провала без видимого дна, взгляд.

И моя наглость, громкий вызов в глупых играх с гляделками, стали ошибкой. Никогда, никогда не доводи дракона до алых всполохов, ведь это — грань.

А в его глазах как раз разгоралось красное пламя бешенства.

— Куда подевалось твое чувство самосохранения, девочка моя? — Обманчиво ласково, почти с нежностью поинтересовался он, и ничто, кроме жуткого алого сияния, не выдавало бы ярости дракона.

«Не смотри дольше нужного в их глаза — первое правило». Раньше на меня правила выживания при встречах с драконами не распространялись, но теперь я, кажется, поняла их значение.

Стремительно бледнея и холодея, я, впервые в полной мере ощутив на себе всю выпущенную силу его ауры, в первый миг различила одно-единственное желание: лечь на землю,

придавленная этой моральной тяжестью, и закрыться руками. Как будто меня окатило могучей волной среди океана и сбило тем самым с палубы корабля.

Не знаю, что на меня нашло. Возможно, от пережитого за эти месяцы так расшаталась нервная система и тренируемая мамой выдержка. Как бы то ни было, я вдруг вскинула повыше подбородок, сглотнув едва не закрывший кислород ком в горле и ответила, чудом не заикаясь: — Туда же, куда ваше чувство такта. Его не было. — Сказала и тут же почувствовала себя потенциальной самоубийцей.

Что-то грохнуло сверху. На небе, в удачном стечении обстоятельств сегодня уже заволоченном сплошь чернейшими тучами, полыхнула молния... Красная. И небеса содрогнулись! Тяжелые капли безумного ливня с силой били по земле, в секунду промочив всех, кто имел несчастье стоять на улице. Столь резко, что среагировать быстро было невозможно, и в бедственном положении были практически все засуетившиеся студенты.

А я стояла, круглыми глазами пялясь на дракона, и толпа по дуге оббегала нас, так и оставшихся почему-то совершенно сухими и неподвижными. Я — скованная дичайшим ужасом, и он, стремительно теряющий человеческий образ. Черная чешуя случайной омерзительной россыпью возникала то тут, то там, а черты лица неотвратимо менялись в нечто промежуточное от ящера. И клыки... Черт подери, у него из-под челюсти выпирали клыки!

— А теперь как? — прорывало внезапно чудовище, заставляя меня вздрогнуть всем телом.

— К-как? — В шоке переспросила я. И в том же состоянии добавила бредовое: — П-плохо.

Погода у-ужасная...

— Теперь самосохранение появилось? — Ничего человеческого в этом чудовищном басы схожего с родными, привычными обволакивающе вкрадчивыми нотками уже не было.

Пребывая в прострации, я качнула неопределенно головой, а затем как в худшем кошмаре наблюдала, как ко мне потянулась лапа. Именно лапа — когтистая, с перепонками между пальцев. Всегда боялась ящериц, а тут смесь с человеком уродская стоит, рычит и явно не погладить конечность свою ко мне тянет. И все, занавес.

Я заорала.

Часть седьмая

О новых впечатлениях и антагонистах

Нередко бывало, злорадно усмехаясь, старшие ребята и преподаватели нам говорили, что когда со второго семестра начнется практическая часть обучения, мы, счастливые заучки, все разом узнаем, как изнутри выглядит главный академический лазарет. Снаружи-то все видели, кто хоть немного гулял по городу — это была огромная лечебница с несколькими корпусами. Но вот побывать там начинающим, «зеленым» адептам ни разу не удалось. Непроизвольных травм никто не получал, а легкие недомогания решались в маленьком медпункте, где вместе с лекаршей дежурили пятикурсники с целительского факультета. Честно говоря, угроза если не пугала, то настораживала: это что нас, калечить собираются? В общем, наслаждались мы теоретическим материалом, пока могли.

И, пожалуй, я в этом году единственная с подготовительного курса, кто попал сюда так рано.

Первое, что бросается в глаза — невероятная белизна потолка. Никогда такого белого оттенка не видела, белее девственного снега. Идеально, ни пятнышка, гладкий матовый потолок из неизвестного материала. Красота.

Я далеко не сразу поняла, где нахожусь. Сначала трусливо предположила даже, — во многом вина в белизне перед очами — что смерть уже меня постигла, мир мне прахом. Кто бы обвинил меня в пессимизме, учитывая, какое кошмарное зрелище мелькнуло последним воспоминанием в памяти? Но не успела я толком испугаться и пожалеть себя, такую молодую, ничего толком не повидавшую в брэнном своем бытии, как обрывки чужого разговора коснулись ушей:

— Я в жизни не видела мужчины красивее в своей жизни. — Голос рассказчицы был полон эмоций и ощутимо дрожал. — И, знаете, в жизни мне никогда не было так страшно.

Раздался странный звук, похожий на смесь всхлипа и истерического смеха.

— Ох, Натка, это ты еще молодая. А я... Знаешь, девка эта его по здоровью меня обгонит! —

Поддерживая ее, продолжила неизвестная собеседница. — Шок у нее просто, только в

медпункте нашатырь понюхать и все нормально. Так вот я когда пыталась ему сказать, он на меня как зыркнет — я ж пожилая женщина, сердце-то подводит уже, чуть ноги не вытянула там же на месте.

Последовал уже отчетливый слаженный вздох, полный печального взаимопонимания.

— Слава небесам, что каникулы наступили, свободных палат хоть отбавляй. А то блуждали бы тут больные, еще бы кто увидел этого сгоряча и пиши пропало, одни некроманты бы радовались.

Вот так и сложилась картинка. Видимо, дракон все ж вспомнил, что я его обожаемая половинка и передумал жрать. Принес сюда, испугался, что умираю. Небезосновательно, между прочим, ведь мы, люди, существа хрупкие, на моем месте мог бы кто действительно разрыв сердца схватить. Единственное, что меня волновало — ушел ли он уже или поджидает где-нибудь еще? Нет, точно не поблизости, иначе бы так громко обсуждать бы страшились, но уехал ли он в свою Эстуарию или когда узнает, что я пришла в себя, забирать вернется?

От этой мысли я вздрогнула и тем самым выдала себя.

— Глядите, госпожа Кастарая, проснулась уже, — шепотом произнесла та самая Ната, и надо мной появилось лицо. Посмею предположить, что, судя по едва заметным хмурым морщинкам вокруг глаз, вцепившихся в меня опытным взглядом врача, это была старшая из говоривших, госпожа Кастаная.

— Вы как, адептка? — Тон ее разительно поменялся, стал жестче, строже. Возникший было по тем ее репликам образ добродушной пожилой дамы разбился о портрет властной и сильной женщины.

— Хорошо, — честно ответила я, чуть растерявшись. В следующую секунду я вспомнила наконец о подвластных мне опорно-двигательных функциях тела и села.

Моя палата оказалась удивительно просторной, с огромным панорамным окном, в белоголубых тонах и с большим количеством растений в горшках, расставленных на полках, на полу у стен, повешенных на стенах. Ничего особенного в том, как выглядел «главный академический лазарет» (а вернее главная больница уж, если так посудить), не было, из чего я сделала вывод, что угроза попадания сюда заключалась исключительно в обстоятельствах такового.

На мне было все то же простое бежевое платье, плащ только сняли, так что было ясно: побывала я тут совсем недолго, и шанс, что дракон никуда не делся из городка, неутешительно велик.

— Раз ты в порядке, вставай и будь свободна, — осмотрев бегло мой растерянный вид, ровно сказала лекарьша.

После того, что пережили, мне, принесенной злым чудовищем, здесь были явно не рады.

Пришлось спешно собираться с силами и, кивнув, я откинула с ног одеяло и встала с кровати окончательно, заметив свои туфли, аккуратно поставленные рядом.

— Тебя там ждут в коридоре, — любезно сообщили мне, чем окончательно разрушили надежду и подавили дух. На этом посчитав долг передо мной завершенным, женщина и, судя по всему, ее помощница ушли.

А я, тоскливо проводив их глазами, честно тянула время. Обувшись, все сидела и пыталась решить, что делать. Теперь я, несомненно, опасалась дракона гораздо больше, чем до этого ненавидела. В следующий раз может и сожрать, не подумать. Вновь с ним находиться рядом вовсе не хотелось.

И вот в момент, когда я уже готова была выйти через окно и скрыться переждать, например, у Арины, раздался короткий стук и дверь скрипнула, после чего в мою, пусть и ненадолго, палату вошли.

— Я не хочу ехать с вами! — отчаянно выпалила я, бросая судорожный взгляд через плечо. И осеклась.

Папа стоял с букетом моих любимых цветов — розовых акриэнов, особенных своей формой, сильно напоминающей бабочек — в руке, улыбаясь. Так мудро, по-родительски снисходительно и ужасно понимающе улыбаясь.

В следующий миг я уже обнимала его так крепко, как могла, словив в какое-то мгновение себя на том, что незаметно для себя почему-то плачу, и горькие на вкус слезы впитываются в темный камзол папы, пахнувший его одеколоном — с нотками чего-то не менее горького, как незаваренный чай.

Более-менее взяла себя в руки лишь когда наблюдала, сидя на мягких подушках поверх сиденья, из заднего окна автокара, как удаляются стены академического городка. Вскоре и

вовсе на горизонте виднелись одни только горящие пики башен. И те медленно, но верно пропадали из поля зрения.

— А где мама? — неловкий вопрос звучал хрипловато, и, смутившись, я тихонько кашлянула, прикрывшись тем же платком, которым вытирала горькие слезы с совершенно мокрого лица. Неизбежные последствия истинной безосновательной женской истерики, которую отец, умудренный опытом (восемнадцать лет в браке с мамой, еще бы), выдержал с достоинством. Подталкивая в ожидаемом направлении, сопровождая это нужными утешительными словами, довел меня от больницы к транспорту, усадил и, когда мы ехали, стоически помалкивал и периодически кивал, поддерживая мои жалобы на дракона. А таких за столько времени (я прошла по обидам последней декады лет) накопилось немало.

Папа ответил не сразу. Странно помялся, словно перебирал рвущиеся слова, и выдал радушно:

— Встретит тебя дома. — Тут была вставлена еще одна пауза. Папа впервые вел себя так неуверенно и явно скованно, что не могло не привлечь внимание. Наконец последовала чуть сумбурная речь: — Она очень скучает, Мариша, ты не подумай. Просто не успела подготовиться. Мы не ожидали, что придется ехать, вчера с нами связался дракон и... Он виновато умолк. На мой пристальный взгляд отвел глаза и притворился, что подсчет деревьев в мелькающем лесу очень интересен. А я, глядя на странное поведение отца, задумалась.

После плача всегда остается чуть тянущее, отчетливое ощущение опустошенности в груди.

Легкая горечь слез на языке и в горле ком из тех, что не успели выплакать. Это чувство граничит со спокойствием и бурей. Как затишье в центре, откуда выйти не получается никак, будто кто-то поставил ограду, не дает выйти из круга апатии.

Мои родители знали и даже не ждали меня дома. Они отдали меня дракону даже в этой ситуации, даже на долгожданные каникулы, легко и без сомнений.

— А я вас ждала, — тихо сказала я, наблюдая за его реакцией. Всего лишь констатировала факт, ведь сил обвинять кого-то не было.

Но папе было достаточно и этого. На короткую секунду лицо его как будто пронзила судорога — настолько болезненного выражения я еще никогда не видела. И я вдруг наконец рассмотрела то, что эгоистично не заметила за своими переживаниями.

Отец постарел. Статность его осанки исчезла, он чуть сутулился. В темной шевелюре гораздо явственнее проскальзывало серебро, а у глаз скопились мелкие морщинки, как печать узоров возраста. И в лучах вечеряющего солнца кожа казалась не бледной, а нездорово серой. Он выглядел не просто старым, он выглядел... больным.

— Я знаю, ты всегда ждала. Ждала от нас поддержки. — Внезапно речь перешла на почти шепот. — Мне жаль, что мы никогда не могли дать тебе ее именно в этом. Раньше не могли... Я не мог. И сейчас не могу пока, Мариша, я...

Неожиданные слова, которые я слушала, затаив дыхание — странные, важные, впервые столь откровенные — дослушать не удалось. Раздался резкий оглушительный хлопок, звоном отозвавшийся в ушах, и мир с ужасающей силой тряхнуло. Чудо, что, по инерции упав вперед, я удачно угодила головой в подушки на соседнем сидении.

На жуткие мгновения все стихло. Так бывает. Свет замирает, стрелка часов замедляется, смертоносная волна останавливается на высшей точке — это доля секунды, маленький миллиметр времени... а затем время рванет в ужасающей скорости, вода яростно хлынет на берег, топя город, снося крыши и жизни, а свет разорвался вспышкой.

Дверь автокара не просто открыли — ее вырвали с петлями и отбросили, как ненужный невесомый хлам. А потом в проеме показалось ОНО. Неведомое, не поддающееся квалификации, местами гниющее, некогда имевшее схожие черты с орком, определенно уже мертвое, ОНО радостно оскалилось, вперив в меня белые глазницы, и...

Я кричала. Кричала, широко распахнутыми глазами следя за тем, как рванула через весь салон морда огромного умертвия ко мне, кричала, когда отец голыми руками пытался ударить существо, и напрочь забыла о том, как сильно презирала слабых барышень из дамских романов, что разрывали горло в визге и были не способны сделать ничего, кроме как пугаться и травмировать чужой слух. В ту неподходящую минуту, отчаянно, до боли жмурясь, осознала вдруг, что, стоит так продолжить и если про меня напишут книгу, то я определенно получу статус кисейной дамы.

Сделать я ничего так и не смогла, чем несказанно разочаровала себя потом. Зато сделал за меня кулон, оставивший на многострадальной шее несильной отдачей ожог, и удар защитной магии алым мини-взрывом вынес незваного пассажира прочь. Вместе с тем и мои остатки координации.

На этом все не кончилось. Пока папа лихорадочно меня ощупывал и в панике спрашивал, я пораженно смотрела со своего удивительно удобно открывшегося угла обзора, как на дороге разворачивалась кровавая битва. Ехавшие с нами телохранители в числе хлюпкой пятерки верных оборотней, стоило признать, никак бы не смогли обеспечить такое зрелище. Если быть точнее, два бессознательных тела из их числа, видимые с моего ракурса, уже валялись на земле, и их судьба, скорее всего, ограничилась не «битвой», а «избиением».

А вот бились по-настоящему... драконы.

Дело было в том, что тот мой злополучный побег, случившийся год назад, не прошел безнаказанно: дракон приставил, кто бы мог подумать, телохранителей... С того дня я поняла, что больше не одна вообще. Естественно, если я находилась в спальне или в ванной, или переодевалась, мирно ходила на кухню за водой, ничего не ощущалось. Но стоило сделать шаг за дом, как я чувствовала кожей, покрывающейся с непривычки сначала мурашками, пристальные взгляды. Не один периодически, как было с Шайканом, а несколько. Окончательно убедилась, что это не паранойя, я в день, когда решила сбежать в один из дамских баров. Туда. Где свободные леди и вдовы, туда, где танцуют и пьют мужские напитки. Меня вернули домой моментально. Просто развернули карету и направили домой. Тогда я разглядела лишь фигуры, потому что мои телохранители были полускрытыми размыватыми тенями.

Но сегодня этой иллюзии призрачности не было. Их оказалось всего трое против десятка взбешенных чудищ с убийственно острыми когтями и зубами (как иронично, что чудищами теперь я называла не драконов, а их противников), но, Великие Небеса, почему-то я успокоилась. Мои защитники даже не перешли в ту боевую, смею предположить, форму, которую в ярости (или то была лишь показушность?) продемонстрировал мне мой дракон, и было видно, что тут им это было и не нужно. То, как легко и стремительно двигались клинки, как невозмутимо мужчины упокаивали умертвий, не оставляло возможности последним прорваться. Я заворуженно рассматривала драконов, отмечая, что брютеты, вероятно, братья, и во благо своей психике упускала из внимания то, как красиво на фоне летели во все стороны порубленные и поверженные ошметки пусть и уже неживых, чисто магически склепанных, но, как-никак, вполне узнаваемых органов и конечностей. У них были строгие черты и похожие орлиные носы — это все, что мне отчетливо запомнилось. Неожиданно ясное, достаточно холодное понимание того, что это настоящее покушение на меня, и, скорее всего, не первое, настигло вместе с вернувшейся способностью ориентироваться в пространстве.

— Мариша, не смотри туда, хватит, — велел мне родитель, разворачивая меня в другую сторону. Но я, уже было послушно кивнувшая на заботу о себе, внезапно выставила руку, препятствуя ему, и пристальнее вгляделась туда.

Не туда, где остатки рычащих монстров погибали под мечами драконов, дальше. Меня отрезвила мысль о том, что видимая картина — лишь пушечное мясо, выставленные без сожаления пешки. И где-то наблюдает игрок.

Он действительно был там. На возвышении холма, полускрытый в тени дерева, и взгляд, через белую маскарадную маску, смотрел... не на меня, нет. Он смотрел на моего отца, и на губах антагониста моего проклятого дня играла усмешка. Что поразило меня больше всего — свойская, насмешливая, понимающая, почти что дружеская. Потом он (а может, она?) перевел внимание на меня, словно почувствовав, отвесил шуточный поклон и, развернувшись, исчез. Мне хотелось закричать: вон он, злодей, зачинщик, ловите, нагло и пафосно показался, похвастался... Однако стало уже не до него.

Потому что папа улыбался тоже, глядя на то место, где стояла загадочная фигура. Печально, горько, обреченно. Так быстро и мимолетно, а затем, опомнившись и чуть мотнув головой, словно сбрасывая наваждение, обернулся мне — на короткий промежуток времени мне захотелось считать, что улыбка как бы была всего лишь плодом моего бурного воображения. Он встревоженно спросил меня о самочувствии, а я промолчала. Слишком много на один день, слишком странно и непонятно. Мои чувства от слишком частого ворошения, переворачивания с ног до головы. Самочувствие было уже не разобрать, все находилось в страшном беспорядке.

Как за нами приезжали стражи порядка, пересаживали в другой автокар, довозили до дома, я помнила уже как в тумане. Драконы потеряли свою видимость, предпочтя оставить гору трупов разбирать простым смертным. Но теперь я точно знала, кто они, какие они, и решительно не собиралась оставлять все как есть.

Когда мы приехали в имение, было темно. Никто не знал о случившемся, и встретившая нас в холле полусонная мама была обескуражена не помятым, растерянным видом своего мужа и дочери. Я оставила все объяснения папе, обняла леди Аймит, чувствуя себя выпитой до дна, даже не способной больше плакать, и попросилась в комнату. Мне хотелось только побыстрее смыть с себя все, что навалилось, под струями воды, переодеться в что-нибудь домашнее из оставленного в особняке гардероба, и уснуть. Меня поняли.

В ту ночь, свалившись без сил в постель, я уже сквозь сон чувствовала, как гладила мама меня по влажным волосам и поправляла одеяло. Не то, чтобы она была очень сентиментальной, но возникло ощущение, что она просто накопила вины. Во всяком случае, именно этот, чисто материнской жест подарил мне умиротворение. Я и не думала, что так успела соскучиться по дому.

Часть восьмая

О праздниках и переменах

Первые дни каникул прошли сказочно. Произошедший инцидент обсуждать (при мне, конечно) не стали, лишь сочувственно спрашивали, все ли со мной хорошо. Папа стал еще молчаливее, чем по жизни был, и днями он углублялся в свое ювелирно-артефактурное хобби. Проводил с нами ужин, иногда, если повезет, обед. Но ни в коем случае не выдавал своей депрессивности, нет. Наоборот, напоминал увлекшегося ученого, переполненного энтузиазмом. Улыбался в разговорах, шутил. Только глаз его не касались ни улыбка, ни насмешливое «хо-хо». Я видела тяжелую тоску в глубине синих омутов родительского взгляда, но, когда хотела спросить — мне не позволяли, перебивали, переводили в другое русло. И я не стала мучить расспросами ни о странном поведении, ни об увиденном в тот гадкий день, решив повременить, не портить себе и другим праздники. А в доме уже стоял сладковатый аромат мандаринов, хвороста, и повсюду витали блески от мишуры и прочих украшений. Несомненно, лучшим, что случилось и случиться могло в эти дни, что я проводила дома — нарядное маленькое собрание всей семьей лично. Данная традиция продолжалась из года в год, и в этот раз я несказанно обрадовалась, что мое совершеннолетие вовсе никак не изменило этой нашей детской радости. С остальным домом работали слуги, но надо было видеть ту невыразимо теплую зимнюю атмосферу, которая распространялась даже на них в дни подготовки. Теперь стены были увешены не дорогими картинками часто непонятного содержания, а игрушками, сверкающими кристаллами различной формы, посыпаны блестками, как торт разноцветной крошкой, и с потолка свисали магические «сосульки». Мы выключили все лампы в коридорах, ведь вечерами, когда весь этот восторг загорался, дом начинал сверкать ярче, чем под утренними лучами естественного светила.

Только один вопрос я все же задала отцу, когда столкнулась с ним вечером около лестницы. Я шла на кухню, забыв там тетрадь с поздравительными записками, а он на чердак за очередными своими принадлежностями.

— Папа, погоди. — Я настойчиво вцепилась в рукав герцога, не давая сбежать, как он всегда делал, опасаясь быть со мной наедине, без мамы. — Пожалуйста! Что в той коробке, что ты подарил? Она не открывается.

Сколько бы я ни магичила, как бы ни извращалась над чудом механики, артефакторики и ювелирки (в этой смеси был весь папа), несчастная бархатная шкатулочка осталась равнодушной к изнуряющему меня сутками любопытству. Была мысль обратиться к мастеру, но... Папа жутко не любил, когда его создания касалась рука другого знатока. В общем, мне показалось это неэтичным по отношению к дарителю, и я таки дождалась момента истины.

На лице герцога отразилось облегчение. Ага, ведь его поджидать могли в любой момент вопросы гораздо более сложного содержания. Сам ведь тогда в карете начал объясняться, так стоило уже закончить.

Только мне и самой было страшно от того, какова может оказаться правда. Я гнала от себя эти переживания, убрав их подальше от счастливых дней перед встречей Леди Зимы.

— Не пытайся открыть раньше, Мариша, — тихо произнес он, серьезно глядя сверху вниз на мои попытки выглядеть внушительнее. — Рад, что пока мой подарок тебе не понадобился. А когда наступит такой момент... Ты все поймешь, я надеюсь.

С такой таинственной речью меня оставили одну. Преодолев ступор, я ушла спать, позабыв о тетради.

Важным событием, выбившимся из общего темпа моего здесь отдыха, стало осуществление того самого решения изменить свою позицию с расой драконов. Разумеется, не касательно отношений с моим истинным, нет. Я откладывала это до самого конца, и, более того, до полуночи и громкого праздничного звона, объявляющего Ее Приход, оставалось теперь меньше часа, а я...

— Я знаю, что ВЫ здесь!

Голос мой, обманчиво полный решительной смелости, на удивление не дрогнул, хотя я с трудом проглотила ком страха в горле. Высота под ногами была немаленькой. Стоит оступиться, сойти с ровной площадки на крыше, и я слечу по скользкой черепице, а дальше три этажа до земли. Внизу, в ярких огнях праздничных фонарей, виднелся не только наш огромный сад, перемешанный мамиными беседками и папиными фонтанами, но и разноцветные улочки нашего района, почти центрального в столице. Красиво переливались кристаллы, что являлись главными неотъемлемыми атрибутами каждого дома в зимнюю пору. Особняки, крупные и помельче, башни-небоскребы вдали и, конечно, королевский дворец — места красивее сегодня не найти во всем королевстве. Он, как роскошный, невероятно огромный маяк, манил к себе обителью дорогих украшений, угощений и даров. Большинство аристократов собирались сегодня там, на грандиозном балу, но Аймиты остались праздновать дома. Не то, чтобы то была традиция, и не то, чтобы часто, но иногда наша семья встречала этот праздник в малом зале в совсем узком кругу. Признаться, именно такие, маленькие и уютные Приходы трогали меня гораздо больше шумных раутов и затейливых вальсов.

Мама, папа, тетя и ее семилетний сын, мой обожаемый племянник, беззаботно проводили время за столом, и мне стоило поспешить, ведь отлучаться в такой чувственный момент ужасно неудобно.

Ветер бил мне в лицо, сегодня особенно сильный, словно пытался согнать с опасного места, подгонял оставить безумные шизофренические речи. Но я упорно продолжила.

— Господа, поздно прятаться, я все там видела! Мне надоело ваше незримое присутствие, из-за вас у меня серьезные психологический диагноз — паранойя. Не заставляйте меня прибегнуть к крайним мерам, я...

Красноречиво шаркнула ногой, демонстрируя опасную шаткость своего положения. Ветер как-то ощутимо вдруг усилился, так, что я покачнулась и чуть не упала... назад. Ветер, ага, как же.

— Даже пусть вы и словите меня, все равно успею пострадать! — нагло заявила я, стараясь не смотреть долго на пропасть под скользкими туфлями. — Хотя бы морально! Эти годы вы держались на стороне, но теперь мне это надоело. У меня масса вопросов, и я хочу ответов. Слышите? Я наврежу себе!

Все то же молчание в ответ. Слуха касается только одинокий вой того же ветра. Понемногу начала чувствовать себя все менее уверенной и все более дурой... решила сменить тактику.

Вежливые просьбы — это всегда сложнее, чем категоричные требования.

— Сегодня ведь праздник, — уже тише выдала я, и стало как-то даже стыдно. — А вы так всегда и скрывались по углам, пока я веселилась? Неужели ни разу не хотелось хоть раз присоединиться к столу? Я попросила накрыть еще на троих своих друзей... Пожалуйста. У меня начинала кружиться голова. От страха ли высоты или просто волнения, или всего вместе. Но я чувствовала, что навряд продержусь на этом месте долго. И так взгляд свой не знала куда девать, не рискуя пялиться на землю.

— Почему вы так упрямы? Я же не преследую коварных планов, не стараюсь втереться в доверие... мне просто необходимо хотя бы узнать имена и лица тех, кому обязана жизнью. Придраться было не к чему, я не слукавила ни разу. Мне и правда всего лишь нужно было знакомство. Даже смутившись от собственной сентиментальности, я, кусая губы в волнении, ждала. Если не так, то что еще могло сработать? Я отмечала, что это было очень, очень важно, пусть даже как просто пунтик в плановом блокноте.

Но ответом была неизменная тишина. И через минуту, и через две... Разочарованная в лучших шаблонах повествования, я развернулась и направилась в дом...

Честное слово, поскользнулась чисто по невнимательности, и правл случайно. Так бывает, когда эмоции бурлят и ноги не сгибаются. Переводя дыхание и утихомиривая свое сердце, я горько усмехнулась, выпрямляясь не без чужой помощи. Решив больше не мучить себя попытками неизвестно чего добиться, я мрачно шагнула теперь уже точно к двери.

Но обиженно уйти с гордо поднятой головой не вышло. Вы когда-нибудь видели, как растут в пространстве тени? Сначала вырисовывается контур тела, потом на лице появляются глаза, нос, рот... В полутьме неосвещенной площадки я мало чего смогла разглядеть, но три массивные мужские фигуры темноволосых драконов, по-братски схожих между собой (и это вовсе не расизм!) запомнились мне еще с прошлого раза, на поле боя.

— Только ради места за вашим великолепным столом, — голос одного из моих загадочных телохранителей обладал приятной, чуть хриплой басовитостью. В тоне его неожиданно обнаружилась вполне такая теплая, дружеская даже насмешка, что заставило вдруг усомниться в хладнокровности земноводных.

Это ужасное чувство, когда долго чего-то хотела, не добилась, смирилась уже, а затем, когда вроде как настроилась на проигрыш, тебя обескураживают победой. И уже реакция далеко не столь уверенная, какую репетировала несколько часов у зеркала...

Растерявшись, в первый момент я не очень вежливо промыкала что-то шокированное. Мне предложили локоть, недвусмысленно намекая, что на крыше праздновать. Приход не слишком удобно, а я еще с минуту в ступоре раздумывала, как себя вести, смущенная каким-то снисходительно-терпеливым, отчетливо насмешливым отношением своих гостей.

И наконец запоздало пришло ликование.

Когда мы вошли в залитую бледным сиянием белых кристаллов гостиную, мое праздничное настроение не знало границ. Я не стеснялась широкой улыбки, и в уме уже перебирала вопросы, которые задам драконам позже. Отчего-то не сомневалась, что с мужчинами обязательно получится верная дружба, по канонам авантюрных романов. Я не знала, почему внезапно они передумали и пошли мне навстречу, но, по-моему, все прекрасно понимали причину моего возбужденного состояния. Обреченные драконы почти буквально могли прочитать заранее обременяющие их вопросы, которые я непременно задам после праздника, в моих сияющих глазах. И больше не отвернутся!

За порог я ступала, чувствуя себя не менее чем королевой с четой за спиной. Если бы, конечно, королевы делали реверанс и прятали довольный взгляд в пол.

Стол, где сидела моя семья, располагался по центру, справа у стены горел в камине огонь, тоже отбрасывая свой, живой, весело танцующий свет, а слева возвышалась великолепная елка, наполняющая помещение моим любимым сладковатым запахом хвои. В воздухе витал праздник...

Надо было видеть лица оборвавших свой незатейливый разговор близких мне людей в миг, когда за мной показались три темнокожие и темноволосые горы мышц, напоминающие по виду скорее степных воинов, нежели аристократов. Они меньше всего вписывались в эту светлую атмосферу.

Особенно был шокирован почему-то папа. А ведь он единственный, кто теоретически знал, кого я должна привести, кому сказала, чего собиралась добиться. В общем, герцог Аймит в меня не верил совсем — это было понятно как тогда, когда он снисходительно усмехнулся на предложение заключить пари, так и подтвердилось сейчас степенью его удивления.

Соответственно он и проиграл, а значит, завтра я получу ответы. Осознание этого озарило не только счастливую меня — папа, догнавший эту мысль, начал стремительно мрачнеть.

— ... А это мои друзья, — радостно сообщила я, и с кивка потерявшего лицо герцога вся наша небольшая процессия заняла места за столом. Три места, которые я выпросила, по ожиданиям мамы были для моих подруг, и теперь леди Аймит отчаянно пыталась, растерянно переводя взгляд с одного дракона на второго и третьего, соотнести образ их и предполагаемых подружек. Судя по всему, выходило у нее это плохо.

Тетя выглядела максимально неодобрительно. Леди Шерия Вельгетт была высокой худой блондинкой с темными глазами, обладала жгучей, вызывающей порой внешностью, и тяжелым, стервозным характером. Конечно, то, что перед ней драконы, она поняла. Она приходилась

очень близкой к нашей семье, каков бы ни был там характер, и доверять ей, безусловно, можно было. Но осуждала Шерия меня так, словно я как минимум привела любовников. Единственный человек, чья реакция меня порадовала — мой племянник. Андресс, которому недавно исполнилось десять, пребывал в чистейшем восторге, на который могла быть способно исключительно невинная детская душа, не скованная стереотипами и предвзятостями. Эти, благородного оттенка янтаря, как чинно называла сей цвет тетя, а, если смотреть на них с моей стороны и ракурса, очаровательно золотистые глазки аж сверкали взрывоопасной смесью любопытства и обожания. То, что это те самые драконы, про которых говорили по секрету между собой взрослые, он понял, когда на немой вопрос я, улыбнувшись, чуть кивнула. Если бы любопытство могло убивать, я бы сказала, что увидела во взгляде маленького аристократа смерть этой троице.

Может быть, я и поступила немного эгоистично, не предупредив родных о том, кого из себя представляют мои друзья, но ведь никто не уточнял. Да и они тоже поступили эгоистично, даже не догадавшись как минимум не предупредить меня, что придет дракон, хоть отправить короткое магическое послание — это ведь дело минуты, не больше. Посудив так, свою совет я успокоила.

Да и неловкость, ожидаемо вставшая за столом, не могла длиться долго при наличии горящего вопроса любознательного ребенка. Сначала Андресса пытались остановить, а потом смирились с тем, что такой шторм не предотвратит и, расслабившись на этой почве, завели свои взрослые праздничные разговоры.

— А вы воины-драконы? — яростным шепотом, чтобы все-таки не получать больше гневных замечаний своей мамы, доставал несчастных драконов он.

— А правда, что магия драконов всемогущая?

— А я могу тоже стать воином-драконом?

— Сколько Вам миллионов лет?

— А вы покатаете нас?

Тут между Андрессом и до сих пор проигнорировавшими все его вопросы драконами наступила пауза, во время которой взгляды — три возмущенных и один восторженный — обратились ко мне, потому что сказал не племянник. А я что? Я тоже еще ребенок, в конце концов, имею право.

— Нет так нет, — понуро вздохнула я. — Ничего, придет Шайкан и...

— Дайшес покатает, — перебили меня вдруг. Я удивленно посмотрела на сказавшего, он — мрачно — смотрел на меня с таким выражением, словно отдал грабителю все деньги. Хуже него был только взгляд самого Дайшеса. Я растерянно было покачала головой, хотела отказаться, раз драконам было в тягость, но говоривший пояснил: — Это от нас Вам подарок, миледи.

И я решила, раз подарок, то пусть будет. К тому же Андресс сиял счастливее, чем самая яркая на небе звезда. Однако продолжить допрос он уже не смог, потому что неожиданно вмешался граф и, заработав уважение моих стражей, спас их фразой «Раз есть мужчины наконец за этим столом, то выпейте со мной». Они и выпили. Вот так как-то и влились...

На своем пике праздник ознаменовался оглушительным звоном колокола. И несмотря на некоторые коррективы, что я внесла, приведя за стол тех, с кем почти мы не были даже знакомы, встречали мы его дружно, и, пожалуй, если не в этот день, то когда еще был бы повод так с ними сблизиться?

Как я и думала, по канонам авантюрных романов, мы действительно подружились с драконами. Может быть, и был маленький подвох в том, что когда произошел разговор по душам, и они, и я (совершенно случайно, конечно, вследствие того что перепутала воду и, гм, вино, трижды) были не в самом вменяемом, зато очень открытом и честном состоянии.

— А потом он такой: «А теперь самосохранение появилось?». А я что? Смотрю, он стра-а-шный такой, глядишь на эту чешую и сразу удалиться хочется... в дамскую комнату. В общем, я в обморок, а он за мной! За мной, в смысле, не в обморок, а ловить. Хотя кто знает его, может, тоже впечатлился и того...

Мы сидели на той самой крыше. Все уже разошлись, приличные люди спали. Праздник длился аж до пяти часов, и теперь мы втроем вкушали последние его гаснущие мгновения. По сторонам от меня благополучно устроились двое, а для безопасности еще и под нами, там, где съезжавшая кровля заканчивалась карнизом, на краю устроился последний дракон. Все меня

внимательно слушали, сочувственно (пьяно) кивали и периодически, в знак особого проникновения, согласно мыкали.

— А вас как на службу такую занесло? — тяжело вздохнув, спросила я. И тогда мне поведали. Драконов в мире, как я уже знала, осталось очень и очень мало. Их числилось около нескольких двух сотен, разбросанных по миру и тщательно скрывающийся... Чаще на самом виду. Канцлер Первого Королевства известен как последний ледяной дракон. В совете нашего государства четверо из одиннадцати — могущественные чешуйчатые. И так далее, и так далее. Многие вовсе не имеют ни титула, ни даже известного имени — предпочитают скрываться целиком в тени. Смысл в том, что наши ящеры любят власть и в ней твердо засели. Но, как говорится, в роду не без чернокрова, и не все столь целеустремленно и опытно. Это касается самых относительно молодых из бессмертной расы. Молодежь и дети, выжившие много лет назад, по своим меркам за прошедшую тысячу с лишним лет недостаточно повзрослели, так что все еще находятся под покровительством своих опекунов, при условии, что таковые есть.

Как бы странно ни звучало, высокие широкоплечие бугаи передо мной, словно вышедшие из степи воины, считались подростками. Шайкан приходился им дядей, он оберегал, направлял и воспитывал их. Я стала для троицы важным испытанием, вторым из трех на пути к самостоятельности. И драконы были весьма мне рады, потому что испытание хоть и скучное до смерти, но зато халвное, легкое совсем.

После таких откровений я глубокомысленно молчала, обдумывая информацию. Драконы тоже молчали, но почему-то чем дольше молчали, тем быстрее с них веселая краснота и лица постепенно странно скукоживались, как будто все вмести надкусили лимона. Хм, неужели это алкоголь так быстро покидает организм ящеров? Удивительный обмен веществ.

Ветер, неся слабую пригорюнью снежинок, пронесся мимо, задев мои волосы, но мне было тепло. Плед, шампанское, вино — что еще надо для счастливого Праздника Зимы? Только на душе было не совсем спокойно. Какая-то настойчивая мысль все терзала и терзала меня, не отпуская, вцепившись в голову драконьими когтями.

— А я, значит, по-вашему, скучная? — внезапно взволновал меня важнейший из всего рассказа момент. Мужчины как-то поспешно отвели взгляды. Ни одна, мать, тварь крылатая не ответила!

— Ах, так? — возмущенно воскликнула я. — Ну, я вам еще покажу, скучная!

— Да не скучная, не скучная, мы же образно, — поспешно заверил меня Ник, но сероглазый дипломат прозвучал не особо убедительно.

Я только фыркнула и еще некоторое время бормотала нечто ворчливое и обиженное. Потом оно как-то и забылось, да и холодно стало. Небо светало, звезды бледнели. Наступил новый год, а на душе у меня так и осталось тревожно.

Интересно, как отпраздновал дракон?

* * *

Все драконы — нарушители своих обещаний. Этот вывод я сделала, когда на следующий день, прямо перед нами, передо мной и пылающим от предвкушения ребенком, Николайз, Дайшес и Нардарай отказались катать нас. Сказали, что вчера были не в себе, и вообще пусть леди катается на своем драконе, если ей того хочется. А мне было уже обидно больше даже за Андресса, расстроившегося почти до слез, которые мужественно сдерживал.

Мы так и стояли посреди гостиной, как две воинствующие гильдии, испепеляя друг друга глазами. За окном, во внутреннем дворе, белел магически сотворенный магами королевства снега и минус, должно быть, был неплохой, но в комнате было тепло, горел камин. Казалось, однако, что тепло производило не пламя, а мой гнев и обида Андресса. В конце концов, осознав, что совести у оппонентов нет, я шепнула племяннику выйти на улицу и начать лепить из магического снега крепость для наших игр.

— Как можно так поступать! — последний раз смирив своих телохранителей презрительным взглядом. Они были невозмутимы. Почти пыхтя от ярости, я развернулась и направилась к выходу, собираясь пойти одеваться для снежных боев, но в спину мне донеслось неожиданное: — Это не наше решение.

Как можно ненавидеть кого-то настолько сильно?

Оставшиеся каникулы пролетели незаметно. Папа продолжал меня избегать и на вопросы не отвечал, увиливал. Мама, как ни странно, наоборот стала стараться быть ко мне ближе и я, наверное, успела поведать ей о каждой детали учебы в академии. Она улыбалась теперь всегда

тепло, задавала много вопросов. Еще драконы теперь не скрывались, а частенько со мной болтали. Одинока я не была уж точно, и беспеременными эти снежные дни назвать было нельзя. Такие изменения в отношениях с окружающими определенно меня радовали, и в конце концов я даже перестала мучить папу, придя к выводу, что, когда захочет — расскажет. Даже если это останется одной из так и не раскрытых родительских тайн.

В академию меня провожали снова оба родителя, вновь невидимые драконы пожелали шепотом удачи, успехов и терпения, а встречала у ворот на сей раз уже имеющаяся верная подруга. Моя жизнь снова казалась идеальной.

Часть девятая О драконах-преподавателях

Тишина в аудитории давила на уши. Напряженная, как натянутая тетива, которая вот-вот выпустит смертельно точным выстрелом стрелу прямо в сердце жертвы, роль которую исполняла сегодня я.

Воображаемый арбалет в руках держал наш новый преподаватель по незнакомому еще предмету практической (ведь до этого была лишь теория) темной магии — магистр Шайкан. Он, словно бы прицеливаясь, пристально смотрел через всю аудиторию прямо на меня, и лишь я одна из толпы озадаченных студентов на хмурым лице известного темного архимага, столь неожиданно для всех оказавшего нам честь, видела эту усмешку. Спрятанную в уголках губ, еле заметную и обращенную ко мне одной. Дракон насмехался. Моя реакция казалась ему забавной. А ведь начиналось все так хорошо!

Предвкушая первый день нового семестра, в котором наконец-то кончались бесконечные схемы, уменьшались конспекты и списки глупых определений и терминов — словом, кончался вводный теоретический курс первого полугодия, — я проснулась еще раньше обычного, чтобы спокойно подготовиться к парам, подобрать одежду под мантию, привести себя в более парадный, нежели обычно, вид. Аккуратная прическа, немного макияжа. Мое настроение было на высоте, что нельзя было сказать о разбуженной пораньше соседки по комнате, в противоположность совершенно невыспавшейся. Она-то всю ночь снова провела за дополнительными книгами по новому материалу, черт знает зачем... Такая у меня была ботаничка в соседках.

Моя каморка, если такую просторную студию с кухней и ванной, даже если и приходилось делить ее, могла называться так скромно, находилась в двадцать третьем домике-общежитии, то есть почти на самом краю академического городка. Чтобы дойти пешком до учебного здания, требовалось около сорока минут. В такие мгновения я скучала по Леди, но ее так и не позволили мне сюда забрать — отчасти все еще помнили о том моем побеге. Обычно студенты передвигались на специальных одно-двухместных площадках, работающих по аналогии с автокаром, на технологии и магии, но мне почему-то такого не предоставили, хотя я и не просила родителей, привыкнув ходить на ногах. Прогулка среди чудных затуманенных улиц такими утрами даже нравилась мне, она как бы очищала разум, прибавляла энергии, энтузиазма для учебных будней. Погода в Валенсии уже стояла легкая, суровых холодов у нас не было, даже с учетом, что наступил февраль. Сегодня морозил кожу лишь несильный налет прохлады в виде серых туманов с вялым снегопадом. По дороге я купила себе еще шоколадку в ларьке, чуть задержалась и пришла почти впритык к началу пары. Все места спереди были заняты, так что пришлось с неудовольствием устроиться на галерке. Так как Арина и большинство нашей небольшой компании оказались теперь в отдельной от меня группе по новому распределению, сидение мне никто не занимал.

И вот теперь я смотрела в эти чернющие бездонные глаза и радовалась хотя бы этой маленькой удаче. Я сидела гораздо дальше, чем могла бы быть, и кто знает, будь я ближе к «преподавателю», выдержала ли бы.

В моей голове повторялся лишь один неизменный вопрос. «Как он посмел?!» Ярость, казалось, грозила сжечь все вокруг, но нагрелся, приняв удар неконтролируемой энергии, только кулон на моей шее. Краем сознания отметила, что опять останется несильный, но слишком уж частый на этом месте ожог, однако сделать ничего с собой не могла. Как можно было успокоиться,

когда дракон нагло стоял там, говорил, а мысленно я почти слышала это ехидное «Я играю с Вами, как когда-то в детстве, моя леди, вам весело играть с драконом?». Правда, такие изречения — лишь моя разбушевавшаяся фантазия, но суть действительно заключалась в том, что он играл. Других причин появляться ему в академии я не видела, их просто не могло найтись.

— ...Так что я надеюсь, что мы с вами сработаемся, господа студенты, и мне не придется жалеть о выборе именно этого, несомненно, достойного учебного заведения, — до меня, оглушенной эмоциями, долетело только окончание речи. Но я не считала это важным. Я не отрывала от него буравящего взгляда, а он словно и не замечал более. Равнодушно пробежался глазами по аудитории снова, как бы запоминая лица своих новых учеников, хотя я прекрасно знала, чувствовала, что они для него были не более чем пылью, он даже не станет напрягаться на имена. Повернувшись к доске, он быстро что-то стал рисовать.

— Предмет, который вы начинаете изучать, называется «искусство темной магии». Заметьте, не техника, не приемы, даже не наука. Его символ, как вы видите, схож с авроссиас — да, с символом искусства. Однако два исходящих в разные стороны луча говорят о том, что это именно магическая сфера. Если вы хоть когда-нибудь задумывались о том, что есть искусство, то наиболее частой ассоциацией станет понятие хаотичности. Искусство не заключается в формулах и рамках, хотя и таковые есть — их вы выучили за прошедшее полугодие на теоретическом курсе, таких не так много, чтобы изучать глубоко на протяжении семи лет. Первое, что вам следует знать: вы все разные, все личности, и то, как будете управлять своей силой, внутри вас, будет происходить индивидуально, без долгих расчетов и точных значений. Здесь важна, в первую очередь, фантазия. Итак, искусство заключается в сумбурности и непредсказуемости, а рычаг управления у всех одинаков лишь в одном. В том, что неподвластно никому, кроме вас, в том, что всегда будет с вами пока вы живы: в чувствах. Наш предмет называется искусством, потому что темная магия является именно таковым. Здесь есть свои законы и границы, но нет четких правил.

Тишина в аудитории стояла звенящая. Было ли дело в том, что дракон действительно великолепный преподаватель, или в том, что его голос обладал, как я заметила уже давно, гипнотическими свойствами, или и то и другое, но слушали все настолько внимательно, что мне казалось, если мошка сядет на стол, звук соприкосновения ее с поверхностью громким эхом разнесется по широким стенам и высоким потолкам.

Слушала даже я, позабыв на время о том, кто ворвался даже в мою заслуженно свободную студенческую жизнь и вошел так легко в преподавательский кураж.

— С учетом, что теория у вас есть, — тем временем выдержав короткую паузу, продолжил Шайкан. Мне показалось, или его тон немного смягчился? Не показалось. Дракон мельком мазнул по мне очередным взглядом, будя уже было утихнувший гнев, и я поняла, что мое внимание ему льстило. Вот же... — Моя задача заключается в том, чтобы воплощать ее в практику, в реальность. Написав рукой символ, — пара штрихов мелом, и на доске быстро образовался знак водного призыва, — вы не творите реальность, а лишь добавляете в нее своими чернилами еще одну ее черту из бесконечности, как простой обыватель. А вот наполнив этот символ магической энергией...

Красная вспышка ослепила меня и еще большую часть замороженных слушателей и зрителей. Знак на доске теперь сиял алым, переливался, а по доске вдруг стремительно стала стекать прямо на пол неизвестно откуда взявшаяся вода.

Однако, надо признать, на спецэффекты дракон не скупился явно. Ведь не ему же потом все это вытирать, а несчастной Нельхе, гоблинше-уборщице престарелого, явно уже нерабочего возраста. Не знаю, почему эта добродушная старушка продолжала свою деятельность в стенах академии, но мне каждый раз было жаль ее при работе. А уж убирать этот потоп...

Вода, впрочем, литься вскоре перестала — дракон решил, что мы впечатлились и взмахом стер несмываемый знак, после чего доска быстро высохла. Пол — нет.

— ...Мы вмешиваемся в материю, — удовлетворенно заключил магистр.

И то ли его так развеселила растерянность на лицах учащихся, то ли что, но на губах его играла легкая улыбочка. Гадкая, в смысле, такая, нечистая, я сразу насторожилась.

И не зря, потому что в следующую секунду учитель уже открыто взглянул на меня и издевательски произнес:

— Желаящие побыть сегодня наглядным пособием есть? Выходите вы, длинноволосая леди.

Это притом, что я единственная не подняла руки.

Никогда еще не испытывала такой ненависти по отношению к наставнику, выходя к доске. Лужа была на месте, так что я аккуратно держалась в нескольких шагах от нее, благо, что сцена была достаточно просторная. А чем ближе я приближалась, тем ниже опускался мой взгляд, потому что ненавидеть, проклинать, зло пляться на дракона было возможно издалека, но не когда он с усмешкой показал встать рядом с собой.

Я хотела бы с ним поговорить позже и наедине, но сейчас, в таком состоянии, велика опасность от гнева праведного богатырского плавно перейти к слезам горьким девичьим. Так что я старательно отводила глаза и глубоко дышала. Его близость и досягаемость невыносимо давили на и так натянутые нервы, и я с ужасом понимала, что ноги слабели, начинали дрожать от дикого волнения. Хорошо хоть, под длинной юбкой не было этого видно.

Но дракон видел меня насквозь. Он чуть качнул головой, убрав свое раздражающее глумливое веселье, и я даже видела в жесте проблеск покаяния. Бред, впрочем.

— Вы вышли ко мне, чтобы я мог помочь вам, — произнес он серьезно и намерено сделал небольшую выделяющую паузу — ну да, как же, только такой помощи мне не хватало, — а на вашем примере и остальным, прочувствовать подвластную каждому здесь находящемуся магу силу. Не светлую, что находится снаружи и используется при обращении к внешним источникам, темную — ту, что внутри вас, где вы сами ее нескончаемый, при правильной технике, источник.

Он говорил ровно безукоризненно держал дистанцию, явно пытался меня успокоить, но я, чувствуя на себе десятки внимательно наблюдающих глаз, напрягалась все сильнее с каждым, превосходно слышимым, режущим по вискам сквозь начавшуюся головную боль, словом.

— Итак, начинайте. Закройте глаза и слушайте меня внимательно. Да, адептка, оба глаза и полностью.

Мои веки просто не опускались. Никак. Ну, не хотелось мне закрывать глаза, не доверяло мое тело тому, что происходило. Мы еще с секунд десять играли в яростные гляделки с укоризненно сжавшим губы драконом. Вот он уже раздраженно хмурится, и давление драконьей ауры ощутимо бьет меня хлестким ударом — подавившись испуганным вздохом, я все-таки зажмурилась. И аудитория исчезла, оставшись где-то позади. Стало темно... да уж, говорят, так бывает, когда люди закрывают глаза.

— Главным в магии был и остается контроль, вне зависимости от вашего уровня и способностей. Это крайне важно для запоминания, господа. У каждого, неважно, маг он или нет, есть власть, которую не заберет у него никто, и власть эта бесценна — власть над собственными чувствами. Можно навязать мысли, можно поработить тело, но нельзя проникнуть в самую глубь, тронуть истинные чувства, и пока вы контролируете их, вы все еще свободны. Чувства — вот, без чего нет жизни, нет личности, но когда они выходят из-под вашей власти, начинают управлять вами же, это несет разрушения как снаружи, так и внутри вас. Такое состояние опасно для любого, но для мага особенно, потому как магия, прямо завязанная на эмоциях, хрупка, и если ее слишком часто выпускать с неконтролируемыми приступами неосторожных эмоций, нити могут оборваться. При этом может быть проявлена невиданную магическую мощь, что может позволить вам, подобно ящерице, откинувшей хвост, выжить, но готовы ли вы пожертвовать хвостом? Бесконтрольный поток рано или поздно спровоцирует выгорание. Учтите это, потому что для магов вашего уровня это может обернуться не только фатально для способностей, но и смертельно для жизни. Сейчас задача адептки Аймит — прочувствовать нить. Любую, завязанную на радости, на зависти, на усталости — любую тонкую нить магии на чувствах. Впоследствии вы будете учиться отделять в определенных границах эмоции от магии, плести из нитей заклинания, но пока, чтобы просто узнать, ощутить власть внутри себя и темную магию, Аймит, нащупайте ее и вытащите наружу. Сосредоточьтесь на чувстве и, как маг, вы поймете, где к нему приплетена ваша сила.

О, он говорил красиво. Этот обволакивающий, мягкий, почти монотонный голос, мастерски подобранные слова и вдохновляющий тон. Магия бурлила внутри, откликаясь на зов дракона, и мне и самой хотелось поддаться ему, откликнуться тоже. И я уже знала, что произойдет дальше, уже чувствовала... Ну да, ну да.

Нет. Глупости. Глупое тепло, которым меня будто физически обдало, странный уют — глупости это все. Я раздраженно поморщилась и сосредоточилась на том, что должна была. К

примеру, я определенно ощущала злость. Очень даже жгучее чувство, сила в нем была, оставалось только дотянуться и потянуть за некую нить.

Я стояла минуту. Две. Кусала губы, настойчиво разыскивая мифический клубок своих нитей где-то в темноте своего сознания. Что до моих чувств, я определенно чувствовала, что абсолютно ничего не получалось.

— Зачем вы рыскаете вслепую, адептка? — прерывая мое уединение, наконец снова раздался звенящий в ушах от резкости голос мужчины.

Тут мое терпение уж лопнуло. Зачем, действительно, я повинуюсь этому недо-преподавателю? Так что я открыла глаза и, презрительно прищурившись (исключительно потому, что свет после темноты казался слишком ярким, ничего личного), выдала устало, но с долей того же ехидства, что и он недавно:

— Ничего не получается, магистр. Не буду всех задерживать, пусть меня заменит адептка Акариа.

Рыжая стерва, с которой мы не то, чтобы враждовали, но ладили плохо еще с момента, когда объект ее влюбленности, Маркус, пострадал, окатила меня пренебрежением, но быстро вскочила со своего места, и я поспешила покинуть сцену с позором и затаенным чувством удовлетворения. В спину меня провожало мрачное молчание дракона.

Учитель из него плохой, раз уж у ученика не получается даже с его архимагической помощью. До конца пары я сидела тихо, молчком, едва не склонившись под стол. Не раз ожидаемо ловила на себе взгляды, причем от прочих, скользящих и легких от студентов, взгляд дракона отличался, как это и всегда ощущалось, был особенным. Тяжелый, темный взгляд. Наверное, как-то так и становятся нелюбимчиками у преподавателей?

Помимо Эллианы Акарии выйти к преподавателю успело еще трое. Трюк, как выяснилось, состоял в небольшом свечении, которое возникало у кончиков пальцев у магов, что объяснялось тем, что магия в основном своем находит место выхода именно в подвижных конечностях (да, ногами, в теории, магичить тоже можно). Остальные наблюдающие адепты, большинство, старались сделать это на своих местах. Как пояснил Шайкан, в этот вводный урок мы даже не то, чтобы начали изучение предмета, а просто попробовали, посему те, у кого не получалось, могли не волноваться, ведь «все впереди». Фраза была ободряющей, но так как взглядом он в тот момент буравил именно меня, от ощущения угрозы в словах я аж вздрогнула. Я как-то незаметно для себя решила, что после этого года определенно выберу чистый, без примесей, даже если это узкая специальность, светлый факультет. Оставалось только дожить до его завершения, что начинало казаться все сложнее, когда преподаватель явно относится ко мне необъективно, а я на него смотрела с ненавистью.

Зачем же дракон все время портит мне жизнь?

Заверещал спасительный звонок, вырвав у меня облегченный выдох. Мне, на самом деле, нравилось учиться в академии, не то слово, мне всегда было интересно, я увлекалась до беспамятства, так что это была первая пара, окончание которой я ждала и встречала с такой радостью.

Я так же впервые была в числе тех, кто быстрее всего оказался у выхода. Даже, возможно, почти их возглавила, и была бы уже такова, если бы вдруг у самых дверей не услышала усиленное в аудитории ледяное: «Аймит, задержитесь».

Часть десятая

Откровения дракона

Очень хотелось притвориться, что я не услышала. Но, замершую у выхода, меня уже поспешно оттолкнули от него и прошли мимо, и я, разочарованно проследив за потоком одноклассников, устремившимся к лелеемой свободе, вынуждена была обернуться и направиться к пугающе спокойному магистру. Вскоре дверь щелкнула, закрывшись за последним адептом, и жуткая тишина воцарилась между нами. Ближе, чем на три отделяющих меня от него стола, я подойти не рискнула, но угрюмо подняла на мужчину взгляд.

Шайкан больше не выглядел холодно и раздраженно. Чем дольше длилась нагнетающая тишина, тем насмешливее становилось выражение его лица, хотя сама ироничная улыбка была лишь в моем развитом воображении, не более того.

— Сядьте, — наконец сказал он, кивнув на ближайшее к себе место. Я подумала и все же присела, но на место ближайшее ко мне и далекое от него. Он выгнул бровь — я оставалась угрюмо-непоколебимой.

С укором покачав головой, так, что пара выпадающих из косы прядей небрежно обрамили лицо, дракон хмыкнул, неожиданно нечестным ходом сам приблизился ко мне и сел напротив.

— Как прошли ваши каникулы? — миролюбиво начал он, видя мое возмущение.

Мой настрой разбираться с драконом и его в академии появлением, уже было подтаявший, стремительно возвращался вновь, несмотря на напавшую за время пары вялость, граничащую с апатичностью. Вспомнила услышанное от стражей «это не наше решение» и сразу вспыхнуло опрометчивое желание вlepить пощечину дракону за разбитую детскую мечту (племянника, конечно, хотя, чего скрывать, мне тоже ужасно хотелось полетать на огромной крылатой ящерице).

— А вы действительно не знаете, в подробностях и деталях?

Конечно, за такой тон было немного страшно, но я напoмнила себе, что хуже сделать он мне уже не сможет. Разве что отшлепает за неуважение к старшим? От этой мысли мне стало смешно, но когда вдруг тихо рассмеялся дракон, и бархатный, низкий звук эхом разнесся по пустому помещению, забавным уже ничего не казалось.

Порой мне думалось, что он читал мои мысли. Слишком уж много совпадали смешки и прочая реакция дракона с тем, что происходило в моей голове... Однако я привычно отогнала параноидные опасения.

— Вы не меняетесь с возрастом, Мариабелла, — его губы растянулись в уже открытой усмешке. — Мне стоит извиниться за последнюю нашу встречу. В тот день много чего произошло, я не рассчитал возможности своего самоконтроля и напугал вас зрелищем, которое предназначалось далеко не вам.

Не знаю, как насчет качества такого извинения, но таинственные объяснения разбудили во мне любопытство. Предугадывая мой интерес, он добавил:

— Когда-нибудь вы будете знать больше о моей жизни, но не сейчас.

— Когда-нибудь? — рассеянно повторила я. Формулировка пугала. — Мне знать хотя бы, что творите вы в моей жизни, вмешиваясь в мое обучение. Милорд... Магистр, это не кажется вам нарушением вашего обещания? Вы сказали, что не будете вмешиваться в мое взросление, так что вы делаете в академии?

Я с раздражением уставилась на него в требовании долгожданных объяснений. В глубочайше-темных глазах мелькнули странные огоньки...

— А вы уже взрослая, Мариабелла, вам есть восемнадцать, — совершенно спокойно ответили мне, напоминая забытый напроць факт и разбивая тем самым в пух и прах аргументацию моего уже не очень праведного гнева. А ведь я действительно не подумала об этом, еще тогда легкомысленно решив, что, дав мне отсрочку в виде зачисления сюда, он продлил действие своей благотворительной акции «Буду только наблюдать». Выждав паузу, дав мне в осознать, сколь беспочвенна обида на его присутствие, дракон флегматично продолжил: — Я посчитал, что наши отношения слишком сырые, в последние годы вы, взрослея, лишь отдалялись. Моя ошибка, что я позволил вам слишком много... простора для чувств.

Явно мелькнул тактичный намек на поцелуй с незнакомцем, и я привычно ощутила горечь от напоминания мерзких последствий своей глупости. Опустив голову и уставившись в резное дерево парты, я больше не хотела слышать ничего, потому что озвученного было уже предостаточно для того, чтобы он был здесь и делал все, что хотел. В конце концов, я ему принадлежу изначально...

Стало настолько тошно, что накатили незваные слезы. У меня было много обид к нему. Давних, затаенных, накопленных, возникающих. Иногда малообоснованных, но несколько — достойных ненависти. Самой первой, детской и, наверное, вечной остается то, что в его бесспорной власти я нахожусь с самого начала и в будущем не имею из нее выхода. Порой это чувствовалось так остро несправедливо, что мне хотелось по-детски бессмысленно заистерить, закричать, убежать, но этого я делать теперь, конечно, не могла.

— Как я уже сказал, вы взрослая, моя леди, — тон Шайкана ощутимо потеплел, я почувствовала осторожное прикосновение к своему плечу, но посмотреть на дракона это не убедило. Ах, как давно он не называл меня этим нежным «моя леди». Немалым несколько лет, однако. — Даже если вы ведете себя и кажетесь мне ребенком, на вас есть фактическая ответственность. Чем раньше вы ее примете и ваше поведение изменится так, как должно быть, тем будет лучше для вас же.

Ответственность? Единственная ответственность, которая мной была постигнута — повешанная на меня драконом же за судьбу того юноши. Больше ничего подобного я не чувствовала, нет. Любую проблему за меня решат, любое действие, решение — под чужим колпаком, с согласием свыше. О какой ответственности может идти речь?

Но говорить я ничего не стала, лишь кивнула, подтверждая, что услышала его.

— Отвечая на ваш вопрос: в академии я выполняю роль преподавателя искусства темной магии и буду ближайшие семь лет вашего обучения, — подвел итоги теперь точно и надолго учитель. Моего подбородка вдруг коснулась прохладная рука, вынудив вскинуть взгляд на нарушителя личного пространства. Он был абсурдно близко, между нами буквально осталось расстояние одной лишь его руки, удерживающей мое лицо в таком положении. Мне, в полной мере испытывающей давление его ауры, начинало казаться, что воздуха в аудитории не хватает, и в животе началось что-то вроде запорхавших бабочек. Влюбленности тут было мало, меня это положение и то, как Шайкан посерьезнел, пугало. — Стоит обозначить, в первую очередь я буду наставником, а уж потом все остальное. И если вы считаете, что «все остальное» может как-то смягчающе влиять на учебный процесс, то сильно ошибаетесь, потому что к вам у меня особые требования. Я ясно выражаюсь, адептка Аймит? А теперь закрывайте глаза и ищите свою потерянную нить.

— Что? — Я аж поперхнулась от неожиданности. Все таинство, шепетильность мгновения испарились, я высвободилась и осторожно, но настойчиво оттолкнула от себя лорда. Он не сопротивлялся, тут же выпрямился на своем стуле и нас снова отделял стол, что уже казалось неплохим расстоянием.

— Привыкайте меня слушать хоть иногда. — Дракон грозно свел брови. Мне и так было не по себе от обстановки нашего уединения, так теперь по спине пробежал отчетливый холодок. Я шумно сглотнула, с перепугу аж повиновалась (что делать я крайне не любила, на самом деле).

Навряд ли в том нервном состоянии, в котором пребывала, я могла найти какую-либо нить, и мне не верилось, что Шайкан оставил меня после пары именно для учебной части. Это неправильно, смешивать личную жизнь и учебу, а мы вроде как разбирались именно с печальной стороной нашей исключительно личной жизни. Требование сконцентрироваться сейчас на учебной части показалось мне как минимум бессмысленным, я не восприняла это особо всерьез...

Но как выяснилось, я попросту недооценивала коварность дракона. Все-то он прекрасно понимаю, и стоило мне только-только начать отходить от переживаний, сквозь пелену темноты я неожиданно почувствовала, где-то на размытой грани деликатного и неприличного, прикосновения к своим плечам крупных, немного жестких и холодных, но не отталкивающих, на удивление приятно холодящих сквозь тонкий хлопок черного ученического платья, ладоней. Причем обладатель их уже находился сзади меня, и я ощутила щекотный шепот дракона около уха:

— Моя близость тебе нравится, Мариабелла, — от услышанного у меня вдруг замерло, в подтверждение его словам, предательски екнуло сердце. — Это то теплое чувство, которое ты испытываешь, стоит мне говорить с тобой, смотреть на тебя. То, что так не понравилось тебе на паре, нить от него ты брать не захотела. М? Скажи, что это неправда, и я... покину академию. Слишком заманчиво, чтобы было так просто. Меня сильно тянуло сказать то, что было нужно, чтобы он просто сделал это, оставил меня если не навсегда, не на семь лет, то хотя бы выпустил из аудитории. Но то, что умом я признавала правильным, не было правдивым ответом, и мои бурлящие чувства, оглушительный пульс, сбивчивое дыхание — все это выдало бы ложь. А драконы определенно не любят лжи, в чем, впрочем, я с ними согласна.

Страшно и мерзко, что все мое существо уже ластилось к лорду. Непослушное тело млело, мысли путались, меня страшно бесила эта противоестественная реакция и я не могла сделать с ней ничего. Совсем ничего.

Я — истинная пара дракона. Данному скверному факту сопротивлялась только отчаянно дергающийся в путах ловушки разум и злая память, живо напоминающей о непростительном поступке дракона, что так рьяно стерег свою собственность, мстил... Как он поступил с тем, кто посягнул на таковую?

«Бесчеловечно!» — повторила я про себя, старательно беря под контроль подвопивший организм. Дрожь сжатых рук постепенно утихала, а я повторяла единственное отрезвляющее слово, словно мантру. Он поступил бесчеловечно...

— ...Бесчеловечно, — неожиданно услышала я отчетливое, но не от себя — задумчиво протяжное от магистра. Молниеносно разлепив веки и развернувшись, я недоуменно и сконфуженно на него уставилась снизу вверх, понимая, что, вероятно, у меня вырвалось как-то это вслух. Чужих конечностей на мне уже не было, и сам преподаватель стоял на некотором расстоянии.

Он не выглядел разозленным, вопреки естественно напрашивающимся опасениям. Шайкан смотрел на меня, и от этого темнеющего, молчаливого взгляда мне неволей становилось непонятно за что стыдно.

— Продолжай, — ровно велел он мне. Ошарашенная предыдущей сценой, выведенная из колеи откровенными словами дракона и тем, как облажалась, не сумев держать свои мысли при себе, я поспешно закрыла глаза обратно, причем так плотно, что немного закружилась голова.

Он явно был настроен серьезно не выпускать меня из аудитории, пока я не выдам то, что нужно. Придя к выводу, что чем быстрее и легче я отмучаюсь, тем лучше, я отбросила всякую мишуру, мнимую месть преподавателю неподчинением и даже акцент собственное нежелание. Адептка Аймит снова была в своей боевой форме готовой учиться заучки.

Только, как выяснилось, одно дело запоминать, зубрить, а другое — я и правда не понимала, что за нити требовалось брать, что конкретно я должна была найти. В затуманенной темноте своего сознания я не нашла никакого просвета злосчастных чувств, за которые надо было зацепиться, и ничего бы не вышло, если бы не раздался по-прежнему убийственно спокойный голос:

— Ненависть. Возьмись за нее, она в тебе есть.

Мрак вокруг меня вспыхнул ярко-красным, как если бы свыше где-то сверкнула алая молния, щедро осветив все на короткое мгновение прежде, чем я вернулась в реальность.

В воздухе застыло, словно замороженное, пламя. Того же цвета, что и рубин на моей шее (кстати, сейчас он был холодный, как льдинка), пламя, вызванное мной, моей магией, искрилось яростной энергией, но было будто пойманным в лампу... Прирученным. В обычном своем состоянии оно бы сожгло вместе со мной всю аудиторию, отделанную в основном благородным резным деревом, но на моих глазах языки огоньков висели в невесомости, не касаясь ничего, и только жалобно тянулись ко мне, дергаясь.

Рядом, мрачный, как замок знаменитый графа Вирстайна стоял, буравя меня побагровевшим взглядом, магистр Шайкан. Пальцы его правой руки скрещивались в жесте удержания. Что для мага его уровня сдержать мой всплеск?

Но маг был очень, очень на меня... зол. За что?

— Ты облажалась, — проскрежетал он, с легкостью рассеивая мое несчастное пламя. Он прозвучал так жутко, что я даже напряглась, готовясь вскочить на ноги и сбежать от кары, но сокращать расстояние между нами мужчина не спешил. — Я сказал аккуратно потянуть за нить, а ты сделала то, что я категорически вам совсем недавно запрещал: дала чувству тобой завладеть.

Я растеряннo моргнула. Но ведь я не специально... Это, в конце концов, мой первый раз. Недостаточное, как мне казалось, основание для такого гнева.

Демон знает, что там на уме у этого дракона.

— Ты могла сорваться, ты могла выгореть, — тем временем он продолжил ледянящим тоном меня отчитывать, а я так и не могла понять, почему преподаватель осуждает меня за то, в чем моей вины, как неопытной студентки, совсем было немного. Ведь так могло получиться с каждым, просто чувство...

И тут я наконец поняла: ненависть.

Дело было в ненависти. Он сказал мне ухватиться за ненависть — сказал и угадал, потому что в коктейле моего к нему отношения главенствующим компонентом, оказалась именно она —

жгучая, яростная, проглотившая меня с головой, стоило дать волю. Я испытывала к нему глубокую ненависть, пусть даже и наряду с некоторыми физиологическими симпатиями. Не могла ничего с собой поделать. То, насколько сильно во мне это чувство, можно было судить по вспышке, не столько напугавшей его возможностью моего выгорания, сколько расстроившей своей величиной, подтвердившей его догадку.

Мои выводы не остались для него незамеченными. Магистр переменился, выражение злости с его лица пропало. Раздался тяжелый вздох.

— И почему с тобой так сложно, невыносимая моя? — Внезапно спросил он с горьким, вяжуще, остро горьким смешком. — Почему с тобой все идет так наперекосяк? Что бы я ни делал, это рано или поздно ведет к худшему развитию. Почему, Мариабелла?

Тогда лицо его исказилось такой гримасой, что мне стало в действительности совестно. Я даже хотела было что-то ответить извиняющееся, сказать, что это не так, я не настолько уж ненавижу его, но не успела вставить ни слова.

— Я не оставался с тобой на твои праздники, потому что это портило бы тебе и твоей семье дни, — сокрушенно выдохнул он, качая головой. — Я приходил не чаще, чем обещал, хотя моя сущность рвала когтями душу изнутри, и зверь кричал: «Забрать! Запереть!» Как чертову принцессу в замке, запереть, не выпускать, растить только для себя одного, не делить ни с кем, никогда! Ты не знаешь, что значит истинная пара для бессмертного, потерявшего всякий смысл своей нескончаемой жизни. Когда проходит слишком много времени, краски на холсте неизбежно блекнут. После долгих, долгих столетий жизни, почти ничто больше не способно всколыхнуть интерес, ничто не касается эмоционального фона, и ты медленно коченеешь, лишаясь способности вообще что-либо чувствовать, постепенно лишаясь главного компонента жизни. Последние бессмертные отчаянно рыскают в поисках чего угодно, малейшей аномалии, что задела бы их. Тихо, незаметно поджигают искры военного конфликта, тратят безумные деньги, ищут себе врагов...

Запереть, как принцессу в башне. Звучало смешно, но в исполнении самого настоящего дракона мне становилось все больше не по себе. И чем дальше заходила его речь, чем ярче светилась искры в его взгляде, тем страшнее была мысль о том, что запереть меня, сломать, подчинить, в общем-то, никогда не поздно. Только вот что останавливало и останавливает его? К чему он клонит? Дракон говорил так, словно как бы и о других, но... Через собственный опыт. И я невольно вновь задалась вопросом: сколько же прожил и пережил этот мужчина? Во сколько сотен раз разница между нашим возрастом, насколько же я младенец для дракона, и зачем я ему тогда?

— Моим лотерейным выигрышем стала ты. — Я затаила дыхание, понимая, что ответ на мои вопросы сейчас прозвучат. — Я был в этом городе проездом, приехал по некоторым делам. Не люблю человеческую столицу, на самом деле. Шумно, хаотично все. Я жил и сейчас живу, так как там мои основные территории — в эльфийской королевстве. Думаю, тебе стоит знать, что ты переедешь туда рано или поздно... Так вот, тот визит стал роковым.

Губы лорда изогнулись в странной улыбке сквозь горечь. Он скрестил руки на груди и прошел немного вперед, к передним столам, медленно чеканя шаг, эхом раздающийся в этих стенах.

Темно-изумрудный плащ, закрывающий спину магистра, немного волочился по земле кончиком.

Я смотрела на него, слушала и, честно говоря, чувствовала себя так, как если бы папа начал рассказывать трогательную, но неловкую историю о том, как встретил маму. Вот только на самом деле история у них очень скучная и, мягко говоря, неромантическая, и сейчас рассказ шел о том, как встретил, гм, тец моих будущих детей (от такой жуткой мысли я вздрогнула всем телом, едва не ударившись о стол коленом) свою истинную... Если бы любовь, если бы была между нами любовь, однако увы ничего, кроме чисто объективного интереса и некой забавы в отношении ко мне дракона не было: была забота, больше отеческая, странное собственничество, но на этом проходила уже грань. Как бы ни соблазнял меня своими вкрадчивыми речами и властными прикосновениями, оставляющими немалое потрясения моим гормонам, лорд Шайкан, но я не чувствовала в нем настоящего влечения ко мне. Это была и есть игра, и он наверняка не скрывает, почему так нравится ему играть.

Тем не менее, увлекательности рассказа это не уменьшало.

— В первый момент, когда меня охватило это неожиданное чувство целостности, я не мог поверить, — магистр оставил задумчивую паузу. — Я не верил до последнего, пока не увидел

твои испуганные глаза в тусклых лучах рассвета, пока не ощутил этот твой страх — детский, вымораживающий, всеобъемлющий. Я даже не помню, когда испытывал его. Страх... Очень острое, на любителя, блюдо, но для того, кто много лет голодал, оно стало невероятным деликатесом.

— Так вы питаетесь моими чувствами? — не выдержала я, бледнея.

За что была одарена скептическим взглядом обернувшегося уже у окна мужчины.

— Не совсем. Так появилась эмпатическая связь. Правда, односторонняя, потому что по сути собственных эмоций я, к сожалению, не имею, но не думаю, что это важно. Ты оказалась моей истинной, той, в сказку о которой я утратил веру, — он позволил себе легкую улыбку. Шайкан вновь вернулся к столу рядом со мной, но садиться уже не стал, так что теперь мне приходилось задирать немного голову, но фантастическая повесть того стоила. — По легендам, пара возвращает вторую половину души, и так как первую я растерял, это стало для меня новой жизнью. Было сложно адаптироваться. Годы, пока ты росла, я проводил в медитациях, в исследованиях, возвращал себе контроль и выбирался лишь, чтобы увидеть, ненадолго вкусить особого блюда вновь. Надо признать, это даже утомляло — волноваться каждый раз о том, чтобы не потерять тебя, не оттолкнуть неправильным действием. Твоя радость гораздо вкуснее, чем страх, злость и... ненависть. Сначала у меня было желание тебя, как и всех, подмять под себя, приручить, но это оказалось... Неинтересно. В твой двенадцатый день рождения после того, как ты, мой дорогой рыцарь, познакомилась со Зверем, я провел эксперимент. Хотел узнать, прогибаешься ли ты, доказать себе, что ты как все, но в тебе и правда оказались те качества, которые были мне необходимы. Даже если это в итоге и вывело меня из себя. Мне стоит извиниться за порванный билет и загубленный праздник, ведь контроль все же слетел. Но после того случая, успокоившись, я принял тот факт, что мне нужна личность, а не очаровательная кукла, личность со своим мнением и сильным характером, даже если это избалованная, капризная девчонка. На следующий год я впервые попробовал твою ненависть. Ты так сильно обижалась на меня, что эмпатия вновь сыграла злую шутку, и ссора зашла далеко... Впрочем, все это прошлое, скажем так, там уже было много нюансов. Удивило то, что ты все-таки тянулась ко мне, извинилась, даже если некоторую роль сыграла твоя меркантильная сторона.

Я, завороченная было подавилась возмущением, но дракон, выдержав мой убийственный прищур, лишь хмыкнул.

— А потом все пошло наперекосяк. За мною пропущенные практически два года подряд, когда я не смог приехать к пятнадцатилетию, ты сильно изменилась физически и морально, повзрослела... Успела влюбиться. И тогда мы оба все испортили. Ты — безответственностью на почве подростковых заскоков, я — дав волю ревности и гневу. Я хотел тебя наказать, я хотел сделать это так, чтобы ты запомнила на всю жизнь. И ты запомнила. Ты запомнила и ненавидишь меня по сей день.

Тон дракона стал до абсурдности спокойным, но лицо, повернутое ко мне, словно закаменело. А я, переваривая все услышанное, поняла, что еще никогда, как ужасная эгоистка, не смотрела на нашу историю с его стороны. Может быть потому, что просто не думала о нем как о человеке со своими эмоциональными мотивами, ведь он всегда был для меня, как-никак, а все-таки главным злодеем сказки... Но у настоящих злодеев не может быть чувства чести и этой поразительной искренности.

Как я и сказала, у него не было ко мне любовных чувств, даже банального физического желания не особо было заметно. Но был интерес к той, что стала фактически... Красками на серый холст? Он стремился рисовать мною свою картину, он хотел правильных, устойчивых и ярких отношений.

И просил меня поддержать их. Всего лишь поддержать в ответ на все замечательное, что делал для меня лорд на протяжении моего детства. Черт возьми, меня уже должно было бы после всего этого сгрызть чувство вины, однако в памяти все всплывали небесно-голубые глаза.

У погибшего по нашей вине были чистые глаза. Прощают ли так просто убийство невинного? Ошарашенная новой информацией, я молчала. Магистр, отвернувшийся к окну, мне казалось, завершил свою исповедь, и я как-то уже начала незаметно собираться вставать и потихоньку уходить.

— Я не жалею, что заставил тебя поплатиться муками совести за ту глупость, Мариабелла, — вдруг прозвучало от него прохладное. — Однако есть момент, который, возможно, изменит твоё отношение ко мне в хорошую или плохую сторону.

Вдруг скрипнула ручка двери, прерывая магистра на полуслове. Причем, как мне казалось, весьма важно должно было быть полуслове, так что я едва сдержала стон, когда спустя секундную короткую дробь громогласного стука вошла Нельха.

Уборщица сначала закрыла на автомате за собой одну из открытых ею тяжелых дверей, а уже затем повернулась, ставя ведро со стуком на пол, и заметила присутствующих.

— Ой, — по-старчески забавно-скрипуче выдала она, смутившись. — Вы меня уж простите, сказали срочно прийти, пока тут форточка...

— Не стоит, — на удивление добродушно ответил ей лорд, хотя до этого я, кажется, слышала подозрительно напоминающий раздосадованное шипение звук. Показалось, видимо.

Он сделал несколько широких шагов к своему рабочему месту, подхватил с нее тонкую черную книжку, скорее всего записную, и, кивнув по пути мне, направился к выходу так, что мне ничего не оставалось, кроме как покинуть помещение следом.

За стенами звукоизолированного помещения на нас напал дикий шум бесчисленных коридоров огромной академии, разносимый быстрым густым потоком спешащих адептов. Мой спутник остановился, когда массивная дверь за нами вернулась в свое исходное положение.

— Он... жив, Мариа.

Дракон ушел, как часто он это делал, оставляя меня абсолютно обескураженную стоять и безмолвно шевелить губами, вторя заветным словам. Следовать за ним не было смысла, я и без лишних уточнений знала, что на сегодня наш разговор закончен.

Мой шок медленно сменялся осознанием. Неужели все, что я пережила, было зря, а дракон не в моей сказке все-таки никогда и не был злодеем?

Часть одиннадцатая

Об очередных примирениях

Я избегала дракона. Даже не скрывала этого. Сидела на его паре, как на пороховой бочке, убегала, стоило раздаться первым ноткам звонка, делала вид, что не слышу, если он пытается меня окликнуть и целый день не ходила, а кралась по коридорам академии, опасаясь наткнуться на него. У меня, как и у еще нескольких несчастных, плохо получалось усваивать материал этого предмета, но дело было, конечно, в первую очередь в преподавателе. Хоть таковым магистр Шайкан являлся, бесспорно, хорошим, но недостаточно, чтобы я забыла про его личность. Если два последовавшие занятия, в которых мы пока занимались медитацией и воплощением простейших символов, мне удалось отделаться несколькими замечаниями, то на третье он запланировал заняться первым серьезным плетением и особенно внимательно проследить за отстающими.

Поэтому в этот день я заболела. Тяжко заболела, с высокой температурой и периодическими приступами легкой, но все же лихорадки. Болезнь вызывалась светлым заклинанием «Аристайзиш», выкопанной в самых недрах некоторой, не особо законной магической литературы, которую я захватила с собой из родовой библиотеки Аймитов (всегда считала, что чем запрещеннее знания, тем полезнее ими владеть). Мне повезло. Не имеющая причин подозревать меня, усерднейшую адептку группы, ни разу не пропустившую занятия до этого даже с сильнейшими простудами, лекариша сочувственно помотала головой, выдала зелья, назначила ошибочный диагноз «Белая аноза» и вручила освобождение аж до конца недели. Да, я бессмысленно оттягивала неизбежное. Да, глупо, по-детски стыдилась смотреть в лицо дракону, боялась резких перемен в наших отношениях. После всего, что узнала из его откровений, после того как Шайкан раскрылся мне, причем как человек, как чувствующий и способный совершать ошибки, даже если это искусственно вызвано последствиями нашей эмпатической связи, я попросту не имела право его ненавидеть. А ненавидеть его было так просто, и оправдывать свою избалованность и эгоистичность этим же удобно.

Я много думала о нем, стала рассеянной, отвлекалась. Тревожно переживала воспоминания из детства, но теперь глядела на сцены со стороны мужчины. А ведь он и правда был удивительно

нежен, добр, сдержан только со мной одной. Уважал мою индивидуальность, мягко направлял, тщательно подбирал подарки, лишь бы порадовать свою юную капризную леди. Придаться было сложно.

Больше всего мыслей сводилось, конечно, к шестнадцатилетию. К жестокому наказанию, которое продлилось аж до недавних дней. Я могла думать сколько угодно о том, насколько было жестоко заставлять меня.

— Ты уверена, что тебя можно оставлять одну? — обеспокоенно уточнила соседка по комнате, отрываясь от собирания своей сумки. — Я могу отпроситься, а завтра выходные...

Кейра Эвигрис являлась младшей дочерью богатого купца, но без титула. Впрочем, не это ее главная причина обособленности от основной массы аристократичных студентов. С ней мы не то, чтобы дружили, но я знала ее хорошо: она уже относилась к третьему курсу, выбрала любимый светлый целительский факультет и была немного... Скучной. Истинной заучкой, в отличие от меня, вынужденной приспособиться к зубрежкам в силу особых обстоятельств. Чуть горящаяся, с вечно собранными в простую небрежную косу темно-пепельными волосами и серьезным, придирчивым взглядом, она не притягивала к себе внимания и не вызывала особой приязни. Но несмотря на то, что у нас практически никогда не было тем для разговора, с ней, тактичной в аграрных вопросах и уступчивой, делить помещение было очень даже здорово, так что мы были просто дружелюбными сожителями. Меня приятно удивляла ее забота (возможно, дело было в том, что мое обманчивое состояние выглядело на редкость убедительно-жутко), и сидящая у края кровати Арина так многозначительно ехидно подмигнула, закрывшись от взгляда Кейры пышными пшеничными локонами, что мне стало стыдно. Арина знала о том, насколько «плохо» было мое состояние, а соседка бы ни за что не подыграла (было в ее характере такое вот чрезмерное следование правилам), поэтому мне оставалось только ограничиться муками совести.

— Спасибо, но со мной все будет хорошо, — отчаянно глуша в своей голове голос исходящей ядом совести, слабо кашлянула я и хрипло дошептала: — Ерунда, я выпью лекарство и усну. В конце концов, меня ведь не оставили в лазарете, так что все не так серьезно.

На самом деле не оставили, потому как я долго уверяла, что в комнате мне будет лучше, мол, там много конспектов, спать привычнее. Уступили только потому, что «белая аноза» совершенно незаразна и возникает просто от магического переутомления, которое достаточно часто бывает у первокурсников в период начала практики. Отчасти только из-за факта распространенности недуга лекарша не сильно присматривалась ко мне и не нашла-таки несколько различий между моим заклинанием и настоящей болезнью.

— Да? — с большими сомнениями разглядывая меня, бледную и дрожащую, неуверенно переспросила она, медленно застегивая сумку. — Хорошо, выздоравливай. Я принесу тебе чего-нибудь потом поесть.

Слабо кивнув, я глазами проводила ее спину до двери, улыбнулась Арине, тоже направившейся следом на выход, и, только дождавшись, когда дверь за ними защелкнется, с облегчением выдохнула, снимая ненужное уже заклинание, так достоверно изображавшее мою болезнь. В комнате было просторно, убрано, чисто, но сумрачно из-за плотных задернутых занавесок, и это несоответствие немало раздражало. Тем не менее, пришлось ограничиться дальней от окна лампой, потому что мало ли, кто в окна заглядывает больной, даже если это второй этаж (в академии магии, где маги летали на кроватях на пары, пусть это и было больше исключение, нежели закономерность, ни второй, ни пятый этаж не были помехой любопытным адептам). Я собиралась провести весь день так, как давно хотелось: почитать любовный роман, навести порядок в конспектах, выспаться, в конце концов. И главное, чтобы ни одной не скользнуло навязчивой думы о тревогах с преподавателем темной магии.

Решительно держась своего решения, я открыла «Весенний праздник их любви» и погрузилась в чтение.

...Его губы нежно ласкали мои, и сильные, властные длани не позволяли мне отстраниться ни на шаг. Его язык проникал в мой податливый рот, и меня как будто пронзало копьём от странного жара, охватившего тело. Что со мной, о, Хейтарг?

— Я хочу, чтобы ты, Воисия была сегодня послушной, — приказал мне этот невозможный мужчина, — иначе...

От сладкой, почти нежной угрозы мое сердце забилося в груди в три раза чаще. Тук-тук, тук-тук...

Отчетливый стук заставил меня от неожиданности выронить прочитанную уже на четверть книгу на пол и, замерши, повернуть голову в сторону двери. Мне потребовалось несколько секунд с испуганной оглядкой на часы, чтобы вспомнить о своей болезни и вернуть заклинание на место, прежде чем раздался до боли знакомый, спокойный голос:

— Я войду, адептка?

Прошли едва ли две пары, а мой заслуженный отдых уже нарушал тот, от кого я так пыталась отдохнуть. Какая же все-таки мерзкая у дракона привычка вмешиваться в мою жизнь каждый раз, когда я только-только призабуду о его проблематике!

Пока я судорожно натягивала себе на голову, ныряя в постель, одеяло и жмурилась, ручка двери стала опускаться с жутким, пронзительным звуком моего отчаяния.

Двери, вообще-то, по идее запирались, я должна была быть в безопасности. Но Кейра, видимо, решила, будто запирать снаружи больного человека в комнате неразумно и оставила предпологаемо лекарям лазейку на крайний случай. Во всяком случае, никак иначе объяснить тот факт, что в комнату запросто вошел один посторонний дракон и еще закрыл за собой, не могу.

Я затихла под толстым слоем своей защиты, как это было в далеком детстве, когда пряталась ребенком от «монстра». Постаралась думать о том, как мне плохо, как все болит, помня о его эмпатии.

Послышались тихие, шелестящие шаги по ковру. Это уже насторожило, ведь дракон умел ступать бесшумно. Значит, он намерено давал мне услышать. Я слышать упорно ничего не хотела и в какой-то миг, кажется, забыла даже дышать.

Застыла небольшая пауза. Затем, судя по звукам, он наклонился и поднял с пола... Черт, на полу могла быть только треклятая книжка!

Все шло хуже некуда. Вот и с чего внезапно, по какому праву магистр проник в мою комнату, когда я вроде как больная и спящая? Сама формулировка фразы звучала куда страшнее, чем должно было быть, это добавило мне нервозности. Я начинала уже, мелко пока еще, дрожать, как меня и должно было бы трясти при температуре.

Еще некоторое время было тихо, пока не раздался звук перелистываемой страницы. За ней, спустя короткое время, вдруг последовал смешок и — небеса, я готова была умереть! — прозвучало убийственно приторное, вкрадчиво-нежное, от которого сердце мое, наверное, и вовсе на некий отрезок времени остановило биение:

— Я хочу, чтобы вы встали, адептка, — явно копируя надуманный тон персонажа романа, велел мне он, — и сняли с себя Аристайзиш. Иначе...

И красноречивая пауза возымела эффект пинка. Красная, алая, рубиновая от жгучего стыда, я с величайшим трудом, старательно пялясь в пол, медленно села. Никогда еще мне так сильно не хотелось провалиться под пол и исчезнуть на просторах тонкой материи, лишь бы не ощущать физически на себе ироничный взгляд мужчины.

Это было полное, безоговорочное поражение, и мне оставалось лишь обреченно ждать, когда начнется казнь.

— Итак, — на моем подбородке, вырвав от неожиданности судорожный вздох, сомкнулись жесткие пальцы и властно(!) потянули вверх, заставляя через силу, через нежелание смотреть в черные озера глаз, в коих где-то на глубине, далеко там, внизу... танцевали смешинки. Так, он еще и веселится?! — Будем объясняться или мне опробовать предложенные на страницах этого чудесного пособия методы наказания за непослушание?

Его лицо снова было слишком близко от моего — мой метаящийся взор неволей упал именно на губы. Я еще помнила последний поцелуй, но ни один из наших с ним опытов не был для меня приятным. Его поцелуи были горько-солеными от моих слез, и эти губы на вкус тоже из-за этого казались мне непременно несладкими.

С минуту я заторможенно рассматривала его лицо, слишком близкое для преподавателя и, кажется, слишком красивое для человека. Еще я никак не могла понять, почему к стыду внезапно примешивается другое странное смущение, какое-то теплое, схожее с тем... Но, опомнившись, вздрогнула и поспешно качнула головой.

— Это не то, о чем вы подумали, — сдавленно выдавила я, додумавшись поднять руку и отстранить его от своего лица. Прикосновение к прохладной коже ладони мужчины ударило мириадами неясных магических искорок, и я поспешно отдернула пальцы, едва только высвободилась их несильного, в общем-то, захвата. — Я... На самом деле...

Сказать, к моему ужасу, было совершенно нечего.

— Нагло подделали болезнь, чтобы обманом прогулять мои занятия, — догадавшись, что внятный ответ я ему не предоставляю, завершил за меня магистр. Я медленно кивнула. В жизни такого конфуза не переживала. Это ж надо было так глупо попасться! Крайней степенью наивности и беспечности было надеяться на то, что архимаг поведется на тот же трюк, что и все. Естественно, что сложив простой пазл, детали которого я оставляла, подобно следу за собой от того дня откровений и до своих побегов из аудитории, он пришел проверить лично. Худшей ситуации быть не могло... — Ай-яй-яй, а ведь я вам, болезненная моя, принес угощения.

И действительно протянул положил мне на колени сверток с, судя по всему, сладостями. У меня даже плечи понуро опустились, и меньше всего мне хотелось открывать дар, который, на самом-то деле, не заслужила.

— Спасибо, — чувствуя, как горят щеки, вынужденно поблагодарила я, помня, что отказа он не примет, аккуратно подхватила сверток и, не покидая своего места, потянулась и отложила его на тумбу рядом с кроватью.

Тем временем вместо того, чтобы начать демонстрировать всю ярость как преподавателя, обнаружившего столь хамский прогул, магистр Шайкан вдруг рассмеялся.

— Это же ваш первый прогул, Аймит? — уточнил он, чуть глумливо наклоняя голову. — Поздравляю! Ну, ну, не стоит так сильно сокрушаться, все приходит с опытом, у вас семь лет впереди...

У меня все не получалось распознать, где все-таки проходит тонкая грань его издевательства и искренности пожелания. Я не удержалась и таки бросила на него исподлбья возмущенный взгляд. Нехорошо измываться над и так разнесенным в пух и прах противником! Сомневаюсь, что магистр проникся, но он, отсмеявшись, покачал напоследок головой и посерьезнел.

— И почему же мы так поступаем, Аймит?

Я угрюмо молчала. Так до сих пор за все время, что тонула в тяжелых размышлениях, я и не решила, как вести себя после того, как причина моей ненависти к дракону оказалась, в общем-то, пуста. Разумеется, если верить его признанию, но я... Верила. Просто Шайкан мог быть кем угодно, только не лжецом. Это было ниже его достоинства.

Я молчала по той же причине, что и избегала его последние три дня: было страшно меняться. А меняться по отношению к нему было нужно, не только потому что рано или поздно он будет моим супругом, но и потому, что в некотором роде все-таки чувствовала себя обязанной и виноватой из-за его откровений. Представив все сцены своего детства с его стороны, я с неохотой признавала, что поведение мое оставляло желать лучшего, а старания дракона нужно было оправдать рано или поздно. И я так и не определилась, что к нему чувствую помимо глупых обид за то, что он нашел во мне свою истинную и ограничивает мифическую свободу. В комнате становилось слишком уж душно. Давящая аура дракона настолько меня напрягала, настолько воздействовала на атмосферу, что воздуха начинало не хватать. От мужчины пахло чем-то неуловимо-мускусным, приятным, и, возможно, в другой ситуации я могла бы им втайне насладиться, но сейчас, вкупе с моей нервозностью, лишь закружилась голова. Ожидавший ответа, магистр неожиданно встал, прошел к окну и приоткрыл его, за что удостоился моего искренне-благодарного взгляда. Хотя факт его всемогущей эмпатии немало пугал, в каких-то местах оно могло быть полезно. Например, когда я сама не могла сформулировать собственные чувства, за меня это сделал он:

— Растерянна, разочарована, не уверена, в метаниях и... Смущаешься. — Дракон некоторое время постоял у окна, раздвинувши занавески — впусив в комнату танцующие блики света. Надо же, от его слов я еще сильнее смущалась, терялась и расстраивалась.

Прохлада с улицы тоже попала сюда вместе со свежим воздухом. Поежившись, я укуталась в плед. Спина дракона оставалась неподвижной несмотря на то, что одет он был легко, без зимней накидки, а продувало на том месте сильно. Больно уж разбушевались сегодня февральские морозы.

— Мариабелла... — окликнул меня устало дракон. Пришлось смотреть ему в глаза.

Он оперся о подоконник, скрестив на груди руки. Окно все так же не закрыл, но я не стала просить, только сильнее запахла края пледа. Некстати всплыли ассоциации с первой нашей встречей, когда я была ребёнком, а он казался призраком рассвета. Тогда мне было проще считать сидящего у открытого настежь им окна мужчину — монстром, а теперь так оправдываться не выходило. По телу пробежали неприятные мурашки — чувствовала я себя из-за этих воспоминаний отнюдь не лучше.

— Почему нельзя было просто со мной поговорить?

Я передернула плечами.

— Действительно, гораздо легче избегать, изворачиваться и жертвовать успеваемостью.

— Неправда, — жалко возразила я. — Все с моей успеваемостью нормально!

— ...Не считая моего предмета.

— В этом лишь ваша вина!

Наше короткое пререкание оборвалось звенящей паузой. Взгляд дракона опасно холодел, но я упрямо продолжала смотреть на него, не желая показаться окончательной трусихой. Во мне вновь заиграла гордость.

— И что же теперь... — от звучания этого вкрадчивого голоса по моей спине, холода кожу миллионами лапок, пронёсся табун мурашек. Я громко сглотнула ком и больно прикусила губу. — Снова будешь винить во всем меня? Разумеется, Мария, ведь я главный злодей твоей чертовой сказки. А ты — невиннейшее создание, которое во всем всегда обижают, ограничивают и еще и насилуют через раз, судя по степени несчастья. Такие у тебя фантазии, верно?

Злая ирония звучала в голосе мужчины, и все сильнее жалела о том, что начала спор.

— Может, мне стоит их воплотить, моя леди? Так сказать, показать контраст, разницу между тем, что соответствует этим фантазиям и тем, как на самом деле я к тебе относился все эти годы.

Я против воли побледнела.

— Вы угрожаете мне?!

— Что ты, — он хмыкнул, — предлагаю. Ты так давно мечтаешь о настоящей сказке принцессы и дракона, что может мне тебя и правда запереть в башне? А там жди принца, пока удовлетворяешь желания злобного чудовища.

Меня как будто окатили ведром воды из ледяной проруби. Ошарашенная грубостью взбесившегося мужчины, я так и не смогла ничего ответить, оцепенев в испуге. Молча уставилась в пол. Со злостью, сменившей страх, подумалось, что пусть делает, что хочет. Послышался вздох и стремительные шаги. Сильные руки притянули меня к груди дракона, и я застыла, напряженно вслушиваясь в тишину, еще не решив, вырваться ли из неожиданных объятий, если они неплохо разряжают обстановку и вовсе не отторгают.

— Прости, — глухо простонал он то, чего я никак не ждала, удивляя в очередной раз непредсказуемостью. — Это невозможно, но я опять извиняюсь, хотя должна была ты как минимум первой... В идеале единственной. Однако если я не буду делать первых шагов, то, кажется, их никогда и не будет, слишком уж ты твердолюбая девчонка. Хорошо, Мария, я был резок. Этого никогда не случится, я не стану запираю и тем более в чем-то насилую тебя. Не стоит бояться всяких глупых ужасов.

Стыдно было признаться, но от этой речи мне действительно стало спокойно и вновь знакомое тепло обняло душу.

— Я... извиняюсь тоже, — неловко сказала я, решив все-таки не отстраняться. Ни от кокона этих рук, ни от него самого. И только поэтому стала говорить дальше, раскрывая ему наконец причины собственных обид: — На самом деле, вы правы. Мне... нравится изображать жертву. Вы долгое время, вообще изначально казались злодеем, и каждый раз, когда на какой-то промежуток я начинала видеть в вас положительного героя, все шло наперекосяк. Когда мне исполнилось двенадцать и вы пришли, весь такой холодный и злобный, чтобы меня отчитать, это было слишком... обидно. А потом и вовсе переросло в ужасную ссору. Но даже после нее я

постаралась с вами дружить, и все было бы нормально, но случилось то происшествие на мое шестнадцатилетие и... Это было почти насилие, тот поцелуй, вы ведь понимаете? Да, я порой веду себя неприемлемо, но и вы нередко подтверждали худшие слухи о себе. И я не стану говорить вам о том, насколько по-настоящему жестоко было дать мне чувствовать себя настолько виноватой.

Он молча меня слушал, не перебивая, но я уже ощутила, как напряглись мышцы подо мной. — Сейчас я уже просто боюсь, что все повторится, если я... Если мы снова будем в хороших отношениях. Я не знаю, как перестать видеть в вас врага, — тихо продолжила я пылкую речь. — Мне откровенно не нравится видеть вас преподавателем здесь. Так вы вмешиваетесь туда, где я еще надеялась сделать маленький глоток свободы... В большей степени от вас. Но вы ведь останетесь здесь до конца, да? Я знаю, это ваше право, просто... Я...

— Я понял, — милосердно отрезал он, облегчив мне тем самым задачу. Несколько минут я просто просидела, положившись щекой о его плечо и рассматривая руку лорда, затянутую в белую перчатку формы преподавателя. От того, что высказала ему причины всего, что так долго меня мучило, мне действительно стало гораздо легче.

Кажется, я могла бы так и провести день в его молчаливой компании и приятных, удивительно для ящера (небеса, боюсь представить себе его реакцию, если однажды я случайно проговорюсь так вслух) теплых объятьях. Мерно стучало сердце. Мое, не его. Несмотря на то, что я тесно прижималась к груди мужчины, у него признаков жизни я не слышала, что хоть и немного пугало, интриговало, однако не слишком сильно меня впечатляло на фоне всего, что я о нем знала.

Но долго мы не сидели. Когда тишина вокруг улеглась, успокоилась, и уют окончательно вернулся, вполз в самые дальние затаенные уголки помещения, всполошенный недавно откровенно недоброй аурой Шайкана, лорд неожиданно встрепенулся.

— Значит, давно мечтали покататься на драконе, моя леди? — и снова тон его остро переменялся. Выпуская меня, изумленно на него уставившуюся, из рук, он улыбнулся галантнейшей из своих обычных улыбок и встал. Прошел к моему шкафу, забрал висящее на ручке пальто и протянул мне. В некотором недоумении, но мучимая любопытством, я послушно его надела под выжидающим взглядом Шайкана.

— И сапоги тоже.

Только после того, как я оделась полностью, он протянул мне руку. И стоило нерешительно вложить ее в его ладонь, как мир вокруг исчез в белой дымке портала архимага.

А в следующее мгновение сознание ухнуло вниз, в бездну отчаяния, и тело за ним, потому что я... падала. Под ногами оказалась зияющая пустота, а вокруг — ничего, абсолютно ничего, за что можно было бы ухватиться. Даже, черти его задери, дракона!

Часть двенадцатая

Об ужасах авиастолкновений

Я падала в совершенно, как это иронично с его стороны, свободном полете. А земля была настолько далеко, что территория академического городка, выделяясь на фоне белых зимних просторов, казалась просто небольшим ограниченным квадратом. Крик застыл в горле, меня затопил ужас, перед глазами вот-вот должна была мелькать картинками вся жизнь...

И как-то я даже не стала обращать внимания на то, что все это убийственное для меня событие происходит медленнее, чем должно было бы, и на такой невероятной высоте я не испытывала почти никакого холода, который присутствовать должен был обязательно, и ветер бил не так сильно, как мог. Не до того было. Но если бы задумалась, то гораздо меньше было бы разводимой паники.

Веки упали и намертво склеились сами собой. Последней моей мыслью перед предполагаемой смертью стала «Таки достала его». И напоследок было как-то даже обидно, что зря извинялась, а он не оценил.

Прошла вечность, прежде чем я почувствовала, как вдруг мягко (а значит, падала я не дольше секунды) подо мной оказалась твердая поверхность. Глаза я разлепила моментально, а затем... Мир ярко вспыхнул ослепительно-голубыми красками небес.

Мощно взмахивая огромными черными крыльями по сторонам от моего места сидения, дракон, позволивший после этого короткого экстремального испытания впервые себя оседлать мне, своей жертве-принцессе, сделал еще один головокружительный кульбит, толчок, ветром вырывая меня из скользких лап ужаса, и полетел вперед. Мой убийственный испуг быстро сменился абсолютным восторгом.

...Вдох смешивается с очередным рывком — мы взмываем...

...Медленный выдох плавно сливается с мимолетным парением, душа рвет последние оковы...

...Едва успеваю судорожно вдохнуть вновь, как мы снова делаем умопомрачительный взмах вверх, и крик восхищения теряется где-то в шумных потоках воздуха...

...Выдох ощущается чем-то далеким, отделенным физического тела, мы неожиданно ухаем в воздушную яму...

Сердце оглушительно бьется, грозя ненароком выпрыгнуть из тесной клетки груди, и этот дикий, неравномерный ритм звонким эхом отдается в ушах, перекрывая даже яростный рев бушующего ветра; ощущение безграничного счастья — или ее иллюзии, неважно — накрывает меня с головой, затягивает в омут безвременья.

Мне казалось, этот цикл мог бы продолжаться вечно. Поглощенная эйфорией, я забыла обо всем: и о текущих минутах, и даже не замечая, что «свобода» не была такой уж полной, что магия дракона крепко приковывала меня к его спине, не давая упасть. Это все было неважным, ведь в моих грезах полет был моим. Личным. Я почти наяву чувствовала каждый взмах крыла собственным, я не оседлала, я была драконом.

А это в какой-то мере действительно обстояло так. Оказалось, впервые наша связь проявила себя в обе стороны, и это поразительное слияние грозило нам обоим маленьким сумасшествием, потому что ничего более всепоглощающего, восхитительного, крышесносного я в жизни не испытывала.

Здесь, в бескрайних просторах небес, было то, что я никогда не нашла бы на земле. Желанная свобода...

К сожалению, ничего не могло продолжаться слишком долго, и уж тем более ничего хорошее. Мое эфемерное счастье разбила жесточайшая реальность с отвратительным крякающим звуком. Ее воплощением стало уродливого вида демоническое существо, пробившее с подозрительно радостным для того, чтобы быть неумышленным, кличем защитный купол дракона. Летело оно в нашем направлении и с убийственной скоростью, но инерцию забрал на себя купол, так что я при столкновении, благо, осталась жива, хоть и не совсем невредима.

Выражаясь конкретнее: в меня со всей дури врезалась утка.

Упуская мои визги, слезы и прочие непотребности в процессе борьбы со вшивой птицей, скажу, что несколькими минутами позднее драконом была совершена аварийная посадка. Меня, все еще переживающую, пожалуй, худший свой теперь кошмар, еще не способную оставить истерику, судорожно пытающуюся вытащить из прически застрявшие перья и горько оплакивающую целый клочок вырванных бешеным пернатым волос, аккуратно слевитировали на снег. Я совершенно ничего не видела за пеленой слез, поэтому в очередной раз пропустила интригующий момент смены формы дракона. А он сделал это быстро, и я даже не успела толком разойтись, как плеч коснулись мужские, вполне человеческие руки и с тихим «Мариа» чуть встряхнули, пытаюсь привести в чувство. Но я в чувство не приводилась так просто, мне нужно для этого было побольше тепла, так что громко, жалобно всхлипнув, я резко подалась вперед и уткнулась в теперь чуть пряно пахнущий плащ магистра Шайкана.

Стыдно будет потом признаваться в том, что едва не убившая меня при неожиданном нападении птица (эта безмозглая полуслепая тварь умудрилась зацепиться за шаль от моего платья когтями, порвать в каких-то местах дорогие одежды, жестоко избить крыльями и нанести глубокую, от которой наверняка еще останутся навечно шрамы, страшную, багрово-алую кровоточащую психологическую травму) впечатлила меня в стократ сильнее, чем всякие беловолосые незнакомцы на подоконниках, ссоры с великими и ужасными драконами, покушение когда-то на нас с отцом, откровения магистра, даже недавний трюк дракона со свободным падением, да все вместе — вообще никогда в жизни еще так сильно не рыдала.

— Маленькая леди, — кажется, я еще никогда не слышала в голосе дракона столь откровенных ноток растерянности, хотя его руки сориентировались сразу, прижавши меня к твердому телу. Меня опять осторожно гладили по многострадальным волосам, но эта ласка с волосами всегда

странно мне нравилась, так что он поступал правильно. В голосе, в жестах лорда была невыразимая нежность, от которой я расчувствовалась еще сильнее.

Естественно, не в утку было все дело. Просто она, на фоне всего остального, стала последней песчинкой, и лавина моих эмоций прорвала все плотины. Я плакала, привычно жалея себя, и еще сильнее плакала, начиная жалеть терпевшего меня мужчину. Долго мы так стояли, пока влага в организме наконец не кончилась, и я стала медленно, но верно затихать.

— Я вовсе не маленькая, — было первым моим хриплым изречением, когда речь более-менее пришла в норму, хоть и с паузами на шмыганье сопливым носом.

Он хмыкнул, но спорить не стал.

— Ненавижу уток, — начиная возвращаться в рассудок, а вместе с тем все ярче и ярче краснея от смущения, я отстранилась.

— А я люблю, — задумчиво ответил мне он вдруг. — Аппетитную, жареную, на костре...

Я задумалась тоже.

Не знаю, каким образом, но полчаса спустя я закончила разводить магический костер на собранном хворосте, а дракон приземлился где-то за пределами моей видимости, снова не позволив лицедреть чудо перевоплощения, и вернулся с добычей в уже руках, а не лапах. Я почему-то и не сомневалась, что раз уж он решил, что мы устроим обед за костром мясом птицы, эта конкретная птица обязательно будет, так что гадать оставалось только о том, та ли это утка.

Ну, и еще это смотрелось немного дико. Этот длинноволосый блондинистый дракон всегда казался истинным холодным аристократом (по крайней мере, со всеми, кроме, может быть, меня, ибо не приведите небеса мне однажды ощутить на себе его презрительно-равнодушный прищур и вымораживающе-ледяной тон). Он был им от подтянутого, но скорее статного, чем по-рыцарски мощного, огромного тела до манеры держаться, некой частичной брезгливости порой в жестах — например, изогнутое лезвие ритуального кинжала на паре перед тем, как продемонстрировать нам заклинание на крови, маг сначала своим идеально белым платком, коих имел, наверное, десятки в карманах, педантично протер. Так что меньше всего я когда-либо всерьез могла поверить, что буду видеть его в образе охотника, пришедшего с мертвой грязной дичью в руке.

Причины моего удивления, видимо, очень ясно отражались на лице, потому что Шайкан вдруг усмехнулся и, кидая трофей на землю, глубокомысленно промолвил:

— Чего не сделаешь ради своей женщины, — причем еще и акцентом явно так скосил под брутального «воина степи».

Я рассмеялась первой. Сначала чуть нервно, затем уже действительно хохотала от комичности всей ситуации, и дракон не сдержался тоже.

Так пролетел мой первый день официального прогуливания. Между прочим, магистр Шайкан тоже по сути пропускал свою работу, но когда я попыталась ехидно его на эту тему поддеть, он невозмутимо возразил, что у него подготовленная заранее замена на сегодня имелась (а, то есть все это уже было в его планах, расчетливая рептилия!), а у меня, как адепки, нет. Сказать было нечего.

— Не знала, что вы еще и умеете готовить, — заметила я, наблюдая, как он аккуратнo разделяет на куски уже практически завершенное, я бы даже сказала, из рук лорда, изысканное блюдо.

— На самом деле, в юности, до того, как получил титул, я был помощником повара, — серьезно ответил он мне, не отвлекаясь от дела. Он даже раздобыл нам тарелки, хотя на снегу разложить полноценный пикник не вышло несмотря на то, что снег уже не падал — лежал плотным слоем спокойно, и особо холодно уже было не особо.

Я аж поперхнулась морозным воздухом.

— Шучу, — со смешком мне протянули тарелку с крылышком, на что я отреагировала возмущенным взглядом, — шутки у него, ну, как можно было догадаться, что Шайкан умеет шутить? — после чего, вздохнув, поблагодарила и осторожно взяла. — У меня было много времени, чтобы научиться самым разным вещам. Эта не самая бесполезная, надо заметить. Уважительно кивнула, тоскливо про себя отмечая, что быть с настолько идеальной персоной будет сложно. Есть ли у него хоть одна слабость? Каково это ему, общаться с младенцем? Забавно, наверное.

Большую тарелку, со всем остальным блюдом, он заставил чисто ради забавы левитировать, хотя лично для меня не представлялось возможным это заклинание без должной концентрации.

Сам же ел с такой же, что и я, и понятия не имею как, посреди заснеженной поляны, без приборов и сидя на таком же бревнышке, что и я, но делал это максимально аристократично правильно, легко, красиво. Я же, растерянно посмотрев на достаточно жирный кусочек, пришла в некоторую оторопь. В таких, полевых, условиях мне еще обедать никогда не приходилось. Кто бы мог подумать, что вдобавок ко всему, этот невозможный мужчина еще и прекрасно готовил. Или дело было отчасти в том, что я пропустила вчера ужин и сегодня завтрак, но все-таки тушка была чудесным образом приведена в тот вид, в котором и должны находиться проклятые утки — в съедобном и без лишних телодвижений. Гарантий, что это точно была та самая тварь, не было, но, как бы то ни было, я все равно с затаенным мстительным удовольствием аккуратно откусила кусочек.

И настороженно при этом посмотрела на своего спутника, но на лице его не было ни намека на насмешку, так что я как-то расслабилась. Остаток трапезы прошел в уютном молчании. После мне деликатно одолжили платок, вытереть руки от снега, которым я догадалась очистить их, и мы, прибрав за собой, отправились обратно. Пешком, ведь до стен Академии было не особо далеко.

Из-за этого короткого элемента почти что настоящей походной сцены у меня неволей всплыла в памяти попытка сбежать и утро после ночевки в бегах. Наверное, будь со мной тогда дракон, он бы и против комаров, и против холода что-нибудь бы сделал.

— А почему все-таки вы тогда дали мне совершить тот побег на самом деле? — неожиданно спросила я, раз уж так кстати вспомнила о нелепых событиях.

Он немного замедлил шаг, повернул голову, одарив меня тяжелым, нечитаемым взглядом.

— Проверил, сможешь ли ты когда-нибудь действительно от меня сбежать, — чуть помедлив, словно подбирал слова, сказал он, и шутки в тоне больше не было.

Каждый раз, когда дракон переходил на «ты», он как бы убирал мой защитный барьер, обращался не как к просто леди, а как именно к собственно...й. Но кроме как иногда капельки горечи, во мне ничего не противилось этому как раньше, так и теперь. Только вот разве что именно в данном контексте конкретно сейчас мне стало от этого особенно не по себе.

По спине пробежали знакомые уже, родные мурашки если не страха, то нервозности.

— И как?

Перед глазами предстало видение туго натянутой струны, готовой в любой момент спружинить и больно ударить в зависимости от его ответа.

На несколько долгих секунд Шайкан остановился вовсе. Он задумчиво посмотрел меня, тоже замершую, потом усмехнулся и, так ничего и не ответив, пошел дальше. Мне пришлось засеменить следом, терзаясь переживаниями теперь еще и об этой обескураживающей недосказанности.

Если привратник у ворот города и удивился, то не рискнул спросить, встретив взгляд преподавателя темного искусства. Нас быстро впустили на территорию, и лорд проводил меня до самого домика. По пути мы встретили пару адептов и лекторов, но не больше — все же время занятий по Керкинской программе нередко длилось аж до пяти-шести вечера, а сейчас только недавно прошел обеденный перерыв.

— Ваша болезнь уже прошла, ведь так? — схибно уточнил дракон, останавливаясь у входа в здание моего проживания. От этой издевки я покраснела в очередной раз, усиленно пытаясь на носки своих сапог, и кивнула. — Никаких следов запрещенной магии я больше чувствовать не должен, учтите. Начиная с завтрашнего дня, по субботам, понедельникам и четвергам у нас с вами будут индивидуальные стимулирующие занятия. Жду утром в девять, не опаздывайте, не то я действительно буду вынужден наказать вас за все. Хорошего вечера... моя леди.

Отказ не предполагался. Я как открыла рот, округленный в невысказанном «о», так его и закрыла, потому что он ждать моего ответа не стал и ушел. Глупым взглядом я проводила его спину до тех пор, пока она не скрылась за поворотом, и, смиренно вздохнув, развернулась к общежитию.

Долго еще вечером пришлось объяснять Кейре и Арине, что визит магистра Шайкана способен мертвого поднять, не то, что чудесным образом исцелить белую анозу, а потом мямлить в попытках отвязаться от требуемых подробностей и причин его прихода. Причем если соседка пришла в искренний трепет из-за того, что сам знаменитый архимаг нашей академии был в этой комнате, то лучшая подруга была в восторге явно романтического характера. И нет, она сходила с ума от моего дракона, она была счастлива, что дракон мой. Ну, в ее фантазии.

— Да он просто хотел убедиться лично, что меня не нужно перемещать на дистанционное обучение, ничего больше, — устало повторила я в очередной раз, надеясь, что завершающе.

Выдуманная ложь звучала достаточно убедительно, но мои мучители хотели детальности.

— И он просто так решил вылечить? За свой резерв восстановил твой? — Трудностью и первопричиной обычной белой анозы являлось перенапряжение магических путей, посему как правило это не особо лечили, просто обезболивали — ведь какому целителю хотелось переливать собственный внутренний резерв другому магу, а потом самому мучиться от отдачи? Но по легенде выходило, что именно так дракон и поступил. Я неуверенно кивнула.

— Это какое надо значение иметь для мужчины! — Посветлевшие, в крапинку, синие глаза блондинки засияли.

— Он что, потратил на тебя весь день? Поэтому на всех курсах были его замены? — Кейра недоверчиво покачала головой.

— Всего полчаса, потом я не причем, — соврала я, отмахиваясь от Арины.

— А это откуда? — раздалось обвинительно-восторженное. Черт, подруга наткнулась глазами на мешочек с угощениями от дракона, так и оставшийся лежать на тумбе. — Его тут утром не было, неужели?..

— Это я достала из своих вещей, маса сложила, — поспешила оправдаться я, и поспешила спрятать подарок в полку от греха подальше.

Девушки удивительно слаженно разочарованно эхнули, и, к моему облегчению, на этом допрос посчитали законченным. Соседка вернулась на свою половину и стала копошиться в полках с учебниками (их у нее почему-то было больше, чем выдавали всем студентам по норме, раза в два), а Арина в задумчивости села ко мне на кровать.

— Говоришь, он тебе назначил теперь стимулирующие?

— Да, — обреченно подтвердила я.

— Ты должна ходить обязательно?

— Да.

— Ты уже здорова полностью?

— Да.

— А пойдешь со мной на вечеринку?

— Да, — на автомате брякнула я, не успев подумать. — Стой, что? Какая вечеринка, нет! «Первое слово дороже второго» — было мне тогда ответом. Больно уж хитрой и бессовестной стала в последнее время эта кучерявая гадость, а ведь была невинной скромницей. Как итог, на вечеринке в честь начала семестра, устраиваемую прямо в тот же вечер пятницы не только первым курсом, но и вообще всеми учащимися объединенными усилиями, я все-таки появилась, хотя Арине пришлось еще долго меня пытаться, прежде чем я достала наряд, косметику и украшения. В общем-то, пошла даже Кейра, но она была не с нами, а в компании своей группы, хоть особо и не вписывалась. Наверное, даже она соблазнилась на аргумент «там в угощениях вампирский шоколад обещают».

В огромной столовой царил непривычный сумрак. Окна позакрывали плотными шторами, свет давали лишь тускловатые кристаллы, расставленные вразнобой по всему помещению — и все разноцветные, что в совокупности стало сумасшедшей смесью радужного освещения, магически украсили различными вещами от самых простых шариков до живых бегающих и летающих иллюзий. Атмосфера, стоило заметить, оказалась организована выше всяких похвал. Студенческие вечеринки в Керкинской академии, хотя эта, в общем-то, была моя первая, представляли из себя некий микс из изящных светских вечеров и простых гуляний где-нибудь в городском баре. Здесь имелся целый собственный оркестр из талантливых адептов, как это и положено рауту, но танцы чередовались то классическими эрьенсами, то страстными, слишком смелыми в приличном обществе (поэтому на балах я почти никогда не встречала таковых) виерсо, а иногда и дикой по нашим меркам риникой. Ах да, и еще чаще всего вечеринки устраивались маскарадные, от масок до необычных костюмов на заданную тематику. Делалось

это, я подозреваю, для того, чтобы в случае, если кто-то что-то натворит, скрыться от карающей длани разгневанного ректора и остаться неузнанным.

— А где остальные? — Арина завертела головой в поисках наших, наиболее знакомых. Я сумела выловить для себя только полноватую Элю в синем платье и рядом с ней невероятно кучерявого смуглого оборотня — Тая. Только потому, что они как раз стояли около одного из столов с напитками, куда мы направлялись. Кирс, Мира и Лерис затерялись где-то в пестрой толпе, и я даже не стала пытаться их высматривать.

Арина сегодня была воплощением невинности. Она вообще часто, причем неумышленно, держалась образа эдакого ангелочка — светлого, чистого и непомерно доброго, милого, даже если с моей помощью где-то в глубине и пробуждался порой чертенок. Она бледная, вся в персиковых и молочно-белых тонах, волосы золотистым водопадом свободно ниспадают, распущенные, на спину, прикрывая тем самым довольно смелый вырез до копчика (как будто специально место, если что, крылья отрастить оставила, видят небеса). Платье пышной юбкой заканчивалось чуть ниже колен, сверкая мириадами маленьких кристаллов по всей шифоновой ткани, и совсем скромное декольте для полета фантазии. Платье подарила я, когда только приехала из дома. Специально на праздник Зимы заранее еще заказала на пошив и, признаться, каждый раз, когда я бросала взгляд на обворожительную блондинку, меня охватывала гордость, ибо чья, если не моя, заслуга в том, что она обворожительная? От ожидаемо липнущих к ней взглядов Арина не переставала смущаться, но румянец не был виден из-за освещения.

Я являлась ее полной противоположностью. Волосы распускать никак не могла, хотя иногда возникал соблазн похвастаться в кои-то веки роскошной гривой, но они кончиками подметали бы пол. Поэтому, не без помощи сильнейшей магии и сложнейших манипуляций, ведь времени было буквально пара часов, мы совместными усилиями собрали всю эту мощь в высокую пышную прическу. Украшать не стали, ведь, потемневшие с возрастом от светло-русого до орехово-каштанового, густые и в невероятном количестве, сами по себе волосы привлекали к себе достаточно внимания тем, насколько огромной вышла из них «гулька». В моем образе преобладал красный, и вообще я на фоне Арины была прямо роковой, жгучей шатенкой в длинном огненно-красном облегающем наряде. Маску подобрали в этом же стиле «а-ля феникс». Все же несмотря на то, что большую часть учебы я провела робко заучкой, мою привычку и желание быть в центре внимания, чувствовать жар чужого восхищения, никто так и не отобрал.

Первым делом, еще до того, как нас узнали по приближению, Арина обняла Тая, а затем и Элю. Она обнимала всех, но этого парня «втайне» особенно — правда, тайной это являлось только для него, потому что любому со стороны не заметить ее отношения к оборотню мог только слепой. Ну, а он, к сожалению, был слеповат. Моя подруга же, подставь ему, создавала впечатление немой, когда дело доходило до «поговори с ним об этом». Хорошая из них выходила пара.

— Не узнал вас, леди, — Тай хмыкнул, добродушно улыбнулся, а затем, спохватившись, отвесил мне насмешливый поклон, потому что леди в этой компании все еще оставалась я одна. В свою очередь я, улыбнувшись тоже, отвесила ему магического леща и на возмущенный взгляд ответила совершенно невинным.

— А где вы потеряли других? — из вежливости поинтересовалась я уже после того, как мы закончили обмен впечатлениями.

— Даже не встречали сегодня, — Эля пожала плечами, отставив пустой бокал на отдельный поднос. — Арине удалось заманить тебя вампирским шоколадом?

Я сокрушенно кивнула.

— А нет здесь вампирского, — скривившись, поспешила огорчить меня она. — Есть обычный, молочный.

— Как это нет?! — ахнув, я с осуждением обернулась на обманщицу.

— Это не я, это мне сказали!

В общем, весь вечер оказался дракону под хвост.

Арина и Тай танцевали уже третий подряд. Один эрьенс, затем нэриассили, на который, краснея отчетливо даже через мешающее увидеть румянец освещение, решила пригласить сама девушка (традиция танца), а теперь никак не заканчивали ринику. Пляски в основном шли простые, чтобы даже те, кто особо не знал особенности этого искусства, могли как-то обыграть

партии. Наблюдая за ними, заканчивали по третьему бокалу я с Элей. Вернее, она третий, я лишь пригубила и меняла недопитые бокалы один за другим.

— Пospорим, кто больше? — предложила она вдруг.

— Ни за что, — помня о том, какая слава непьянеющего чуда ходит об этой девушке, качнула головой я.

Мы продолжили в солидарном молчании.

Вообще, я не раз была приглашена тоже, но решила отложить это немного на потом. Когда начнутся более интересные танцы и найдутся более интересующие меня партнеры.

Между тем меня терзали мысли об известном драконе. Выхода не было, завтра я должна была появиться на его занятии. Личном. Собственно, поэтому я сейчас особо не рисковала с алкоголем, даже если его нам предоставили качественный, в соблазнительном разнообразии.

Если я заявлюсь с похмельем следующим утром к магистру, он, скорее всего, от гнева забудет о моем значении и сожрет меня в качестве девственного подношения. Может, я утрирую, так или иначе все равно подозреваю, что Шайкан не обрадуется.

Инстинктивное волнение туманило рассудок от осознания того, что мы будем наедине. Хотя, пережив практически свидание с ним (полет, костер, прогулка — все это было замечательно, за исключением нападения утки), я и перестала бояться и противиться общению и страха как такового не было, все равно перспектива этих занятий если не пугала, то обременяла. И было еще одно, что не давало покоя: я не очень понимала, отрицательное ли это волнение или в какой-то момент все и правда пошло в романтику?

Немного раздражающая, скрипящая мелодия риники наконец оборвалась. Чуть растрепанная, но буквально излучающая счастье блондинка и радужный оборотень вернулись к нам.

— Скучаете? — поинтересовался Тай, глянув на пустые бокалы за спиной Эли. Все ее, мои были почти полными, но тоже отставленными. — Что, неужели таких красавиц никто не приглашает?

— А ты пришел спасти ситуацию? — светлая рыжеватая бровь Эли выгнулась дугой, она ехидно усмехнулась и, бросив взгляд на уставшую, но безмятежную и, кажется, немного улетевшую куда-то в свои мечтания, Арину, девушка вдруг подхватила растерявшегося парня за локоть. — Следующий танец мой!

— Да... без проблем! — запнувшись на мгновение, с преувеличенной решительностью поддакнул он.

Я неволей улыбнулась, свидетельствуя очередной разворачивающейся комедией. На лице блондинистого ангела все темнее и темнее отражалось осознание, что парня... Крадут! И за ним все сильнее проступала хмурая морщинка на лбу. Эля, поглядывая исподтишка на реакцию Арины, откровенно веселилась, и один только оборотень все еще находился в некотором ступоре и хмурился тоже — растерянно.

За этим шоу можно было смотреть снова и снова без пресности несмотря на то, что в нашей компании частенько то один, то другой пытался внести разнообразие в черепаших темпах продвигающиеся отношения этих двоих. Это не было чем-то жестким, издевательским, скорее друзьям было как-то тоскливо от знания, что просто так ни один из них не сделает нормального шага — а ведь расстояние между ними было немаленьким. В общем, я бы смотрела и смотрела, но в этот миг о себе дало знать недавно выпитый на дорожку стакан воды. Я хотела потянуть за собой Арину (всем ведь известно, что девушки не ходят по одиночке в уборную, потому что их может утащить канализационный монстр, узнавший об отсутствии близкой помощи), но, оценив пикантность момента и все красивее проявляющуюся, умилительно наивную, почти детскую обиду на нежном личике девушки, обращенную к нашей богине вина, решила их не трогать. В конце концов, я маг, я нечисть буду истреблять (может быть), чего мне какого-то вонючего монстра бояться? Предупредив, что иду припудрить носик, развернулась и направилась в нужное мне место.

Как ни странно, монстр даже не попытался объявиться. Благополучно припудрив носик и подмигнув своему прекрасному эго в отражении, я вновь минула пустой коридор и вернулась в столовую. В помещении на меня навалился шум голосов, но музыки не было, потому что музыканты собирались с новыми силами перед следующей партией. Мимо важно прошествовал маленький (из нового персонала, видеть) домовенок с подносом, и я, с секунду посомневавшись, решила ему облегчить ношу и забрала один бокал, после чего с чистой совестью и изумительно удачно попавшимся особо вкусным вином поспешила обратно к своим,

надеясь, что не пропустила самое интересное. Все шло хорошо до тех пор, пока, высматривая в путанном из-за количества присутствующих, пестрящих карнавальными масками и цветистыми нарядами, пространстве тот стол с оставшейся там курьезной троицей, я случайно не наткнулась на кого-то по пути. Очень неуклюже наткнулась, и красное пятно на классически белой рубашке под пиджаком стремительно расплывалось на глазах.

Ойкнув, я подняла глаза и встретила металлическую маску с не менее металлическим взглядом под ней.

— Простите, — пробормотала я, отступая.

От стыда хотела поскорее позорно сбежать и уже сделала бы это, но тут за локоть ухватили и неожиданно сильным движением притянули к себе.

— Вы должны мне танец в извинение, — донесся до меня странно, неестественно хриловатый, как будто обладателя его обуяли эмоции, голос. Его глаза... Даже в этом освещении я могла поручиться за то, что их цвет насыщеннее, голубее самого ясного весеннего неба. И они казались мне очень знакомыми, но голос было я не смогла вспомнить никак.

Почему-то я не стала вырываться. Кивнула, тем временем рассматривая незнакомца и судорожно роясь в воспоминаниях в поисках ответа на встревожившиеся ассоциации. Меня отпустили, кажется, с некоторой неохотой, и рука чуть побаливала из-за недавней хватки. Но я не возмущалась и не злилась, на меня будто напало какое-то сонно-ностальгическое наваждение.

Как раз кстати полились вступительные звуки музыки. Издевательством рока нам выпало танцевать виерсо.

Отступать пути не было. Мелодия начиналась обманчиво нежно. Легкое, едва ли весомое ощущение моего неожиданного партнера к талии и его рука через атлас белой перчатки — пара медленных кружений по небольшой окружности. Затем бархатное понижение нот и постепенно наращиваемый ритм. Быстрее, быстрее, и взмахи, пируэты, смелые па растворяются в вихре головокружительной страсти. С непривычки сбивается дыхание; я знала этот танец вскользь, только из своего любопытства и милости учителя танцев. Как я и сказала, виерсо не одобрялся в свете, поэтому и среди адептов его мало пар танцевало. В программе вечера он был чисто по традиции, из бунтарства, которое являлось неотъемлемым аспектом жизни молодежи, золотой или даже серебряной (медных я не считала, у нас, по крайней мере в академии, простой массовки не было). В такой сложной вариации у меня не было времени отвлекаться, а с учетом, что мужчина оказался невероятно хорош и именно таким интересным, танец с которым я ждала сегодня для громкого старта, оставалось только успевать ловить ртом воздух и пытаться справиться со сбивающим потоком эмоций. Восторг, азарт. Никогда не замечала в себе столько страсти, хотя музыку, танцевать я всегда любила.

И самое главное, что было в этих плясках — взгляд, не отрывающийся от меня, пронзительный, яркий; сколько бы ни гадала, у меня никак не получалось даже близко угадать его значение. И та эмоциональность, слишком живая, слишком настоящая даже для самого профессионального танцора, чтобы быть всего лишь частью танца. Он нес меня в танце, позволял взлетать раз за разом и в его прикосновениях я узнавала послание. Мой партнер оставался полной беспроектной загадкой до самого конца, до самого последнего звука. И покинул он меня столь же стремительно, как и случилось столкновение. Скрылся в толпе.

На негнущихся ногах я пошла к своим, понимая, что весь остальной вечер теряет для меня значение на фоне этой таинственной встречи. Даже тот факт, что каким-то чудом виерсо умудрились станцевать еще и Тай с Ариной, вырвавшей его все-таки из лап Эли, не вывел меня из оставшегося оцепенения. Слишком неясными, смешанными были мои ощущения.

Не было странным, что тогда я, пытаясь затушить жаркий эффект и заглушить вопросы, на которые не было ответов, несмотря ни на что, выпила. Причем немало, ведь компанию мне составила лучшая собухтыльница в академии.

Вечеринка была неплоха.

Я происхожу из древнего, богатого и уважаемого рода с чистейшей родословной и прекрасными связями. Была воспитана как леди, в лучших условиях, в достатке и любви, получила лучшее образование на дому и никогда по-настоящему не была несчастна. Однако все бывает в первый раз, и утро этого дня открыло для меня ужасы одной из худших вещей в мире — похмелья от неверного смешения магических алкогольных напитков. Магия обычно добавляла винам, шампанскому или ликеру особые вкусы, свойства, и поэтому такие стоили и ценились особенно высоко, но был у них побочный эффект, о котором вчера под конец я забыла напрочь.

Их нельзя было смешивать без перерыва в минимум час.

Судя по моему состоянию по пробуждению, я совершала эту грубейшую ошибку как минимум до тех пор, пока не заканчивалась моя память о вчера. Что было странно, открыла я тяжелые веки и встретила демонические страдания в собственной чистой постели, переодетая и, главное, с аккуратно расплетенной прической. Но эти приятные мелочи я осознала и удивилась им уже потом, изначально мне до этого не было никакого дела. Соседка отсутствовала: она, как обычно, на выходные уезжала в город; комнату заливало жизнерадостными золотыми лучами солнце, что меня безжалостно и вырвало из сладкой неги сонного небытия.

Мне было плохо. Мне было невыносимо, невиданно, нереально плохо. Зверская боль разрывала мою, надо признать, бестолковую донельзя голову, и свет казался не просто немил — он был люто, садистски беспощаден. Так я ощущала себя в свое первое одинокое контрмагическое похмелье.

Не знаю, какими нечеловеческими усилиями я вспомнила обезболивающее заклинание, не передать словами, как старалась вырисовать символ трясущимися пальцами в воздухе и как умоляюще обратилась к своей магии. Но смогла, в конце концов да, я сделала это, выжила и поспешила в ванную, потому что поздняя тошнота было тоже одним из прилегающих омерзительных последствий.

В то утро я зареклась никогда, никогда в жизни больше не пить. А потом, только умывшись, глядя на уставшее лицо в отражении зеркала и впервые замечания жуткие, пусть и не сильно заметные мешки под ними, вспомнила о второй беде, не менее страшной, чем та, которую я все-таки пережила. И шанс, что я и вовсе могла во второй раз пережить, был не так уж мал.

«Жду утром в девять, не опаздывайте, не то я действительно буду вынужден наказать вас. За все».

На надкроватных часах, к которым тотчас я остервенело кинулась, было девять пятнадцать. Путь до учебного корпуса еще никогда не был у меня настолько короток. Мой транспорт отсутствовал? Так это не помеха, одолжила чужой. На дороге какой-то застой? Ничего, объехала, сбив при этом чье-то летящее письмо (обойдется уж без своих любовных посланий кто-то, подумаешь). Ровно через прибавившихся к тому времени восемь минут я была на месте и, кинув кое-как подвезшую меня площадку, понеслась в пустое в выходной день, но все равно открытое здание. По лестнице я взлетела так, как не смог бы вспарить даже дракон в небе. Стучать не стала — практически выбила плечом дверь, столкнувшись с ней по инерции того же своего «полета», и едва не упала на пол аудитории.

— Я прошу прощение за опоздание! — выпалила я еще раньше, чем встретила с непроницаемо черными глазами мужчины.

На жуткие пару мгновений застыла пугающе спокойная тишина. Такая, с фиолетовым оттенком прохлады и белизны безмятежности. На лице дракона ни дрогнул ни нерв.

— Доброе утро, адептка, — наконец произнес он негромко, заведомо проигнорировав извинение. Раздался несколько глухой звук его шагов, и я неволей отшатнулась назад. Утро добрым у меня определенно не было.

В ответ на мой выпад, как прочитав мелькнувшую у меня мысль, невозмутимый магистр неожиданно усмехнулся.

— Причина опоздания?

Я лихорадочно искала оправдания в голове, но на ум приходило что-то совсем банальное и неуважительное. А такой халатности я позволить себе по той причине, что это не было про опозданием, это было самым настоящим поводом для обещанных наказаний (жутко думалось почему-то только о тех, которые были в «Весеннем празднике их любви»).

— Кейре стало плохо, — мучительно выдавала я, пряча подальше угрызения совести. — Мне пришлось ухаживать за ней, поэтому я не спала ночь, устала и совсем забыла. Мне, правда, жаль.

На какую-то долю секунды почудилось, что он поверил, и что сочувственное качание головой вполне искреннее; увы, всего лишь почудилось.

— Когда же вы успеваете все? — сокрушенно изрек он, недоуменно прищелкнув. — И за больной ухаживать, и на вечеринках напиваться... И преподавателей домогаться с требованием довести на крыльях домой.

Что?!

От шока я чуть не упала, но, мягко схватив меня за запястье, Шайкан удержал.

— О чем это вы? — бледнея, шепчу я онемевшими от ужаса губами.

— Вы даже не помните ничего, надо же. — Хмыкнув, он вдруг улыбнулся и, наклонившись ко мне, выдохнул на ухо тихое: — Придется мне, скажем так, протрезвить вашу память.

Прежде, чем я среагировала, моего затылка коснулись обжигающе холодные пальцы...

И я вспомнила ВСЕ.

Музыка вкупе с алкоголем, ставшим настоящим ядом из-за ядерного смещения, производила обратный должному удовольствию эффект: скрипка резко резала слух, а валторны и трубы низким, тяжелым гулом давили на голову, заставляя меня морщиться и в безуспешных попытках уменьшить дискомфорт, массировать виски. Я не знала, сколько прошло времени, но по ощущениям вечеринка близилась к своему завершению и если бы на дворе стояла летняя пора, то небо уже бы рассветало.

Я давно забыла о своих проблемах, загадках и тревогах; выпитое действительно помогло мне расслабиться и наслаждаться студенческим праздником. Да-да, первое время я и правда наслаждалась, что есть силы: танцевала не менее десятка танцев, пококотничала с незнакомцами в масках, получила три приглашения на завтрашние свидания и пресекала много попыток углубить знакомство. В последний раз даже вышла в сад подышать с одним партнером (по правде, меня после кружений с ним начало сильно мутить, так что я просто подстраховалась на случай, если без его галантной поддержки локтя не дойду до дверей на задний двор академии) и чуть не была на энтузиазме им поцелована, но, даже в «веселом» запале помня о первом опыте с такими действиями, вlepила ему пощечину. Отвергнутый кавалер серьезно обиделся почему-то очень знакомым (одни знакомые что-то у меня в этот вечер) тенором и ушел, а приступ тошноты благополучно прошел.

Но вот после него я уже не рисковала, села на скамеечку в зале, поглядывая на приключение Арины под названием «меня партнером, вновь незаметно подступить к невинной жертве по имени Тай» и притихла. И вот с того момента наслаждение постепенно сменяло собой страдание, как это бывает, когда слишком неумело и самонадеянно пьешь.

Вот уже глаза мои слипаются, неприятный жар охватывает тело, и координация нарушается, так что я сижу на месте, кривясь от особо громких взрывов в мелодии очередного танца.

«Пора домой» — поняла я, прислушиваясь к организму. Я бы уже сделала это, но было так лень вставать, что я полуразлеглась на своем месте и тихонько мучилась от уже намечающегося похмелья. Тогда я еще не понимала весь ужас того, что похмелье именно намечалось.

Наконец, я решительно поднялась и направилась туда, где последний раз была Эля. Хоть ее достаточно давно не было там видно. Значит, или человек, как более опытный алкоголик,

ушел вовремя, или она с кем-то да танцевала. Пока мне было важно лишь аккуратно дойти до нужного стола, не качаясь по пути и не давая повода для чужих ухмылок и сплетен. У меня получалось... Почти. В какой-то миг организм все-таки подвел и перед глазами потемнело, меня качнуло и я едва не упала...

Но, выравняв и глубоко вдыхая, осознала, что несуществующая сила сверху смиловалась, ибо это не только у меня совпало с потемнением в глазах, это свет вокруг потух во всем помещении за исключением где-то тусклых проблесков лунного света в зашторенных окнах. Музыка затихла, и по залу прокатилась громкая волна обеспокоенного и испуганного шепота.

Все замерло на короткую секунду... А потом раздался грохот.

Оглушительный шум откуда-то снизу, затрясаясь земля и крики толпы, после чего кто-то заорал «На выход!» и все рванули. Хорошо хоть, догадались не вслепую, а зажигая магические огоньки, освещающие путь заодно и менее сообразительным/способным. Вроде меня.

Так как я являлась знатной трусихой и свою жизнь очень даже любила, то адреналин немедленно вытеснил собой страх, и я припустила, что есть духу, успешно следуя темпу толпы, дабы не сбить кого-то и чтоб меня не раздавили в панике. Мы пронеслись по коридорам так, как, наверное, никогда еще студенты этих стен не спешили на пару, и вскоре благополучно выскочили на свежий морозный воздух.

Улица встретила обманчивым спокойствием, небольшими сугробами, и освещалась милыми праздничными фонарями. Хотя погодите, не освещалась! Они не горели. То есть ни один кристалл, ни одна гирлянда, вообще украшения не сверкали магическим светом, нигде в видимом радиусе. Было бы темно, если бы не звезды на черном пространстве над нашими головами и все еще не погашенные многими адептами их пульсары и «светлячки». В недоумении, я обернулась обратно на здание академии, но она трястись перестала, и вообще воцарилась странная, неестественная тишина. Все молчали в неясном, напряженном ожидании, а потом... дружно шарахнулись от неожиданности назад, когда оно дало о себе знать.

А в небо взлетели звезды! Пробивая к чертям защитный купол над всем городом, яркие, полыхающие невероятной, мощной красотой, десятки огней взмыли вверх, оставляя за собой видимые прожженные дыры в куполе, а затем рассыпаясь мириадами золотых искр где-то в самой вышине. Это было... завораживающе. Волшебное.

Больше, чем шоу, устраиваемое в королевстве со схожим содержанием. Здесь, в обычный, не слишком уж, на самом деле, и праздничный вечер, когда никто из нас этого не ожидал, этот жест вызвал куда больше впечатлений, потому что ведь умелым ходом было то, что нам только что было страшно за свои жизни и мы были готовы к чему-то жуткому, разрушительному, но не такому. Согревающее облегчение сменило тревогу, и какое-то уютное, необъяснимое счастье затрепетало в груди.

Кажется, в один момент все в толпе почувствовали схожее единение. Наверное, тогда я и полюбила — всем сердцем, всей душой — Керкинскую Магическую Академию. Из-за этих

впечатлений, из-за ощущения недолгой, но бесконечно яркой свободы в толпе таких же магов, как и я, со своими планами и надеждами.

А они у меня были, даже если и придется смириться с неизменным присутствием в них дракона. Ведь могут же свобода и... Любовь попросту сочетаться? Без всяких метаний и мучений, просто быть едины. Наверное, да, если это настоящая, истинная любовь.

Момент нарушил яростный ор приближающегося мужчины, в котором я смутно узнала затем ректора во плоти и пижаме:

— Защита! Совершенная защита академии! Кто, мать вашу, какие чокнутые суицидники посмели?! Вы! Вы все! Вечеринка окончена, все... Вон с глаз моих, завтра авантюристы среди вас еще пожалеют, что...

Дальше я не особо прислушивалась. Поежилась и одной из первых направилась в собственную сторону. Эмоциональный всплеск сошел, вернулась тошнота и слабость, неадекватность и сумбурность в мыслях. Честно говоря, что именно я тогда себе думала, уже никак не скажу, но в результате я умудрилась немного заплутать. Кстати, должно было быть холодно, потому что пока выбегала из зала, я не захватила с собой плащ, но кровь, как говорится, была горяча, и меня волновало только: если меня все же вырвет, чем закопать потом следы преступления на снегу?

Снег хрустел миллионами ломающихся позвончиков снежинок, забивался в туфельки, и ткань длинного платья с шелестом волочилась по нему за моим шагом. Я задумчиво смотрела на дорогу, темную и путанную, непонятную и куда-то подозрительно уж долго меня ведущую. Стоило бы дождаться кого-нибудь из знакомых и пойти с ними, но теперь было поздно. Я слегка еще покачивалась в такт невидимой мелодии, улыбаясь, и вообще незапланированная прогулка была не такой уж плохой.

В себя меня немного привел оклик сзади. Обернувшись, я радостно посмотрела на стремительно приближающегося мужчину. Его белая неизменная коса идеально вписывалась в белую снежную атмосферу вокруг. Только вот красные, очень уж яркие пламенные глаза разрушали образ эдакого ледяного принца, спешащего мне на выручку.

Любой нормальный, даже в подобной мне алкогольном состоянии, испугался бы и как минимум пристыженно присмирел, а вообще здравомыслящий бросился бы наутек, потому что от магистра исходила жуткая, нереально давящая, почти вдавливающая аура. В то мгновение мне стоило бы пасть на колени. Но я была особенной, истинная я дракона или нет?

— А вот и вы, мой дракон! — мечтательно выдохнула я и с абсолютно невменяемой улыбкой на лице протянула руки к опешившему мужчине, чтобы немедленно повиснуть на его шее и томно (сонно) выдохнуть: — Все, несите ме... мен-ня на своих могучих кры...льях в башню, ик!..

На этом все обрывалось и дальше шла благословенная темнота. Воспоминания рассеивались, и мой взгляд медленно, но верно фокусировался обратно на реальности, не менее печальной, чем пьяные похождения, ибо теперь наступали их последствия.

И первым, что я заметила, была улыбка на губах стоящего в метре от меня, уже не так сильно нависающего, дракона. Широкая, с оттенком мечтательности (вот тут стало страшно, что же такого произошло вчера после моей эпичной фразы и, скорее всего, падения в обморок, и кто же и правда меня вчера переодевал и причесывал), такая... Теплая. Мне уже не по себе. Прошло не больше секунды, пока воспоминания мелькнули у меня в голове, так что это не было похоже на транс — скорее, маленький заряд пронзившей молнии. Дракон не ухищрялся с закланием, он легким толчком разблокировал затуманенные алкоголем участки сознания заклинанием, схожим с отрезвляющим, только высшего уровня. Удивляться этому не приходилось и, честно говоря, я была благодарна хотя бы за вспомнившееся видение шоу в небе. Но вот момент встречи с ним был убийственным для моей чести и совести. Подкосились ноги, на миг я чуть качнулась, но тут же взяла себя в руки и устояла, понимая, что дракон опять подхватит — а сейчас, краснея и приходя в серьезное смятение от насмешливого, ВСЕ понимающего взгляда, меньше всего хотелось усугублять.

— А что дальше? — жалко прозвучал мой едва слышный вопрос.

Он позволил себе смешок.

— Дальше я подхватил вас на руки и понес, правда, пешком, в общежитие.

— А... там? — стало еще тише и жалче.

— А там оставил вашей «больной» соседке, которая, кстати, намного вас здоровее, моя леди, себя вела, я бы даже сказал она была в отличном состоянии. Оставил с просьбой аккуратно переодеть и привести в нормальный вид.

Облегчение было даже сильнее, чем вчера во время неожиданного шоу. От магистра моя реакция тем более не укрылась, но он ничего не сказал и только вздохнул.

— Ладно, адептка, давайте сначала разберемся с нашим занятием, а по ходу... Присмотрим наказание. Вы ведь согласны, что заслужили?

Я угрюмо кивнула.

— Тогда следуйте за мной.

Пришлось послушаться, как бы ни хотелось сбежать по пути. Не думала, что мы будем все-таки заниматься в отдельном помещении, но это было вполне логичным, ведь он говорил на паре, что со следующей недели мы начнем ходить в специально предназначенные для разных упражнений места. Мы минули несколько дверей, потом поднялись на этаж выше и закончили путь помещением, о существовании которого в академии я, первокурсница, даже не подозревала.

За неприметной с виду (возможно, из-за того, что большинство аудиторий имело двойные двери и это играло на контрасте восприятия) белой дверью из непонятного металла оказалась сначала темная каморка, не слишком большая, в которой мне было приказано снять обувь, а уже за ней просторный зеркальный зал. Полностью, включая потолок и пол, зеркальный, причем не из обычного, а зачарованного сильнейшим закланием, зеркала.

— Адептка, что за заклание в основе этого места и почему я вас сюда привел? — командным тоном задал мне вопрос, каким на экзамене спрашивают, дракон, закрывая за мной, с этой стороны тоже закрытую зеркалом, дверь... На замок.

— Десятый уровень, наастаэрда, — недолго думая, отчеканила я, стараясь не заикливаться на осознании того, что заперта с Шайканом. — Привели, потому что заклание зеркал помогает успешной глубокой медитации, удваивает силу, но поглощает опасную энергию прежде, чем она успеет вырваться.

— Умница, — добродушно похвалил он меня и с ехидством добавил: — Теорией явно не заваляю, но вот практика...

Я понуро опустила взгляд в пол, но тут же встретила там собственное отражение и рядом совсем — его. Скрыться от ироничной усмешки оказалось нигде.

— Садитесь на пол, здесь не холодно. И осторожнее ходите, с непривычки может кружиться поначалу голова.

Где именно находился центр, поняла не сразу, но примерно нашла и, неуверенно покосившись на невозмутимого преподавателя, села, обхватив руками колени.

— В позу лотоса, — уточнил он и тоже подошел. Забавно, что дракон носил белые носки, прямо в комплект к его перчаткам...

Не сдержав истеричного смешка, я последовала указанию и кое-как, напряженно выпрямив спину, устроилась на жесткой, пусть и в самом деле довольно теплой поверхности. Пол хоть и

был зеркальным, но из другого, не скользящего и не разбивающегося материала. Слегка побаливала от этого положения... м-м, копчик, но я, поерзав, как-то нашла равновесие. — Закрывать глаза?

— Надо же, выучили. — Он сел рядом в схожей позе и хмыкнул. — Давайте, адептка, на сей раз должно получиться, но первые минуты вспоминайте основы медитации. Напомню: брать нужно одну нить, причем контролируете свою эмоцию вы, а не она вас. И пожалуйста, побудьте послушной хотя бы для своего преподавателя, если не лорда.

Мне хотелось фыркнуть, но я благоразумно смолчала.

И снова я закрываюсь в плотном мраке собственного сознания, отрезая себя зрительно от света. Поняла, что энергия зала действительно ощутимо влияла на транс по тому, как не сразу, но постепенно, спустя тянущееся сладким, вязким потоком время в темноте сомкнутых век начали проявляться вокруг меня тонкие и не очень, одиночные и спутанные в целые клубки, сияющие разноцветные искры. Все это и есть мой внутренний магический мир? Забавно, как легко потянуть любую из них, когда мою слепоту разгоняют чудные зеркала.

В любопытстве оглядываясь, я и не заметила почти, как и когда буквально провалилась в собственный колодец и уже полностью ушла в себя, потеряв материальной ощущение поверхности, на которой сидела, да и вообще тела. Это было... Странно, но паники не вызывало.

— Все хорошо, все идет по плану, — спокойный голос дракона не позволял зародиться ни малейшему намеку на тревогу. — А теперь я хочу, чтобы вы взяли за клубок и потянули, попробуйте именно отделить отдельную эмоцию из вороха. И да, заодно это шанс разобраться с собственными чувствами, Мариабелла.

От последней фразы я немало смутилась, потому что нам обоим понятно, какие и к кому эти путанные чувства. Но вдруг, стоило мне устыдиться, бледно-розовая толстая нить возникла прямо перед носом и проплыла совсем близко, как маленькая юркая змейка. Хм, это ведь тоже чувство... Что там он говорит? Откуда ему знать, взяла я из клубка или это новая нить, предполагаю, смущения?

Не горя желанием разбираться с пугающими меня клубками (жуть, что там только не было намешано в том, что я испытывала к дракону), я решительно сделала рывок и воображаемо ухватила за ее кончик, с силой потянув на себя.

Одновременно с этим, на удивление легко рассеяв транс, распахнула глаза и растерянно осмотрелась. Никакого пламени, как в прошлый раз, вокруг не было, зато и ярости в глазах дракона, как тогда, тоже. Но доволен мужчина тоже не был.

— Трудных путей, значит, избегаем?

Я пристыженно поежилась и поспешно опустила глаза вниз, на свои руки. Розовые искорки магии ярко сверкали, переливались на пальцах. Это ведь было довольно хорошим результатом, если сравнивать уровень контроля — по крайней мере, над чувством смущения я успешно властвовала и вполне даже легко смогла ради любопытства приказать магии сформироваться в шарик, испытав втайне настоящее ликование, потому что ощущать это оказалось демонически здорово. До этого все заклинания, которые я применяла, основывались на светлом мастерстве, и расходовать энергию из воздуха, из внешних источников, коих на территории академии бери не хочу, было легко; а вот теперь, не считая того срыва с ненавистью, это был мой первый опыт темного искусства, и он являлся совершенно иным, необычным. Я чувствовала себя гораздо... могущественнее. До опьяняющего восхитительно оказалось ощущение власти над собственными чувствами и магическим резервом. Изумительно! Единственное, омрачало то, что дракон мрачно осадил мою радость.

— Вы обещали слушаться, адептка, разве не так? — мою ладонь неожиданно накрыла его рука — сильная, крупная, прохладная, как и положено ящеру, есть у него в этой ипостаси чешуя или нет. Нить магии я, дернувшись от испуга, естественно, выпустила, и она благополучно испарилась, впитанная зеркалами, а я разочарованно вздохнула и обречено посмотрела на магистра.

— Наказывать будете? — жалостливо всхлипнув, печально спросила я, вспоминая, что там именно было дальше в книжке, чтение которой прервала на столь интересном месте. Хм, ну, герой успел героиню как-то уже отшлепать...

От вида моих стремительно багровеющих щек преподаватель более чем просто угадал ход моих мыслей и, без того заулыбавшийся из-за моего вопроса, откровенно расхохотался.

— Почему у тебя только в эту сторону мысли, Мария? Тебе так нравится эта тематика, в самом деле, устроить садо-мазо с бондажом и всей соответствующей атрибутикой?

— Нет! — Краснеть сильнее уже было некуда, у меня, кажется, повалил уже пар из ушей.

Что такое бондаж, я, по правде, еще и не знала, но, наверное, как раз в той части, которую оставила недочитанной, должна была узнать... Неважно!

Смех дракона перешел в ржач.

— Я приму к сведению...

— Вы! — я возмущенно запыхтела, понимая, что этот хладнокровный только издевается над моими хрупкими чувствами. Смерив веселящегося мужчину убийственным, насколько это могло относиться к бессмертному, взглядом, я начала вставать, но тут смех поспешно утих, сменился кашлем и меня схватили за руку, бесцеремонно притянув к себе.

— А наказание? — явно давясь смешком, попытался невозмутимо напомнить он. — Выбирай, моя леди, отшлепать тебя или... Или ты поцелуешь меня?

И снова это волнительное, слишком близкое «ты». Я уже заметила, что он переходил на такое обращение в моменты, когда остро ощущалось такое странное, но все же бесспорно романтическое напряжение; или когда сильно злился, конечно, но это не считается. Шайкан... Умело вызывал во мне чувства. Медленными, вернее, размеренными шагами вел в нужное ему направление.

А весь ужас в том, что моего сопротивления почти что нет. Я таяла, как таю и в этот момент, от одного только собственнического «ты» и нежных прикосновений.

— Не смешно, — хрипло пробурчала я, но из объятий не вырывалась. Снова. Больно уж тепло, уютно в них было — и это притом, что температура его тела действительно была, хоть и не намного, но ниже человеческой. Интересно, удобно ему держаться ровно на этом полу и в такой позе?

— Я не шучу, Мариабелла — голос приобрел строгость, посерьезнел. По моему телу прошла мелкая дрожь, и я вскинула голову, недоверчиво уставившись магистру в лицо.

— Вы мой преподаватель, — осторожно напомнила я на всякий случай. Вдруг забыл...

— А ты моя истинная, — тоже напомнил услужливо он в ответ, затем нетерпеливо уточнил: — Выберешь или мне приступить?

Я было почти грешно решила, что он блефует, даже несмотря на то, что умом понимала: что-то, но этого Шайкан не делал и не станет делать никогда, просто потому, что драконы не выносят лжи. Но не успела совершить такой опрометчивый вывод, как в следующий момент была всерьез перевернута на живот и отчаянно завизжала.

— Я поцелую! — взмолилась я, рванув из спокойно разжавшихся, не ставших удерживать-то рук, и вскочила, настороженно замерев в метре от своей потенциальной опасности.

— Ну? — усмехнулся он, вскидывая в ожидании бровь. — Смелее, и обещаю отпустить на сегодня.

Я в отчаянии посмотрела на губы, которые были не очень далеко и, будем честны, ладно, весьма привлекательны. Потом перевела взгляд на дверь за спиной дракона, которые были чуточку дальше, но еще привлекательнее.

— Ма-ария, — посмеявшись, протянул он и укоризненно покачал головой, и я с тоской оставила надежды сбежать.

— Зачем вам это? — глупо спросила я, в самом что ни на есть ужасе оттягивая неизбежное. —

Я же... Я же вам не нравлюсь, вы...

— Кто сказал, что ты мне не нравишься? Ты имеешь сформировавшееся тело уже как последние два года и очень привлекательна как внешне, так и качествами. А я прекрасно знаю, что если буду тянуть, то ты лишь сильнее отдались от меня в стенах академии, девочка моя. Иди сюда.

Я выдала что-то среднее между страдальческим всхлипом и смешком.

А потом в голову внезапно ударило нечто схожее с испытанным на вечеринке адреналином. Азартный жар, вызывающая злость. Что же я мнусь, как в первый раз? Хочет — получит, драконистый извращенец со своими угрозами!

Решительно преодолев разделяющее нас расстояние, я обхватила его вчерашним жестом за шею, и, так зажурившись, прильнула к жестким губам.

Голова закружилась, словно этот водоворот власти, снова взявший надо мной верх, решил замотать меня до обморока. Странно, но вкус его губ оказался очень даже сладким, возможно,

потому что я не плакала. А еще... не такие уж они жесткие. Чуткие, нежные, умелые и совершенно не горчат.

Часть пятнадцатая Принять смерть

Я шла из здания второго корпуса академии, и мое лицо до сих пор не остыло. Щеки, уши, все горело ядерным румянцем так, что падающие крупные хлопья снега не успевали попадать на кожу, они таяли еще до соприкосновения — так мне казалось, настолько жарким было мое лицо от воспоминаний.

«С вами все хорошо, моя леди? Вы выглядите странно... Довольной».

Как же он насмехался, гад! Ненавижу драконов, демон его задери, ненавижу их противные поцелуи и глумливый тон!

Я шла, пиная комочки замершего снега сапогами, в мыслях царили сплошь сор, ругань и проклятия, а с припухших губ никак не сходила прилипшая намертво глупо счастливая улыбка. «Ненавижу влюбляться...»

Площадку, беспечно брошенную мной незакрепленной, ожидаемо увезли обратно к хозяину, который любезно согласился мне ее одолжить (он что-то еще кричал вслед, когда я пронеслась мимо него и устроилась на заведенном транспорте, но я рванула с такой скоростью, что в свисте ветра уже ничего не слышала, но это наверняка было что-то вроде «Да, конечно, Мариа, тебе нужнее»). А может, она и сама к нему улетела, ведь что вообще могло помешать левитирующей площадке с размазанным по стеклянному носу сбитым любовным письмом? В любом случае, мне пришлось идти пешком, но не то, чтобы я жаловалась на незавидную судьбу.

«Вас подвезти?» — как ни в чем ни бывало поинтересовался он, отстраняясь. После этого вопроса обескураженно застывшую меня как ветром сдуло. Шел бы он! Или ехал, летел, какой так у него транспорт. Сама дойду, не хватало мне еще со стыда так окончательно загнуться под взглядом этих черных провалов.

Кроме того, прежде, как тактично отступить (позорно сбежать со сверкающими пятками), я успела в глазах дракона словить не на шутку напугавшие, странные огоньки. За все время знакомства с драконом я видела в них огонь ярости, искры насмешки, проблески тоски, но мелькнувшее золото в темной, бездонной глубине не подходило ни под одно вышеупомянутое. И я до сих пор не могла отделаться от чувства, что это был новый уровень его игры.

— Мариа! — Знакомый женский голос заставил меня вздрогнуть, вырвав из вязкой кашицы догадок и страхов. Осмотрелась, понимая, что даже не заметила, когда преодолела почти весь свой путь, и увидела бегущую ко мне от крыльца общежития Арину.

— Привет, — растерянно сказала я, на что особенно сегодня возбужденная отчего-то девушка мотнула головой, преодолела последние пару метров до меня бега и, схватив за руку, стремительно потащила быстрее в дом.

— Я тебя ждала уже минут десять, забыла же, что ты сегодня к магистру, — бормотала она, едва не подсакивая от спешки. — Ты не поверишь, что случилось!.. Надо быстрее, я все объясню.

Заинтригованная такими загадочными речами, я послушно ускорила, и вскоре мы уже поднялись на второй этаж и нашли в конце коридора мои апартаменты.

— Это хорошая или плохая новость? — открывая дверь, уточнила я. По взвинченному виду подруги сказать было трудно, на радостях она или готова расплакаться.

— Ужасная.

На моих ставших родными территориях ничего не поменялось, теперь я отчетливо заметила неприятные неряшливые мелочи: собственную незастеленную постель, непогашенную ночную лампу, упавшую со стула ночнушку, которую, в спешке переодевая на ученическое платье и прикрывая небрежность одеяния плащом, я так и бросила, куда рука дернулась. В общем, обстановка не располагала к гостям, но Арине так уж точно никогда не было и сейчас особенно дела нет до бардака.

— Переоденься во что-нибудь теплое, а я пока расскажу, — ее голос дрогнул.

Переодеваться в теплое не хотелось, хотелось лечь и уснуть, перед этим еще некоторое время поругав дракона, от воспоминаний о чьих, никак не выходящих из головы, прикосновениях, я... Этот невыразимо сладкий, властный захват на талии, затем сильная рука проводит вдоль по позвоночнику вниз, и я немного прогибаюсь с тихим невольным вздохом...

...до сих пор краснею!

Но, уже осознав, что ситуация серьезная и сегодня в спокойствии одну меня явно не оставят, кивнула, давая знак ей начинать, и сама прошла к шкафу.

— В общем, Кирс влип. — Арина за моей спиной тяжело вздохнула. — Ты помнишь, вчера мы не так и не нашли его на вечеринке. Думали, все нормально, он где-то там, но оказалось, что Маркус подкупил его и Кирс согласился помочь с тем шоу. Все бы хорошо, ты же знаешь, какой он сильный маг, поэтому даже его одного без проблем хватило, чтобы сработать с заклинанием взлетающих звезд. Только вот... Не то из дурости, не то все-таки подставив его специально, но устроители дружно забыли о защитном куполе, который эти звезды пробили. Изнутри нашу защитную магию пробить не так уж сложно, в отличие от врага снаружи, поэтому так вышло по неосторожности. Защитный купол — одно из самых сложных, энергозатратных заклятий, и академии придется тратить много сил, быстрее его восстанавливая. Теперь у нас огромные проблемы, потому что там есть следы магии колдовавшего мага, то есть Кирса, и осталось недолго до момента, когда ректор получит от Его Величества разрешение на расследование и применение «Казэтии»... Значит, по слежку энергетических остатков найдут того, кто виноват.

Мне уже было не до натягивания шерстяного верхнего платья. Давно развернувшись к блондинке, севшей на стул у моего стола, я ошарашенно уставилась на нее округлившимися в ужасе глазами и пыталась переварить.

— Наказание за это — в лучшем случае исключение, в худшем Кирс будет отправлен в исправительную особую магическую колонию, а там от магического только то, что они медленно и верно выкачивают из заключенных их магию, — потерянно пояснила она известное нам обоим — наверное, просто проговаривала то, потому что сама не могла поверить в это в соотношении с нашим другом.

Я шумно сглотнула.

— И что теперь?

Звучало все страшно, но, наверное, рано или поздно Кирс должен был влипнуть во что-то такое, тяжелые, крупное. Он всегда был очень темпераментным, вспыльчивым, порой даже грубым. Попадался во всякие неприятности в основном из-за скверной привычки сначала делать, а уже потом обдумывать и оценивать масштаб того, чем придется поплатиться за свое решение — и последняя стадия наступала уже позже, когда последствия лавиной обрушались на бедовую горячую голову. В основном он был, конечно, хорошим другом. Веселым, вечно втягивающим окружающих в забавные и/или пугающие авантюры. У него на самом деле никогда не было злых умыслов, и, как и в этот раз, Кирс облажался из-за того, что поспешил делать, не подумав. — Он сказал, что нашел решение, — выдержав эту паузу, давая мне впечатлиться, выдохнула она наконец. — Кратко говоря, есть ритуал, позволяющий изменить, хотя бы на время, магическую ауру, и если Кирс ее скроет как минимум на моменты расследования, то все обойдется малым — подзатыльником от наших. — Арина нервно хмыкнула. — Однако для дела нужно создать новый слепок. Ему нужны маги в помощь, и чем больше тех, кто в ритуале будет отдавать ему часть своего слепка ауры, тем разнообразнее выйдет его новая «маска». Мы будем делать это как можно дальше от академии, чтобы внезапно не отследили магический всплеск, и тебе стоит поторопиться, если, конечно, ты собираешься помогать.

— А, так ты все-таки спрашиваешь моего мнения? — усмехнулась я, но начала затягивать все ленточки своих одеяний. Подруга в ответ лишь фыркнула.

Некоторое время спустя мы уже подходили к воротам. Нас выпустили без вопросов, ведь в субботний день очень многие адепты идут или просто прогуляться, или (так как мы с Ариной без кареты выходили, пешком) попытаться долететь на, например, найденных в лесу толстых ветвях до города. В любом случае, что только не творили уже учащие Керкинской академии — будущие энтмаги и архимаги.

Арина пояснила, что по договоренности встреча с остальными где-то там, и по данным ей указаниям мы пошли на север. Пришлось идти долго, видимо ради безопасности место действия перенесли и за радиус возможных сигналов. Остальные из нашей семерки выходили

раньше, поэтому навряд ли мы с кем-то столкнулись бы по дороге. Я подозревала, что скорее всего все уже собрались и готовятся, или вовсе уже приготовились, а мы опаздывали из-за моей задержки.

Пока вытоптанная и начинающая понемногу таять, снежная тропинка вела нас вперед, все не кончалась, я начинала задумываться, а не стоило ли бы предупредить дракона о том, что я отойду, или может он вообще мог бы помочь в этой ситуации ради меня. Шайкан очень понимающе себя всегда проявлял со всеми моими капризами и выходками, даже практически не было сомнений в том, что реакция ректора его не коснулась бы, но... Мне чудилось, что я все еще могу чувствовать сладкий, медовый привкус, и чуть ноющее ощущение, когда холодный ветер сильно бил, покалывало припухшие губы. Я не представляла, как смотреть ему в глаза и помнить, как от одного поцелуя снесло крышу, как я прижималась к нему и отвечала, понимать, что даже эта горчинка в нем оказалась обманчивой. Мне не хотелось даже пытаться мяться перед ним и, умирая от конфуза, просить помощи жалким писком. К черту! Если с ритуалом не выйдет, то я обращусь к нему, но так, даже просто прийти предупредить о прогулке за академию, я не собиралась.

— Как прошло занятие с твоим магистром? — неожиданно спросила подруга, особенно, с очень толстым намеком выделив то, что он мой.

Меньше всего ожидавшая этого вопроса в такой момент, я, вздрогнув от неожиданности, хмуро посмотрела на нее. Она нервно улыбнулась и пожала плечами — мол, что ты, поболтать можно в любой момент, а до Кирса с его проблемами мы еще даже не добрались. И она была права в некотором своем легкомыслии, в каком-то смысле это был способ отвлечься от напряженной обстановки, расслабиться и мне, и ей. Только вот тематику для этого она выбрала неподходящую, заставив меня помрачнеть.

— Он не мой, — немедленно огрызнулась я.

— Разве? — словив мой возмущенно-раздраженный взгляд, Арина улыбнулась. — А мне со стороны виднее, чей он. Архимаг слишком... слишком даже для Керкинской. Я, может, и не задавала вопросов, но что я, совсем дура, забыть о том, кто тебя тогда забирал?

— В итоге все равно забрал не он, — буркнула я, но уже смирилась, что окончательно выдала себя и обреченно вздохнула.

— Вот наверное поэтому он и приехал сюда, потому что ты не слишком-то жалуешь лорда своим присутствием и благосклонностью, я права?

Удивительно, насколько разносторонняя личность скрывалась за личиной робкой зашуганной девочки так долго. Но стоило мне только эту маску осторожно снять, как оказалось, что металогический стержень все-таки есть, что он внутри, в глубинах обманчиво хрупкой души. Сейчас в часто когда-то блестящих из-за легких слез глазах в эту минуту была непривычно серьезная пронизательность. Быть может, Арина будет и вовсе предсказательницей? Кто знает, какой она выберет факультет в следующем году.

— Так что у вас произошло?

Я угрюмо молчала. Знала бы подруга, какие постыдные воспоминания я переживала каждый раз, когда думала, мучилась мыслями и метаниями, противоречиями об этом «Стимулирующем». Простимулировал он меня, конечно, знатно... Только не до магии мне было, ох, не до магии. Так вот если бы она просто представила себе, насколько противоречиво и гадко мне становится, когда я думаю о том, что мой преподаватель будет моим мужем и этот поцелуй — одно из множества того, что случится, она бы... Пришла в восторг истинной свахи. Вот демоны! А каково мне? Хочется же, чтобы пожалели, утешили, поругали вместе со мной этого шантажиста и извращенца и пришли не в радость, а в ужас из-за возмутительно непедagogичного стремления меня отшлепать. Арина запищит от восхищения, она слишком помешана на своих любовных романах. И это моя лучшая подруга, с ума сойти. Жуть... Дело было в том, что мне совершенно не... Не нравился слишком резкий, остро непривычный романтический контекст в нашей встрече. Не нравился, я уверена! И неважно, как сильно бьется сердце и как тепло и хочется улыбаться, ведь эти признаки ровно относятся так и к алкогольному опьянению. Будет ли так дальше и успею ли я адаптироваться, принять отношения как должное, начать воспринимать дракона как мужчину, а не как, гм, дракона — грозного и опасного существа, похитившего мою жизнь и жестоко удерживающего в когтистых лапах?

«...И в то же время наверняка зверь-дракон-злодей не умеет так нежно, опьяняюще сладко целовать».

Снова поневоле я почувствовала то самое, не то, чтобы неприятное, но странное щекотание, подобно маленьким точечным ударам энергии на своих губах. Инстинктивно коснулась их, как будто попытавшись так стереть ощущение его поцелуя; перед взглядом моей взбесившейся фантазией опять предстала ухмылка Шайкана, которой он — я не сомневалась, хотя вовсе не имела права утверждать и наговаривать, но я была уверена, что он именно что усмехался с насмешливым предвкушением — одарил меня напоследок, пока дверь не закрылась, скрывая меня зеркальным отражением лорда. А потом он подмигнул своему отражению и тихо произнес...

Я схожу с ума, демоны пожрите, я действительно начинаю сходить с ума и представлять то, чего не видела и не должна представлять! Кусая до боли, до искорок в зажмуренных глазах, я напомнила себе, что драконом мир не ограничивается, и проблемы сейчас у друга посерьезнее моей любовной мыльной оперы. И вообще, что-то раздумья и образ дракона захватывают мою большую голову все чаще, слишком уж настойчиво, красочно атакуют. Только ли это вина стресса или есть тут и доля нечестного магического внушения?

— Мариа, мне кажется, или он тебя поцеловал? — из ступора вырвал неожиданный ах невесть как, но догадавшейся девушки.

Я ошалело, с немалым частичным испугом уставилась на нее. На лице блондинки закреплялось выражение уверенности в своих словах.

— Нет! — запоздало попробовала спасти крохи надежды на «обойдется» я.

— Я вижу, врешь все!

У меня почти начиналась истерика от настолько усилившегося давления — и от дракона, и от нее, и от собственного сознания. Не зная, что теперь говорить, я выпалила раздраженное:

— А что же ты вчера с Таем?

И вдруг воцарилась полная, тяжелая тишина, разбавляемая лишь тихим хрустом сапог под ногами. Я с удивлением поняла, что фраза попала ровно в цель, хотя я стреляла почти что в небо. Кто мог знать, что между этой медлительной и вечно то смущающейся, то недопонимающей пары случится сдвиг?

Оставалось только надеяться, конечно, что не по фазе.

— А что вчера было, Арина? — расплываясь в недоверчиво-довольной улыбке, поинтересовалась еще раз. Просто убедиться, что и правда попала в точку.

Почти что с умиленной нежностью я кивнула ее невнятному бормотанию (что-то вроде: «не хочешь говорить, так бы и сказала») и проследила за стремительно проявляющимся на фарфоровых щеках вызывающе-красным румянцем. Дальше мы шли в солидарном молчании. Единственным положительным моментом в этой нашей прогулке стала эстетическая сторона картинки. Я не уставала восхищаться снегу в этом году. После того, как маги на праздник Леди Зимы призвали его искусственно, Зима внезапно отозвалась по-настоящему, и через пару дней вместо того, чтобы сугробы начали таять из-за возвращения стабильной для нас температуры, на улицы Валенсии выпал бурным метельным вихрем самый что ни на есть натуральный снег, и сугробы лишь выросли в размерах. Белая Империя впервые за многие годы на все месяцы этой поры оказалась накрыта самым красивым из всех, что мне доводилось видеть в богатейших домах, чистым, плотным холодно-белым ковром. В лесу был особенно, по-своему прекрасный, нетронутый и немного чуждый вид. В отличие от блестящего и горящего украшениями города, здесь всю блестящую лишь хрустящий под ногами снег, хотя отчасти он и начал немного сходить, и утонуть в сугробах уже можно было не бояться. Голые длинные ветви гигантских деревьев поспешили скрыть свою наготу, облачившись в сверкающий иней, и время от времени какая-нибудь белка, птица или другие зверьки раскачивали их. Из-за этого с шуршанием елочной мишуры зимнее одеяние спадало вниз, тем самым частично раздевая ветвь.

Размышления о прелестях нахождения на свежем воздухе успешно не подпускали тревожное чувство из-за недосказанности перед Шайканом и ситуации с Кирсом. Я успокаивалась. Однако путь вечно, оно и хорошо, не стал тянуться, и вскоре это временное затишье (не перед бурей ли?) пришлось оставить.

— Мы на месте, — растерянно прошептала Арина, остановившись в шаге от меня. В некотором ступоре, и я, и она обескураженно смотрели на то, что представило из себя место назначения.

Слева от нашей тропинки обрывалась частично линия деревьев. Поляна была небольшой, я видела, по крайней мере, ее контур, но прогуляться было можно. Что сразу привлекало внимание, так это нарисованный ровно посередине нее подозрительным красным цветом знак — нечто, отдаленно напоминающее пентаграмму, но без звезды. Я так поняла, для ритуала. Рядом со знаком, спиной к нам, застыла высокая фигура в академической форме, и я не слишком уверенно предположила в ней Кирса.

Он был один. Это стало первым звоночком для беспокойства, звучание которого я проигнорировала.

— Кирс? А... Где остальные?

Арина робко прошла вперед, потянув меня за руку (и трусливо сжав мое запястье, видать, чтобы в случае опасности я не вздумала бежать без нее).

Человек медленно повернулся назад. Капюшон спал, открывая неожиданно бледное лицо нашего друга прежде, чем я успела всерьез запаниковать, и вздох облегчения сорвался с моих губ. Он выглядел возбужденным, испуганным, но это был он, так что я окончательно махнула на свою разволновавшуюся интуицию и, ободряюще улыбнувшись ему, прибавила нам ходу. Мы преодолели по следам расстояние до него и мне пришлось неволей обратить внимание на то, что протоптал их один-единственный человек, и другой обуви явно не было.

Неужели мы первые? Арина ведь говорила, что, когда Кирс пришел к ней, он просил поспешить, потому что все остальные участники пойдут вперед нас. Приврал, чтобы поторопить?

— Вы первые. Не бойтесь, я не убивал никого и кровью их не чертил символ. Это просто раствор шикрей, — нервно хмыкнул адепт. Мне показалось, его голос странно дрогнул, будто он до жути боялся не так сказать, что обычно за этим болтуном не наблюдалось. Наверное, слишком сильно парня напрягала впервые столь реальная опасность вылететь из академии — и это при лучшем исходе. — Задерживаются они все. Но мы начнем... Я вас раньше отпущу... Он глуховато бормотал это, что-то дорисовывая на снегу, потом прошел мимо нас, и неволей меня прошибла дрожь от ощущения присутствия Кирса за спиной.

— А разве можно по отдельности? Мы не должны быть все вместе? — осторожно уточнила я, быстро оборачиваясь, и чуть поежилась. Темноволосый буравил мою спину тяжелым, задумчивым взглядом и вернулся обратно в центр своего круга.

— Нет, все по-отдельности, — немного помявшись, ответил он. — И спасибо, что Встань ты, Мария, первой.

Странно. Вообще, ни одного подобного ритуала, описанного в объяснении Ариной, я не знала. А уж особенно странно то, что то, что говорил теперь Кирс, отличалось от того, что по задумке должен был представлять из себя процесс создания ему маски. Или, по крайней мере, мне все представлялось иначе, и я все накручивала себя просто из-за стресса.

Я качнула головой, беря себя в руки, и тут же согласно кивнула. Невежливо будить в себе параноика, когда другу нужна помощь.

Мне уступили место в центре, и сам Кирс вышел за пределы своего круга. Радиус «пентаграммы», кстати, был достаточно широкий, хотя магические письмена маленькие и находились по краям все. Нерационально было рисовать такие размеры, если ритуал не на толпу, а на каждого отдельно...

Все было совсем не таким, каким мне представлялось. Атмосфера казалась слишком... натянутой. Неестественной. И не было этого чувства одновременно страха за очередную Кирсову авантюру и дружеского веселья. И когда Арину отвели к дальнему дереву и начертили защитный символ, объяснив это возможностью волновой отдачи, что-то во мне дрогнуло: неприятный холодок обжег внутренности. Арина выглядела заинтригованной, но и на ее лице мелькнули нотки обеспокоенности.

— Ты ведь знаешь, что делаешь, да?

— Более чем, — решительно отчеканил друг, становясь в удобную для него позу. Руки ввысь, глаза к небу...

Интересно, насколько это будет глупо, доверять магичить неопытному первокурснику, пусть и, бесспорно, сильному магу, явно непростой ритуал? Да еще и притом, что всю вопит интуиция: что-то не так! Думаю, верх идиотизма... И ритуал начался.

Я окончательно уверилась в том, что происходящее нечисто слишком поздно. Когда мой крик и крик Арины слились в один, когда тело заледенело, и заклинание Кирса оборвалось

единственным четким и понятным для меня словом в заклинании, прозвучавшим холодным приговором «*suscipe mortem*».

«Прими смерть».

Часть шестнадцатая О предательстве и смерти

Я думала, что этот ослепительно-белый свет, яркой вспышкой закрывший собой мир, и есть «свет в конце туннеля». И тело, стремительно немеющее, теряющее чувствительность, лишь подтверждало это.

Я думала, что это моя смерть. Даже не успела толком осознать боль предательства пусть и не самого близкого, но все же друга. И почему-то последним, что меня укололо, была испуганная мысль «дракон будет в ярости».

Но единственное, в чем я оказалась права — дракон, появившийся в портале этой самой белой вспышки после того, как в моих глазах, все еще широко распахнутых, прояснилось, действительно был в ярости. Он был в диком, безумном гневе, когда смотрел... на меня. А я висела в воздухе, не способная даже моргать раскрытым в немом крике ртом пытаюсь ловить воздух, чувствуя магическую петлю на горле, парализованная странным заклинанием, и в этот короткий, кажется, миг, когда его взгляд встретился с моим, мне стало почему-то невыносимо страшно. Меня не пугала так смерть, как ввергло в панику понимание того, что после всего этого я обязательно получу по полной программе. Сильнее наказания, чем то, что мне без слов обещал дракон, маленькая избалованная леди Мариабелла Аймит еще не знала никогда.

А потом Кирс бросился. Не бежать, как было бы разумно, а вперед, прямо на полувоплотившегося, в боевой форме, дракона... С кинжалом. Если кто здесь и был идиотом больше, чем две доверчивые самоотверженные адепки, так это, пожалуй, он. Дракон обернулся. Я не сомневалась, что сейчас мой бывший товарищ полетит куда-то далеко. Например, к тому дереву, где что-то кричала Арина, пытаюсь преодолеть мешающий ей защитный символ (как оказалось, защищал он не ее от угрозы, а Кирса от помех). У меня не было совсем ни капли сомнения... Но когда Шайкан дернулся, и кончик длинного лезвия прорезал плащ, уверенность вытеснилась шоком, а тот быстро сменился ужасом.

Драконы всемогущи. Драконы бессмертны, непобедимы и...

Он просто не может пострадать! Почему же тогда не успел отразить удар, почему не двинулся с места, пока кинжал не пронзил цель?

— *Suscipe mortem*, — выдохнули синие губы напавшего, прежде чем магистр, отмерев, наконец-то ударил. Кирс полетел не так уж далеко, но этого уже и не требовалось — стремительно коченеющее, синеющее от некоего принятого яда, мертвое тело грузно упало в нескольких метрах от нас, и все заклятья пали вместе с ним.

А я, падая в объятия Шайкана, стремительно осознавала, что ритуал был изначально не для меня. «Принять смерть» предназначалось дракону.

Меня переместили в мою комнату и опечатали заклинанием ее прежде, чем я успела хоть что-то ему сказать. Он не произнес ни слова, просто положил в постель, мазнул непроницаемым взглядом, проверяя, цела ли я, и исчез снова в портале. Не передать словами, сколько времени я провела, терзаясь в неизвестности. Как он держался? Как с настолько серьезной раной он двигался так непринужденно, хотя кровь, проступившая на черном плаще, запачкала даже мою одежду за несколько секунд, что я была на его руках? И порталы... Как он мог столь бездумно использовать такого уровня магию в своем состоянии?!

Я готова была лезть на стенку. А что с Ариной, вдруг ее там и бросили, и она одна через лес идет? Она, наверное, с ума сходит не меньше, чем я, а рядом труп.

Я готова была лезть на стенку и выть, проклиная себя и свою глупость, бредовый, практически беспочвенный стыд, из-за которого не сделала самое умное, что могла бы — просто попросить помощи у своего лорда. Своего. И он бы не отказал, ведь он так... Любил?

О, демоны, а что, если он и правда умирает?!

Чувство вины сжирало меня изнутри. Я почти не думала о Кирсе, старательно гнала от себя переживания из-за его дезертирства. Пребывая в полнейшем аффекте, я даже не волновалась о его кончине. Все терялось на фоне собственной вины перед... драконом.

Наверное, я была близка к тому, чтобы начать уже не грызть (вообще первый раз от нервности занималась такой гадостью), а по-настоящему есть свои ногти, прежде чем замок на двери щелкнул снаружи. Опыаненная радостью, я бросилась к нему, но на пороге показался не беловолосый мужчина, а седобородый старик. Я смутно вспомнила, что видела его несколько раз на праздничных церемониях. Магистр Эрнард, декан некромантического факультета и заместитель ректора, а также один из архимагов преподавательского состава.

— Адептка Аймит, мне нужно проводить вас к ректору, — скрипуче, сухо произнес он, поглядев на затормозившую меня с высоты своего положения. При том, что ростом я была выше. В мутно-дымчатых глазах, не особо скрываемое, виделось пренебрежение. Почему? Это не было просто горделивой привычкой, а именно личностное, как будто я успела ему насолить. Хотя могла ли я назвать себя незаслужившей подобного отношения? Нет, я доставила массу проблем.

Обескураженно кивнула. Как бы ни было тревожно от упоминания нашего великого, уже покинуть наконец комнату для меня было спасением. А ректор должен ответить на все вопросы. По меньшей мере про Шайкана.

Видимо, доверие к студентам резко упало из-за Кирсы, раз в качестве посыльного отправили целого архимага. Я почти не помнила дорогу до кабинета ректора за своими переживаниями.

Адепты, гуляющие по городку в свой заслуженный выходной (хоть по субботам утрами у многих были дополнительные занятия, в академии существовал закон о двух, не меньше, выходных, потому что нагрузка здесь была слишком сильной), даже не думали на меня коситься, а это, к огромному облегчению, означало, что никто ни о чем не знал.

Вопреки моим надеждам, ничего дельного мне так и не сообщили, и чувство страха за жизнь дракона только усилилось. Перепуганный до белоты, ректор вежливо спросил обстоятельства всего, немного похмурился, но меня не отчитывали. К натянутому радушию на лице человека, знающего, ЧБЯ я, мне было не привыкать, хотя было немного странно встречать его от того, которого так боялись и уважали как потомка рода, много столетий управляющего, а изначально и вовсе открывшего академию. Все, на что он смог ответить, это на вопрос об Арине.

— Адептка Даннас заперта в изоляторе. Она обвиняется в участии в заговоре.

Часть шестнадцатая

О предательстве и смерти(2)

Услышав это, я резко похолодела. Нет, моя подруга меньше всего на свете желала и могла бы мне навредить. Я знала ее и была уверена в ней; у меня ни на миг не возникло подозрений в ее вине. Решение пришло быстро. Кричать и требовать от ректора что-то было бы заведомо бесполезно: приказ отдал не он, и отменить его он тоже не мог, даже если бы хотел, это я осознавала с неожиданным спокойствием. Покинула кабинет я одна. После того, как уточнила, где проживает магистр Шайкан, удерживать никто не стал, и молчаливый некромант (не сомневаюсь, что титаническим одолжением, неохотно) снова проводил до нужного адреса. Все-таки, заблудиться на территории Керкинской академии проще простого. По дороге я настояла зайти в лавку со сладостями, вопреки желаниям моего мрачного сопровождающего.

Дома, где проживали преподаватели, находились гораздо ближе к главному учебному корпусу (тому самому, в виде роскошного замка с высоченными башнями), чем всякие студенческие общежития. Это было что-то вроде элитного района с мини-особняками. Нужный мне дом отличался размерами. Впрочем, дракону и правда требовалось много места... В случае чего. В остальном же внешне стоял просто красиво декорированный, светлый особняк с мраморными дорожками и завитыми колоннами. Никакой мрачной готики, какую предпочитают чудовища. Хотя ведь я уже точно определила для себя, что никакое он не чудовище и не злодей.

Пусть это был не совсем именно дом дракона, и обстоятельства были меньше всего располагающие, но, стуча трижды кованым кольцом по двери — ворота открылись невидимым сторожем, призраков в услужении у академии вообще было поразительно много, — я

чувствовала странный трепет в груди от ироничности ситуации, ведь это фактически был первый мой поход к нему в гости, а не наоборот.

Мое сердце отсчитывало каждую секунду, пока изнутри раздавались шаги. Двенадцать секунд спустя дверь открылась, и на пороге возник хозяин.

Не знаю, чего я ожидала, но лорд Шайкан менее всего походил на раненого. На его, привычно для всех холодном лице, не отразилось ничего подозрительно, ни капли слабости в движениях, все та же мощная аура и некое отталкивающее равнодушие — и я ждала чего угодно, только не его. Гнева, ярости, беспокойности... Но не этого.

Растерявшись, я даже шарахнулась на шаг, бессознательно выставив защитой перед собой сумку с угощениями. Нечитаемый взгляд мужчины мазнул по ней, вернулся к моему лицу и, никак не прокомментировав, он немного отошел в сторону, разрешая войти в свою обитель. Признаться, мое желание заходить в гости поубавилось от такого сухого приема. Не потому, что обидно за себя как гостя, а потому, что страшно. Лучше бы он отчитал, лучше бы расстроено смотрел. Но он не начинал. Проводил в гостиную, усадил за диван, отдал домовым приказ сделать чай и на мое робкое подношение (впервые дарила что-то ему) бесстрастно кивнул.

— Как себя чувствуете?

Спрашивать должна была я, но я, придя в смятение, опять не могла заставить себя сделать первый шаг, поэтому, как и всегда, это делал он. Аж вздрогнула от того, насколько выморживающе безучастным был тон.

— Со мной все хорошо, — я сглотнула, косясь на него из-под опущенных стыдливо и виновато ресниц в надежде, что лед подтает. Он кивнул. И все? — Я... На самом деле, я пришла сюда...

— Ради вашей подруги, — ровно закончил за меня он. — Вы желаете убедить меня, что ее вины нет.

Гнетущую паузу я молчала. В некотором роде он был прав, решение пришло ко мне из-за серьезной опасности, нависшей над жизнью Арины, но...

— Так вы выпустите ее, да? — Я вскинулась, но тут осеклась: темный взгляд дракона опалил меня пониманием ошибки, очередной за столь короткие сутки.

...Но параллельно с этим то, как, с каплей горькой насмешки, звучали эти слова, заставило меня чувствовать себя последней меркантильной тварью.

— Я пришла не только ради нее, — опережая его ответ, поправила себя я. — Я... волновалась за вас.

Наконец-то на его лице что-то поменялось. Белая бровь медленно поползла вверх.

— Действительно?

Аж больно стало от того, насколько же гадкой я представала перед ним, когда постоянно, на каждый его выпад, отвечала эгоистичными обидами, недоверием. Неужели он все еще думает, что я так ненавижу его? Впрочем, я не давала повода ему сомневаться в этом.

— Мария, моя Мария, — вдруг усмехнулся лорд, качая головой. И кажется, лед все-таки треснул, что не могло не обрадовать. — Я даже не собирался тебя отчитывать, моя леди, лишь немного объясню. Как, ты думаешь, мне разобраться в твоих чувствах, когда ты сама в них не разобралась? Ты можешь мне сейчас четко объяснить, зачем пришла? Не можешь, боишься. Из вины? А осознаешь ли ты, в чем вся вина? Нет, Мария, попытаться помочь другу благородно, но недоверие, которое ты проявила... Зачем же ты беспокоишься обо мне, хотя постоянно только и пытаешься сбежать? Из аудитории и из жизни. Только не нужно врать, ни себе, ни мне. Подумай и скажи: есть ли в твоих мотивах что-то, помимо вины?

Теряясь перед возвышающимся надо мной драконом, пусть в его словах не мелькнуло ни укора, ни злобы, лишь невеселая ирония, я волей-неволей, вопреки его словам, все равно ощутила себя тринадцатилетней девочкой, которую отчитывали за совершенную глупость. Он так же казался мне взрослым и слишком далеким от моего мирка, маленькое пространство которого в то же время безжалостно заполнял собою почти до краев. С той лишь разницей, что тогда я захлебывалась желчью собственной уязвленности, а сейчас обиды не было — было, как он сказал, осознание вины.

Он правильно задавал вопросы. Больно бил ровно в цель. Я и правда не знала, изнывала ли, запертая в спальне, от того, что боялась потерять своего дракона, или это было только лишь давление ответственности за произошедшее? И что же, все-таки, я чувствовала к нему...

Кажется, тогда я готова была уже отступить. Малодушно сменить тему, попросить освободить Арину и уйти, так и не узнав, любит ли дракон сладости, которые принесла. А потом было бы уже ничего не исправить, потому что я почему-то точно определила в тот миг: это была одна из судьбоносных сцен, поворотов, свернув на которых неверно, я сломала бы сказку. Так и случилось бы... Но судьба внезапно выдала свой, козырный, ход.

Я не сразу сумела сориентироваться, не сразу поняла, что произошло. Никогда не видела, чтобы человек так резко серел, неестественно, болезненно. И никогда не думала, что такие метаморфозы увижу в Шайкане.

— Магистр! — испуганно выпалила я, шокированная, вскакивая и бездумно бросаясь к нему.

— Уходи, — простонал он, закрывая глаза то ли от слабости, то ли пытаясь скрыть от меня собственные муки. Я коснулась его лба и тут же отшатнулась: было обжигающе горячо. Где-то далеко, пока я в панике заметалась, не зная, что делать, мелькнула отстраненная мысль, что он, наверное, все же теплокровный.

Дракона лихорадило. Не знаю, спонтанно ли накатило это, или волна отката просто накапливала силу с каждой секундой упрямого сдерживания, поэтому произошел такой резкий взрыв. Во всяком случае, когда я рванула пуговицы белой домашней рубашки, обнажая грудь — там, где чуть левее сердца прошел клинок — зрелище было страшным.

Отравленная рана загноилась. Я не помнила себя от ужаса, глядя на то, что случилось, и, судя по тому, как пытался себя ставить Шайкан, он даже не думал лечить, надеялся на свою регенерацию, бессмертность. И, видимо, впервые всемогущего это подвело.

— Магистр, я вызову врача, — жалко прошептала я, не уверенная, что он слышит. Но, бросившуюся бежать, меня успели поймать неожиданно твердой хваткой.

— Не надо, — едва слышно выдавил он, все еще, несмотря ни на что, властно удерживая меня даже в таком состоянии, — ты можешь сама.

— Вы сошли с ума, я не знаю, как! — воскликнула я, дернувшись.

Однако больше меня и не удерживали.

Он отключился.

Лекарша (причем не та, которая чаще всего работала со студентами, а старшая, что также являлась и преподавательницей целительского факультета) пришла очень быстро. У меня были некоторые опасения касательно тайны дракона, но это оказалось не проблемой.

— Как с милордом могло такое случиться, — сокрушенно протянула она, заканчивая перевязывать рану. Женщина в возрасте, запомнившаяся мне с прошлой нашей встречи в лазарете хмурой и строгой, сейчас она как будто помолодела, с печальной улыбкой разглядывая пациента.

— Вы знаете его? — изумилась я, встревоженно всматриваясь в искаженное своими страданиями лицо бессознательного мужчины. Глубокая морщина залегла между его бровями, и я еще никогда не видела Шайкана настолько... открытым. Беззащитным. Отчего-то мне подумалось, что в этот момент мы с ней практически единственные, кто когда-либо видел его таким.

— Знала ли я? Да, — с какой-то затаенной горечью хмыкнула она, — знала. Тебе интересно?

Спросишь его... Если сможешь еще спросить. Если он выживет, спросишь его, много ли знал он подобных мне, подобных... Впрочем, нет, ты другая.

И вновь я видела явно демонстрируемую мне неприязнь, что было последним, чего мне хотелось в отношениях с той, на чей профиль я раздумывала пойти. Но значение этого меркло по сравнению с тем, какой эффект произвела роковая фраза «Если выживет».

— Что вы имеете в виду? Как это «если»?!

Госпожа Кастаная ответила мне чуть смягчившимся, сочувственным взглядом.

— Я никогда не видела такого, — ответила она, отводя глаза. — Это подействовало на дракона. Возможно, нам стоит как-то связаться с ему подобными, но я... Я не знаю. Он борется, но яд распространяется слишком быстро.

Я не могла поверить.

— И что теперь? Сделайте что-нибудь!

— Лечебная магия на него не действует. На него не действует магия вообще, это его особенность, сила... Кто же знал, что она может обратиться слабостью.

Меня стремительно начали душить слезы. Какая глупость! Он всерьез мог даже так и не услышать от меня признания. Признания в том, что... важен мне? Даже не в любви, просто в том, что нравится.

— Он говорил, что я сама могу ему помочь, — прошептала я, с надеждой обращаясь неизвестно к кому. — Что он имел в виду?

Повисла напряженная пауза.

— Знаешь, адептка, — тихо произнесла женщина, поднимаясь с места. — Я не думаю, что что-то может помочь, кроме как чудо, например, любви. Но жизнь — не сказка. Останься здесь, я постараюсь связаться с кем-то из драконов. И... Просто будь рядом. Ты ведь его истинная.

Через минуту после ее ухода я расплакалась.

Было чудовищно жаль. Жаль Шайкана, жаль, что так и не сказала ему правду о своих чувствах — ведь теперь-то я разобралась, теперь, когда сидела в истерике, знала ответы на его вопросы! И страшно. Я не могла даже предположить, что дракон может быть... Уязвим. Что его жизнь может быть в серьезной опасности.

— Шайкан, пожалуйста, скажите, что я должна сделать? Что я могу для вас сделать, мой лорд? — Всхлипывая, коснулась его лба, убирая прилипшую белую прядь.

Мои вопросы остались без ответа.

Тогда я закрыла глаза. Алый клубок бурлящих эмоций нашла безошибочно, нить чувства, в котором больше не сомневалась, потянула резко, уверенно. Моя магия алыми багровыми всполохами снова висела в воздухе, но теперь я знала, как ее контролировать. Он хороший учитель.

«Чудо любви», — сказала мне целительница. И я вложила в это чудо всю любовь, которая у меня была. И она была. Конечно была!..

Мои сияющие заклятьем ладони легли ему на грудь, давя со всем отчаянием, что давило на меня. Тело Шайкана пронзила резкая судорога, губы сжались... Ничего не произошло.

Безответный поцелуй снова был уже привычно горьким от моих слез.

Тем вечером дракона забрали приехавшие стражи. На мой крик, почему их не было рядом, Дайшес, взлетая последним, был единственным, кто не сбежал, избегая взгляда. Как выяснилось, на время, пока Шайкан был в академии, они были отстранены от задания. Так сказать отпуск. Все сложилось слишком неудачно и совсем случайно...

Арину отпустили уже вечером. Она долго плакалась мне в плечо, но на вопрос об изоляторе ответила, что порталом пришел следователь из столицы с полномочиями, чтобы просмотреть ее память. Шайкан был справедлив, мне стоило это выучить и перестать видеть в нем монстра.

Но завтра утром мои стражи прилетели снова. Без лорда, с сообщением.

Мой дракон умер той же ночью.

Часть семнадцатая

Прошлое, настоящее и будущее, которого нет(1)

— Вы действительно не знаете, что мне подарить? — недоверчиво спросила я и от удивления, забывшись, даже вскинула на него глаза. А я, между прочим, этого не делала этого с тех пор, как случилось признание... Гм... Признание, в общем. Незамеченным мое поведение, естественно, быть не могло и последние десять дней наши отношения можно было назвать «Операция: выманить зайца из норы». И вот сегодня я наконец повелась на морковь, попалась.

Потому что, стоило нашим взглядам пересечься, и сбежать от этого я уже не могла. Меня смутила саркастичная насмешка на его лице, но уткнуться обратно в стол, за которым сидела перед преподавательским местом в пустой аудитории, где у нас проходило очередное стимулирующее во вторник, почти физическая сила не позволила. Чья эта сила, уточнять было не нужно.

«Какая честь наконец увидеть твои чудные глазки», — мурлыкнул в моей голове ехидный голос. Вот опять или я сходила с ума, или дракон в моей просторной голове.

От услышанного я, однако, неожиданно нахохрилась, и подбородок взлетел вызывающе выше. Глупо это было, но трусихой я чувствовать себя окончательно не желала.

— Маленькая моя, — тем временем вслух бархатно рассмеялся дракон, и меня аж передернуло. Сколько раз с рокового события я просила его не называть меня так! Так он меня и послушал. Да ему вообще нравилось мое возмущение, и особым удовольствием Шайкана стало подкрадываться сзади в моменты, когда я меньше всего была готова, обнимать за талию и шептать это противное обзывательство с нежностью мне на ухо, заставляя краснеть сразу и от стыда, и от негодования. Благо, хоть на публике не позволял себе ничего больше, чем преподавателю. — Знаешь, я, может, и совершенство природы, всемогущий и все такое, но даже я не могу после девяти лет оригинальных даров девочке, у которой есть все, знать точно, что же ты хочешь. С возрастом наши желания не то, чтобы уменьшались, они серьезно усложняются. Для меня нет ничего невозможного, но я опасуюсь не угодить тебе, Мария. Если десятилетняя леди пришла в восторг из-за украшения на волосы, а четырнадцатилетний подросток от вида белой лошади принца из сказки, то ты сама не знаешь собственных желаний. О пресности в последнее время ты жалуешься всем — подруге, дневнику, только мне, так что я должен сделать, чтобы не было пресно?

— Лорд Шайкан, — тихо произнесла я, зацепившись за одну-единственную фразу из речи, остальная часть которой сразу померкла в значительности. — Вы что... Читали мой дневник?!

Архимаг даже не поморщился.

— А ты всерьез думала, что я мысли твои подслушиваю? — Невозмутимый, как... Демон, как затвердевший намертво кусок хлеба, он ухмыльнулся. — Увы, пока я не настолько всемогущ. Мария? О, перестает, не обижайся, маленькая, не расстраивайся же, прости.

Мое гневное пыхтение сменилось жалобным (жалко было себя ужасно) всхлипом.

— Ненавижу вас, — плаксиво пробормотала я, шмыгая носом.

Он обнял. Долго уверял, что понимает мои чувства и жалеет, уговаривал, что это всего лишь для безопасности, просто чтобы контролировать мое психологическое здоровье... От таких «утешений» стало еще хуже.

Лишнее напоминание о том, что этот мужчина контролировал в моей жизни без исключения ВСЕ.

* * *

— Шоколад!

Неожиданная реплика разбила возникшую в аудитории тишину как молоток хрусталь, и звонкие мириады осколков посыпались на кафедру. В меня резко вперились изумленные глаза, черные, как самая глубокая бездна — но холод, который я испытывала раньше, встречаясь с ними, давно исчез. Он сменился привычным теплом легкого румянца на щеках.

— Шоколад? — Недоуменно переспросил дракон, отодвигая от себя бумаги на преподавательском столе, которые разбирал во время того, как я делала данные моим личным репетитором задания.

На моих устах робко расцвела улыбка.

— Вы просили подумать над подарком.

— Четыре дня назад, — уточнил он, иронично вскидывая бровь. — Как я помню, ты отказалась. Что там это было? «Ненавижу вашу эту абсурдную власть, ненавижу вас, я сама куплю себе, что хочу!» — Закатив глаза, передразнил он меня и насмешливо улыбнулся в ответ.

Смущенно пожала плечами. Четыре дня назад я была обижена и вообще не разговаривала с ним. А сейчас...

— Подарите мне на девятнадцатилетние вампирский шоколад, — с виноватым вздохом повторила я, потупившись. — Пожалуйста, Шайкан.

Мне не ответили. Но через минуту сильные руки легли хозяйским привычным движением на талию и притянули к себе, а за нескромными поцелуем как-то и вовсе забылось все. Я начинала привыкать...

В будущем я еще поняла, что просить у дракона маленькую услугу — значит быть готовой к неожиданностям вроде громких фейерверков на все королевство вместо бенгальского огонька или личного оркестра вместо серенады под окном.

В общем, мне подарили вампирский, а значит безумно дорогой, шоколад. Шоколад в коробках, шоколад в карете, шоколадные торты горками на полу моей переполненной этим деликатесом комнаты, шоколадный пудинг на столе, шоколадная скульптура, изображающая пару в неприличной позе. И пара подозрительно напоминала по чертам меня и непосредственно моего истинного.

Это было целое шоколадное состояние, демоны его пожрали б.

— Вы серьезно? — выдохнула я, растерянно оглядываясь. Единственное, что осталось свободным в моей новой, некогда просторной спальне — ложе. И то, белье было шоколадной расцветки.

Находившийся за моей спиной мужчина, только что снявший шелковую повязку с моих глаз, тихонько хмыкнул, смешком пощекотав мне затылок.

— Тебе нравится, именинница? — И широкие ладони легли на мои плечи. Язык не поворачивался сказать «нет» или что-то повыразительнее, так что я обреченно кивнула.

Тогда меня аккуратненько развернули, указательным пальцем с острым когтем (даже в человеческой форме он зачем-то оставлял себе эти штуки) приподняли подбородок, вынуждая смотреть в его лицо, и улынулись так, что сердце неволей пропустило удар.

— А теперь мы можем перейти к главному подарку, да, моя прелесть? — Обволакивающий, чарующий голос с низкими, чуть вибрирующими переливами...

Сердце пропустило удар.

— К-какому подарку?

Он поцеловал. Решительно, стремительно, и меня будто затянули в страстный смерч — опасный, смертельно опасно, уничтожающий любые препятствия на своем пути и безвозвратно утягивающий меня куда-то далеко в свои владения. И я поняла, что от «подарка» не отвертеться и более того — он был желанен.

— Это скорее подарок для вас, — стараясь отдышаться после того, как он наконец отстранился, проворчала я в безуспешной попытке скрыть дрожь волнение в голосе.

И пискнула от неожиданности, оказавшись бесцеремонно подхваченной на рук и унесенной предсказуемо в кровать.

— Уверяю, для тебя не менее приятный, — вкрадчиво заверил мужчина, на миг застыв надомной. Я смущенно повернула голову, не зная, куда сбежать от него, распластанная на постели.

Его губы впились в мою шею, беззащитно открытую в высокой прическе, вырывая вздох. Странная жаркая истома охватила тело, мешала мельтешащим в панике мыслям, и мои руки инстинктивно уперлись в грудь дракона, а глаза зажмурились до боли плотно.

— Страшно, Мар-риа? — В тоне мелькнули зверино-рычащие, но совершенно не агрессивные нотки. — Посмотри на меня.

Почему-то подчинилась.

— А теперь? — уже мягче поинтересовался он.

Я смотрела в красивое лицо лорда, обрамленное белым водопадом длинных волос, которые он часто собирал в косу. Лицо, совсем не так давно ненавистное. Лицо того, кого боится большая часть страны, кто испортил мне детство, юность, забрал первую любовь и душил (до сих пор продолжает) своим проклятым контролем. Как давно все так перевернулось? Как давно обида, ярость, сковывающий страх сменился приятным волнением и непонятным ноющим чувством в низу живота? С каких пор его прикосновения и поцелуи сносят крышу, с каких пор прикоснуться к нему так желанно, а голос заставляет краснеть и послушно лхнуть к его поцелуям?

Может быть, это и есть то, что должно быть в истинной паре? Это ли действительно... любовь.

— Не страшно, — тихо произнесла я, не солгав ни словом.

И грозный дракон на ночь превратился в нежного мужчину.

* * *

В последние ночи мне часто снились кошмары. Живые, беспокойные, темные, они неизменно приходили после долгих попыток уснуть под грузом давящих мыслей. В них, во снах, горько-сладких, исполнялись мои несбыточные надежды. И в главной роли, конечно же, всегда он. В надежде оттянуть наплыв видений с эмоциональным, ярким и реалистичным до криков по пробуждению происходящим, я часто отвлекалась собственными воспоминаниями, думала о том, как все начиналось. Как могла моя красивая сказка об истинных чувствах и высоких метаниях закончиться так резко, слезами и трауром? Мне казалось, что ошибка где-то далеко в прошлом, там, где история брала свое начало.

Можно ли что-нибудь изменить в памяти? Нет, конечно, нельзя. Но, обдумывая прошлое, можно изменить настоящее. Так он сказал однажды, во время лекции. И часто сомневаться в его правоте не приходилось.

Однако мое прошлое слишком часто перемешивалось с настоящим и будущим... Тем будущим, могло, но так и не наступило. Ночью это были видения нежных сцен, где он остался бы жив. А днем...

Он рядом. Неуловимой тенью за спиной, легким дуновением ветра, отголоском ироничного смеха, едва ощутимым нежным касанием и щекотным поцелуем. Каждый раз, лихорадочно оборачиваясь, я ожидаемо встречалась с пустотой, вновь и вновь находя себя в звонком одиночестве на грани безумия... Лишь тихим эхом звучал за невидимой чертой приглушенный смех. Я слышала шепот над ухом, знакомое до боли, насмешливо-протяжное «Ма-ара, моя Ма-ара». Я кричала, меня почти выворачивало — но он не отступал. Здесь, близко и далеко. Он сводил меня с ума в самом буквальном смысле. Его имя преследовало меня навязчивым звоном, становилось все громче и громче, отчетливее и гневнее с момента, как я сбежала...

А сбежала я из Академии через неделю после того, как начался мой траур. Не смогла выдержать. Стены учебного заведения стали давить на меня пыткой воспоминаний, но даже покинув их, я не избавилась от мук памяти. Поэтому я покинула и родительский дом, сбегая от снова знакомых мест. Вина, сожаление и чувство недосказанности — это было лишь частью того, что причиняло мне боль. Я была его истинной, он частью его души. И он владел мной... Моим сердцем. Часть его словно вырвали у меня из груди.

Папа помог мне обмануть стражей. Я добралась до порта и покинула берег незаконно, на грузовой корабле, который должен был привезти меня в Вилладу. Уже в тот солнечный день,

стоя на борту плывущего судна и рассматривая горизонт, где только-только затерялся в тумане берег, я почувствовала что-то странное.

«Ма-ара», — тихий шелест над ухом, знакомое, пока еще совсем неразборчивое. Позже я начала считать, что это сокращение от «Мариа», но потом поняла, что это неизвестный мне язык и обращение. Что оно значило — я даже не догадывалась.

Тогда, замерев и старательно прислушиваясь к ветру, я так увлеклась, что не сразу заметила, как и в реальности меня позвали по имени. А когда ощутила прикосновение к плечу и испуганно обернулась, то обомлела.

Болезненно знакомые глаза. Их цвет как будто заменял небо, что чистым сине-голубым оттенком отражалось на волнистой глади воды. И шум моря, крики чаек и членов корабля отступили на второй план, потому что в моей голове судорожно пролетали картинки. Молодой лорд, что танцевал со мной на балу. Загадочный незнакомец, круживший в страстном вихре на студенческом вечере. Ринталион Эльдашс, вампирский посол, поплатившийся за мою ошибку.

Дракон не обманул. Моя первая влюбленность не погибла, она, вернее, он стоял передо мной, тактично отступив на шаг. Эти губы, которые я безошибочно узнала, улыбались мне так, что ни на миг не возникло сомнений: встреча не была случайной.

Часть семнадцатая

Прошлое, настоящее и будущее, которого нет(2)

— Я ведь обещал, что найду, миледи, — добродушно хмыкнул он. — Не желаете познакомиться?

— Ринталион Эльдашс, — растерянно прошептала я.

— Мариабелла Аймит, — не остался в долгу он.

Некоторое время спустя мы были в его каюте. Он налил чаю. Почему-то мысли о неприличности приглашения мужчины к нему у меня даже не возникло. Опасений вампир не вызывал вообще. Если, глядя на него, меня и охватывали эмоции, то они были не отрицательные, а весьма даже наоборот. Да, чувства были смешанные. С одной стороны, он был всего лишь еще одни второстепенным героем из прошлого, а с другой... Я была в него влюблена. По-дурацки, по-подростковому влюблена. Не так, как у меня слабели от страха и постыдного возбуждения коленки от близости дракона, а так... Нежно, чисто. Менее всего на свете после того, что пережила за последние недели, я ожидала, что какие-то чувства напомнят о себе знать даже сейчас, когда все так сильно поменялось, так много прошло.

Поджарый юноша сильно окреп и стал выше меня на целую голову. По сравнению с Шайканом, Ринталион был более изящного телосложения, более худощавого. Однако и в нем отчетливо ощущались мужественность, надежность и энергия, которую он контролировал.

Забытые боги, неужели все мужчины в моей жизни обладали этой яркой особенностью дикого контроля? Но уж этому я не позволяю контролировать мою судьбу. Он, впрочем, все-таки тем и отличался, что казался намного... Мягче. Я была уверена, что, если сейчас развернусь и пойду на выход, мне не будут мешать, и только поэтому спокойно сидела на прикрепленном намертво к полу кресле.

— Они пригрозили жизнью моей сестры, — тихо начал он, нарушая бархатную тишину помещения. — Я не смог рискнуть, Мариабелла... Белла, Белль, я могу звать вас так?

Мне не понравилось, как это звучало, ведь до этого как меня только ни сокращали, только не так. И только запоздало возникшая мысль о том, что вот я и сменю заодно свое имя, остановило от отказа.

— Я покинул страну и еще на год, как мне и приказали, залег на дно. Мою сестру вернули домой, как и обещали, и я почти расслабился, поверил в их честность, но через семь месяцев... Я узнал о том, что ее забрали замуж. Выкрали, точнее. Потом прислали откуп семье в качестве морального возмещения, и даже разрешили ей пару раз навестить родителей. Я узнал, что ее муж — один из НИХ, и я думал, что они так мстили... А когда вернулся домой и попытался что-то сделать... Больше сестра не навещала нас. Мы могли видеть ее только на редких

светских вечерах, ведь ОНО было важной шишкой. Впрочем, они все, — он усмехнулся. — А ваш...

Ненависть. Лютая, леденящая ненависть горела неожиданным контрастом в голубых омутах его глаз. Я даже вздрогнула от того, с какой яростью от выплюнул намек на Шайкана. Вдруг стало не по себе, и расслабленности между нами уже и близко не было.

— Но я не забывал о вас, Бель, — он резко выдохнул, виновато смягчаясь. Я сделала нервный глоток, вспомнив о чае, и Ринталион, заметив это, пододвинул чашу со сладостями. И хорошо, что я отпила и отставила чашку до того, как услышала следующее заявление: — Ведь вы моя истинная.

* * *

— Знаешь, я начинаю подозревать, что ты перестала понимать, как все устроено, — он рычал. Никак иначе этот низкий, рокошущий голос, пожалуй, назвать было нельзя.

— Перестаньте, — напряженно ответила я, невзначай отшатнувшись от очень, очень сейчас злого мужчины. Только вот то, на что он злился... Я все не могла поверить в то, что, после того, что я пережила, он вместо успокаивания начал самую настоящую сцену ревности. Впрочем, была и хорошая сторона неожиданно отвратительному поведению дракона: шок сошел безболезненно и слезы высохли, не успев даже показаться. — Ничего ведь не было!

— Ничего, говоришь? — усмехнулся он, делая в свою очередь шаг ко мне. А я — назад. — А на руки он тебя поднял из ничего, от нечего делать?

— Мне стало плохо! — воскликнула я. И снова шаг в нашем безмолвном танго. Спиной чувствую, что в любой момент мое тактическое отступление придется закончить, потому что комната небольшая, а стены твердые.

— Я был в двух шагах, а падать моя леди в беде почему-то решила не своему лорду в объятья, а какому-то мальчишке?

— Да вы сошли с ума, он просто меня придержал, он хотел...

— Так я тоже хочу. — Черные глаза опасно прищурились. — Что ж, позволь и я... Придержу.

Властные руки легли, нет, прильнули к моей талии, и я задохнулась от стальной хватки, прижатая вплотную к холодной опоре. Он медленно наклонился к моему лицу, и одна рука опустилась ниже колена, поддела низ платья.

— Не здесь, — выдохнула я, жмурясь.

— Как пожелаешь, — ответили мне смешком.

И я отчетливо ощутила, даже сквозь плотно сомкнутые веки, белый свет уже знакомого портала. Куда, правда, на этот раз он решил меня забросить или, как в день с полетом,

сбросить — понятия не имела. Когда же открыла глаза, падая спиной на мягкий матрас, в ближайшие пару часов стало не до разглядывания обстановки.

Это только на утро, проснувшись в одиночестве, выпив для бодрости воды в со столика и обнаружив записку, я поняла всю проблему собственной беспечности.

«Посиди в башне в наказание, моя принцесса-детектив. Один день настоящего заточения тебе пойдет на пользу».

Я бросилась к окну огромного круглого помещения и в отчаянии посмотрев на открывающийся вид скал и моря далеко внизу. Сполна насладившись пейзажем, в глухой ярости осознала: дракон просто искал повод и устроил наигранный обманный маневр с глупой ревностью. Мое расследование, устроенное с целью соединить воедино все улики покушений, сегодня оборвалось, едва же я только-только нашла настоящий след.

Вспомнив, я бросилась к платью, нащупывая левый карман. Пусто. Бумажка, оставленная застанным мной в злосчастном коридоре шпионом, сражаясь за которую я получила неслабый энергетический волновой удар, пропала, а я даже не успела разобрать, что там.

— Несправедливо! — вздохнула я, тоскливо глядя через решетки окна. Потом горько шмыгнула носом, встала и закрыла ставни.

Ревность, как же. Стоило бы понять, что эта ледяная чешуйчатая глыба не испытывает смертных слабостей. Интересно, он действительно злился когда-то на того, кому я отдала первый поцелуй, или наказал нас только из-за задетой чести?

* * *

Пробуждение сопровождалось бешено колотящимся сердцем, сбившимся дыханием и четким осознанием, что с моим жизнью явно что-то не так.

В каюте господствовал хмурый полумрак, и только повернув голову влево и подняв голову, под потолком можно было увидеть узкую полоску света, пробивающуюся через окно с верхней палубы. В остальном же, в виду звукоизоляции, не позволяющей воплям матросов и шагам с потолка, по утрам было сложно понять, какое это время суток.

Эти сны сводили меня с ума. Слишком живые, слишком настоящие, они смешивались с реальностью. Странно было еще, что я все равно высыпалась, и пока весь этот кошмар вредил разве что моему психическому, но не физическому здоровью. Берегли меня, видимо.

Мне было невыносимо тяжело носить траур, хоть черных одежд я и не надевала. И не только потому, что меня грызли переживания, раздумья, колебания, хотя мысли о том, что я не сделала чего-то, что могло его спасти, тоже составляли немалую часть моральной пытки. Вдобавок к собственным терзаниям, не знаю, связано ли это между собой или месть за все, дракон не оставил меня в покое даже после своего... Ухода. Его образ, возможно, дух преследовал меня везде, и я всерьез начинала задумываться: а что, если те сцены с ним — явь, а вот эти мои приключения — лишь извращенные кошмары?

Несмотря на то, что я, слишком уставшая от продолжающейся эмоциональной встряски, довольно спокойно отнеслась к встрече с буквально воскресшей персоне из детства, слова Ринталиона спокойствие снесли как ураганом.

Возможно ли было, когда истинная оказывалась таковой не для одного, а для нескольких?

Впрочем, нет, неправильный вопрос. Кто из них, в этом случае, был истинным для нее? Потому что у меня были слишком разные чувства к обоим. В одного я влюбилась с первого, как говорится, взгляда, но это было так давно. А второго, кажется, даже не смогу забыть посмертно.

И все это было настолько омерзительно неподходящим для момента, что мне становилось тошно. Я выплакала слез больше, чем за всю жизнь, меня доводил до безумия мир снов и разгоралась паранойя. Я почти готова была все-таки возненавидеть вампира за то, что он добавил мне проблем. И зачем, за что так со мной? Поздоровался бы, поговорил, мирно бы вспомнили прошлое и забыли. Почему нельзя все упрощать, почему нужно добавлять мне поводов для нервного срыва?

После того, как вчерашним днем под аргументом «мне нужно время, чтобы переварить», я сбежала к себе, да еще и опечатала дверь магией на всякий случай, а потом просто проспала все оставшиеся сутки (что тоже считалось за отдельный внутренний побег в своих видениях), выходить из своего убежища не хотелось. У меня было с собой несколько книг на время плавания, как ни иронично, все они были про плавание и две — про крушение. Наверное, я была вполне способна действительно просидеть все оставшиеся дни у себя, но, пропустив обед и ужин, мой желудок категорически не согласился со страдающим сердцем.

Как ни странно, за дверью никто не сидел, поджидая. И на меня, параноидно оглядывающуюся по сторонам, так и не напали с требованием говорить. Это была моя первая трапеза на корабле, так что я немного заблудилась, вся покрылась холодными мурашками от тяжелых взглядов, бросаемых на меня мужчинами (из-за этого заставить себя подойти к кому-то и спросить путь стало невозможно), но в конце концов нашла столовую. Не подумала я о том, что буду единственной леди, да вообще женщиной среди огромного экипажа.

В итоге я села на самый дальний столик, один из тех, что стояли отдельно от столов, и стала ждать прислугу. Словила несколько смешков, прежде чем заметила, что все с подносами идут САМИ. Стоило признать, столовая академии и столовая корабля имели разительные отличия в своем значении вообще.

Мне стало настолько стыдно из-за своей некоторой глупости и абсолютного простыми невладения навыками, гм, выживания, что есть перестало. Я уже почти собралась было встать и уйти, как тут на стол опустился поднос с едой.

А потом напротив меня сел, одарив снисходительной усмешкой, единственный в свою очередь лорд на корабле.

— Вы не знаете, что особым гостям тут приносят еду в каюту, Бель? — серьезно спросил он меня.

— И вам доброе утро, — мрачно ответила я, отрицательно мотнув головой. — Спасибо...

Я опустила взгляд на свои тарелки. Слава забытым богам, еда казалась вполне съедобной, а посуда схожей по качеству с той, к которой я привыкла в студенчестве своем недолгом.

— Это из того сервиса, который подают капитану, — пояснил Ринталион, а затем совсем как-то не аристократически подпер локтем подбородок и... Смотрел. Выжидательно так.

Сегодня у него явно было хорошее настроение; вчера испугавшие меня желчь, пламенная ненависть исчезли с невозмутимого лица вампира. Кстати, клыки у него были видны только при улыбке, а улыбался он сейчас много. Это не напрягало, скорее, было интересно. Но от насмешки мне становилось еще более неловко.

— А кровь вы тоже капитана пьете? — брякнула я, хмурясь.

Но он не оскорбился. Наоборот, развеселился еще сильнее.

— Предпочитаю чистородных девственниц.

Я покраснела, смущенная и возмущенная, дальше на него глаз не поднимала. В конце концов, я была голодна. К чести Ринталиона, он мешать не стал и, в свою очередь, пожелав приятного аппетита, вежливо отвернулся в другую сторону, чтобы не буравить меня взглядом.

Вампир, на удивление, оказался гораздо тактичнее, чем я могла опасаться. После того, как я доела, мы встали и вышли, и больше на меня никто не косился. Даже не так, отводили судорожно глаза и расступались перед нашей парой; я опять была под надежной защитой. Как только этому мужчине удавалось так просто располагать к себе? Вызывать доверие и отгонять от меня холод одиночества одним лишь прикосновением? Опять.

У меня не мелькнуло и мысли отобрать свою руку из его мягкой хватки. Он не засыпал меня вопросами и требованиями, лишь тихонько спросил, не хочу ли я вновь чаю, отказать чему я посчитала невежливым. Вопреки всем ожиданиям вновь, он даже не собирался поднимать тему вчерашнего заявления.

Время шло быстрее, чем хотелось бы. До самого последнего момента между нами так и не произошло того самого разговора. Это было верным хитрым ходом. Вместо того, чтобы

убеждать меня в истинности своих чувств, он дал мне самой понять, что между нами нездоровая связь.

Но чем больше я о ней думала, тем хуже мне было ночью, потому что ставшие вдруг невыносимо жаркими, страстными и слишком яркими сны начали утомлять уже и физически. К этому примешивался стыд за странные фантазии моей больной от горя головы и ломящее тело. Кажется, моему организму не нравилось то стремительное сближение, что происходило у меня с вампиром.

Постепенно я с ним согласилась. Пора было прекращать идти на грабли.

Часть восемнадцатая Вампирская жизнь

— Мой ответ окончательный, лорд Эльдашс.

— Рин. И подумайте еще.

— Лорд Эльдашс, — я намеренно сделала упрямый яркий акцент на официальность, — я думала много.

— Рин, — он остался все так же спокоен. — Возможно, недостаточно много.

— Не навязывайте мне свое мнение, вы не имеете право.

— Я имею право на шанс.

— Лорд...

— Рин.

— У вас странное имя, мне не нравится! — не выдержала я этой бессмысленно бесконечной перепалки и раздраженно отступила на шаг назад, едва не споткнувшись о собственный багаж. Нет, второго властолюбивого истинного я просто не пережила бы, а мне еще так хотелось пожить.

Главная пристань Валады отличалась от тех масштабов, что представлял собой торговый порт Валенсии. Место, откуда отбыло привезшее нас судно, не было предназначено для подобных мне пассажиров. Аристократы, отправляющиеся из Белой Империи в путешествия, садились на корабли с прекрасной набережной. У меня же остались неприятные впечатления о тошнотворном запахе рыбы, криках, спешке и толкучке — а все потому, что я отправлялась, как-никак, в бега, и вместо должного, роскошного и со всеми удобствами, меня принял грузовой корабль. Ринталион, кстати, оказался со мной не случайно, в чем честно признался. Следил.

Почти пяти суток совместного плавания мне хватило, чтобы понять, что Ринталион не так прост, как казался. В его небесно-голубого цвета глазах мелькала жгучая решительность и сила. А еще, иногда я видела невзначай то, что мне больше всего не нравилось затрагивать, и когда он начал замечать, что я не одобряю поливание дракона ненавистью, она усилилась.

Я знала, что дракона ненавидели почти все, кто уважал. Уважали как раз все, так что ненависть была очень частым приложением. Даже понимала, что не за просто так, и что благородно-радушная сторона заботливого контролера — лишь малая часть того, что он показывал мне. Вполне вероятно было, что он относился к злодеям этого мира, но только не моей сказке, нет.

Несмотря ни на что, я не могла его предать еще и посмертно. Только не после всего, что пережила и что продолжала переживать в, будь они прокляты, снах.

О чем я? Ах да, крохотная пристань, на которую я спустилась одной из первых с борта, выглядела изумительной смесью простоты, аккуратности и живописного изящества. Рыбу вампиры не ловили вообще, так что аромат витал исключительно цветочный. Виднеющиеся чуть дальше жилые улицы выглядели сошедшими с милейшей картинки, картонными — настолько они были идеальны. Чистота и опрятность, неуловимый уют и добродушие жителей. Широкая, тянущаяся вперед мостовая, утопающая в ярких цветах — цветы здесь очень любили, ни одного балкона без растущих на них растений не было.

До глубины души поражало то, насколько спокойно и тихо здесь было. Единственный более-менее выбивающийся шум издавали моряки, выгружавшие товар. Я, конечно, слышала о том, что вампиры предпочитают затворнический образ жизни, но, глядя на малолюдные улицы, где гуляющих прохожих да проезжающие автокары едва ли можно было охарактеризовать толпой,

не могла не удивляться. О, Валада оказалась идеально подходящим моему психическому состоянию в данный момент местом. Пару лет назад, попади сюда, сказала бы, что сойду с ума от скуки, но сейчас, стоя посреди дороги в споре с Ринталионом, я чувствовала радостное предвкушение. Этот городок был лучшей лечебницей для моей души.

И только факт того, что вампир нагло преградил мне путь к нанятому экипажу, приносило разлад в мои светлые ощущения — за спиной Ринталиона терпеливо ждал добродушный юноша, которому он упорно не давал забрать чемоданы. Меня настолько стала раздражать настырность вампира, что я даже нагрубила ему, хотя имя «Рин» вовсе не вызывало во мне такого уж отторжения.

— Белль, я не хочу вас лишиться снова, — ничуть не обидевшись, вздохнул он и медленно покачал головой, словно договариваясь о чем-то с собой. — Пожалуйста, позвольте мне хотя бы довести вас самому.

Он кивнул на карету справа от нас. Дорогую, со знаком принадлежности аристократическому роду Эльдашс.

Я с сомнением прикусила губу. Довезет меня до снятого отцом дома — будет знать, где я живу, может попроситься ко мне, будет доставать сегодня вечером еще. И надо оно мне?

Впрочем, откажи я, и неужели он не проследит так, не найдет завтра? Я уже поняла, что от второго «истинного» отвязаться, хоть и наверняка легче, чем от дракона, но уж точно не так просто. А ведь я даже не была уверена, что он воспринимался мной как-то иначе, чем сумасшедший призрак прошлого, и если и есть к нему приязнь, есть некий в нем шарм... То это всего лишь гормоны бушуют от нервов, так бывает. Ничего сверхъестественного.

Уж больно много чувств я отдавала всему тому, что было связано с Шайканом. Казалось, теперь меня попросту не хватит больше ни на что. Не было во мне никого желания принимать кольцо Ринталиона и становиться его женой, пытаться, насилуя себя, спешно забыть обо всех трагедиях, постараться перетерпеть видения и галлюцинации как просто последствия психического потрясения.

— Нет, — тихо, но твердо сказала я, в конце концов рассудив: что будь, что будет, но на повторение романтических испытаний меня не хватит, истинный он или кто. Хватит с меня. — Лорд Эльдашс, дело не в вас. Дело в том, что я больше не могу. Я приехала сюда в поисках освобождения. От всего. Я больше не хочу контроля над собой, над своими чувствами, я ничего не хочу. И, знаете... Вы достаточно взрослый для того, чтобы перестать верить в сказки об истинных.

«К тому же такие сказки кончаются плохо», — горько подумала я, обходя по дуге мое живое хмурающееся препятствие и ставя тем самым точку между нами. Он не мешал, милостиво оставил в покое. Мне хотелось верить, что навсегда.

Дорога до места моего нового жительства волшебным образом сумела временно, но выветрить из моей головы болезненные переживания, и вызвать во мне волну поднимающегося по мере движения восторга. Она была недолгой, однако я все равно успела настолько вдохновиться видом забавных порой вывесок, очаровательных с виду магазинчиков, кафе и витрин со странной, немного устаревшей по меркам человека, и в то же время усовершенствованной модой вампиров, что внезапно для себя приняла твердое решение тоже обязательно внести вклад во всю эту красоту.

Город, называющийся Радушей, принял меня именно так радушно, как и звучало его имя.

Первые дни я проводила, собираясь с силами и отдыхая в своем восхитительно милым коттедже, постепенно привыкая к тому, что единственная прислуга здесь у меня имела в виде одной лишь болтливой экономки. Позже, словив темп своей новой жизни, решила взяться за реализацию идеи с устройством чего-нибудь в духе тех симпатичных заведений, так мне понравившихся по приезду. В итоге, подсчитав финансы для стартового вклада и физические возможности, я пришла к выводу, что раз я все-таки маг, то вполне могу пойти по стопам отца и заниматься легкими, наполовину игрушечными артефактами. В ювелирное дело, разумеется, лезть не стала, и работа заключалась в том, что я скупала готовые украшения и зачаровывала их, прибавляя цену. Все-таки несмотря на то, что папа обеспечил крупной суммой на проживание и обещал организовывать тайные переводы так, чтобы никто не заметил, мне не хотелось зависеть только от этого. Если я желала полной свободы, то должна была брать на себя и ответственность.

Часть восемнадцатая
Вампирская жизнь(2)

Выкупленный дом был довольно большим, особенно для проживания в одиночестве. Во всяком случае, от того, что здесь зачем-то был огромный зал и три гостевые на первом этаже, я чувствовала это одиночество только острее и горче. Поэтому моей замечательной задумкой для первого шага стало сделать из зала магазин. Коттедж находился как раз на центральной площади. Правда, не прямо на ней, а за одним из тех зданий, что стояли по бокам главной мостовой. Я повесила табличку с указанием несложного пути через арку к своей загадочной магической лавке, оплатила распространение информации. Меньше, чем через месяц заготовки, магазин «Драконье сокровище» был готов. Я возилась с документацией, осваивалась в округе и наладила если не личные, то хотя бы деловые отношения, как, например, с мастером Джерстаром, предложившим договор на изготовление отдельных для меня вещи. Иногда я вспоминала о Ринталионе, но он так и не дал о себе знать. «Тем лучше» — заставляла себя думать я. Для привязанностей слишком рано, ведь последствия прошлой до сих пор не перестали болеть. И даже наоборот, но эту сторону своей новой жизни я старалась не сильно затрагивать лишний раз.

В ночь перед торжественным открытием я не знала, куда себя девать от волнения.

— Давайте я все-таки приготовлю вам сонное молоко. — Госпожа Ирида, тоже нервничающая (с ее помощью было сделано не менее половины всей работы — местная вампириша знала все о здешних порядках), не выдержала моих протяжных вздохов. Я перевела виноватый взгляд от окна к завозившейся с кухонной утварью экономке и не стала возражать. Заодно, может, благодаря ее средству мне не будет ничего сниться, вдруг повезет?

Стоило подумать о снах и их хозяине, как внезапно шею коснулся еле уловимый порыв прохладного дуновения. Будто чье-то дыхание...

Вздрагнув, я инстинктивно оглянулась и перекинула косу на ту сторону, прикрывая чувствительную оголенную кожу. Я сидела рядом с окном, но в том, что в этой комнате не продувает и ветру сюда хода нет, была полная уверенность.

«Когда же ты от меня отстанешь», — с отчаянием обратилась я к призраку в мыслях, горько хмыкнув себе под нос.

Тень в том углу слишком большая, часы тикают ужасно громко, и непонятно, то ли это шумела госпожа Ирида, то ли мне действительно послышался тихий смех в ответ.

* * *

— Иногда мне хочется попросить вас просто исчезнуть, — устало прошептала я, не отрывая взгляда от книги в чуть дрожащих руках. В последнее время на меня, бывало, нападало что-то вроде хандры. Становилось холодно, немного не по себе.

Но в спальне дракона, на самом деле было очень тепло, и я понимала, что дело не во внешней среде. Тепло здесь причем давало не просто красноватое пламя камина, прогревающего прохладной ночью эти стены, а на другом уровне, уюта и родной привычки. Наши вечерние посиделки, постепенно ставшие почти регулярными, стали для меня одновременно самой ожидаемой в течении дня вещью, и так же пугающей, потому что не раз я оставалась ночевать, а... Я до сих пор смущалась. Соседка по комнате давно пришла к выводу, что я тайно имею отношения с кем-то из адептов, однако, один раз невзначай спросив об этом, настаивать и оспаривать мой смущенный отказ не стала и только понятиливо-отстраненно улыбнулась.

Как это часто было, я читала учебник, а он занимался разбором бумаг. Иногда он отвлекался, чтобы разъяснить мне что-то из непонятого. Такой была наша идиллия. Так что же не давало мне покоя?

Тут я почувствовала властные касания его рук к своим плечам, чуть массирующие, расслабляющие.

— Почему?

Я вздохнула и отложила книжку. Посмотреть ему в глаза, все так же трудно, но уже знаю, что иначе мне помогут, подденут когтем подбородок или опустятся ниже. Глаза дракона, без малейшего проблеска отражения камина, черные, как ночи в академии, что стали почти беззвездными из-за туманного с недавних пор, укрепленного купола.

Как объяснить ему эту внезапную тяготу? Беспричинную, просто их разнообразия, наверное.

— Я не знаю, это просто мучает меня, — я чуть поежилась и, качнув головой, подалась сама в родные уже объятья. Что же это за странная, горькая... Тоска? — Но оно проходит, мой лорд. Потом мне, наоборот, хочется так крепко вас обнять, чтобы вы никогда меня не покидали. Как будто я скучаю по вам здесь, даже в вашем присутствии. И правда, почему?

Руки переместились с плеч на талию и чуть сжали; я услышала тихий, тяжелый вздох. Только никак не смогла понять, снисходительность в нем или... Или что-то вроде невеселой насмешки?

— Я рядом с тобой, Мариа. Я рядом до тех пор, пока знаю, что нужен тебе.

Часть девятнадцатая О рабочих буднях

Долгожданное утро порадовало ярким весенним солнцем и воодушевляющей симфонией птиц за окном. Мое настроение, на удивление, изобиловало светлыми и яркими красками. В доме пахло сладкой выпечкой от Ириды, приготовившей различные угощения эксклюзивно для сегодняшних посетителей, в честь открытия.

До волнительного события оставалось около десяти минут. Мой недоеденный кекс лежал, перевернутый, на тарелке из-под чая, а сам чай, давно остывший, я задумчиво держала в руках и смотрела в коричнево-янтарную гладь, как будто пыталась увидеть где-то в глубине чашки ответы.

Странное дело. Сегодня мне приснился сон, не похожий на другие. Я уже знала, что в них проживала иную жизнь, вариацию будущего, где он бы был жив. В этот же раз было ощущение, словно мое настоящее просачивалось в то, будто явь вмешивалась в нафантазированные видения.

«Я буду рядом до тех пор, пока знаю, что нужен тебе», — и от отчетливо прогремывавших вдали, на горизонте сознания, слов я вздрогнула, пролив тем самым свой напиток. На белой поверхности медленно расплывались темные пятна...

— Белла, с вами все хорошо?

Я посмотрела на обеспокоенно хмуриющуюся женщину и вздохнула, с тихим стуком ставя чашку на стол.

— Все хорошо. Простите, я случайно, — она вскинула руку, прерывая неловкие извинения, и улыбнулась.

— Идите уже открывайтесь, — хмыкнула она, отворачиваясь к раковине. Удачи с магазином, Мариабелла. Никогда бы не подумала, что вы, леди, будете устраивать такое в своем доме. Я улыбнулась в ответ. Вампириша не ворчала и не журила, она просто по-доброму удивлялась. Ирида вообще оказалась невероятно милой женщиной, больше похожей на бабушку, что ли. Мать моего отца умерла очень давно, но я хорошо помнила некоторые моменты. Хотя она, в отличие от экономки, никогда ничего не готовила сама, леди Грассия Аймит обожала шить и все время шила мне приданное, которое, по идее, должна была создавать я сама. А еще разрешила подобрать котенка, которого впоследствии забрала к себе, потому что у меня была аллергия. Да, госпожа Ирида, пожалуй, ассоциировалась у меня именно с той добродушной пожилой леди из далекого детства, еще до дракона.

В магазине, бывшем гостиной, к которой подвели отдельную тропинку и сделали двери, стояла тишина. Вообще, самым сложным за все время моего проживания в Вераде было привыкнуть к тому, что в просторных стенах будет так угнетающе пусто: ни спящих с вещами горничных, ни дворецкого, ни мамы, контролирующей слуг, ни папы, спускающегося из мастерской только для того, чтобы поесть. В конце концов, я все же нашла в этом свой особый шарм и в некоторой мере решила, что в тишине и одиночестве спокойнее и легче живется. Но только когда это действительно были моменты одиночества, а они не всегда были таковыми в полной мере сего понятия.

Если с тишиной я примирилась, то с тем, что меня в ней ждало — нет. В моменты особо сильных приступов шепот прошлого становился громче, он давил на уши до наступления болезненной мигрени. Ощущение чужого взгляда и чьей-то невидимой близости, мерцающая на периферии зрения тень. Я сходила с ума, меня ломало, как зависимую, как больную. А ведь дракон и был моей зависимостью. Он был не просто моим истинным, он был... Смыслом, наверное. Слишком многое заполнил собою, слишком глубоко впился когтями в душу, чтобы так легко отпустить, покинуть. И сумасшествие набирало обороты с каждым днем. Я всерьез начала опасаться своего безумия.

Качнув головой, отгоняя лишние раздумья, я включила граммофон, и полилась на пол нежная мелодия, разгоняя смуту, приводя в покой мои мысли. На часах, мерно отстукивающих мое бесценное и неумолимо скоротечное время, стрелка показывала ровно девять.

С замиранием сердца я щелкнула в скважине ключом, открывая вход. Толстая дверь из дорогого белого дерева предупреждала о роскошной обстановке магазина и качестве товара. Конечно, ждать, что целая толпа немедленно ввалится сюда, было бессмысленно, но тем не менее, зажигая магические буквы над порогом, говорящие «открыто», я чувствовала себя так, словно только что вышла на сцену перед тысячами зрителей.

Первый раз колокольчик звякнул, возвестив о вошедшем, спустя всего десять минут. Как и предупреждала госпожа Ирида, вампиры, как бы ни было парадоксально, ранние птички. Такая черта взяла начало со времен прихода к власти его темнейшества, Лорда Эвалона, который установил над вампирскими территориями защиту от отрицательного воздействия солнца на своих подданных, фактически полностью устранив угрозу дневного света. Конечно, дети ночи все еще активничали по ночам, но, как и везде, в большинстве случаев это была энергичная молодежь. Удобнее казалось всем соответствовать мировому стандарту, да и в эту процветающую маленькую страну эмигрировало множество других рас.

Я как можно поспешней повернулась в сторону двери, чтобы поприветствовать первого покупателя.

Пожилой седовласый вампир в черном фраке нервно постукивал своим пафосным посохом и не сразу посмотрел на меня. Его пристальный взгляд привлекла, что вполне понятно, витрина, и он рассеянно водил им вдоль длинного стеклянного витража.

— Светлого утра, — робко произнесла я, обращая на себя внимание. Меня окатили презрительным прищуром, а потом... Неожиданно тепло улыбнулись.

— Солнечного, госпожа, — ответил он и щуриться перестал. — Не подскажите бестолковому старику, где тут купить очки? Посеял монокл, ничего уже не разгляжу. Разве что вашу красоту, юная хозяйка, даже через свою слепоту рассмотрел, но неудобно, сами понимаете. Супруга ругается, что я уже ступеньки не вижу, так и по лестнице уже не взберусь, а у вас тут, я так понимаю, не совсем то, что мне требуется...

Наверное, если бы я писала книгу об особенностях вампиров, то вписала бы обязательным пунктом их изумительно приятную, какую-то прямо народную и, главное, нераздражающую болтливость.

— Вы нашли ювелирный, но, знаете, я могу вам помочь, — слегка покраснев из-за комплимента, ответила я.

Попросив его подождать, я прошла к двери кухни и приоткрыла ее.

— Госпожа Ирида, вы не могли бы помочь? Господину нужно найти оптику.

Таким оказался мой первый посетитель. Угощенный выпечкой, вампир, не переставая меня хвалить и благодарить, ушел в сопровождении экономки. Она вскоре вернулась, заверив, что очки он себе уже выбирает.

Мне уже нравилась моя первая работа. Она казалась... Нестандартной. И по следующим пришедшим покупателям я в этом убедилась.

Странная «женщина» в маске бандита, смущенным мужским баритоном попросившая меня амулет для изменения внешности. Магичка, узнавшая во мне коллегу (о том, что я недоучка-первокурсница пришлось скромно промолчать), и купившая себе со скидкой накопительный браслет для магии, кроме того сделала заказ — мужской браслет на неудачу. Я приняла его, кстати, в качестве исключения, только из женской солидарности, ведь сколько раз мне хотелось подарить дракону что-то подобное. Обвинять меня во вредности вполне можно, но не сильно. Особенно запомнился очаровательный темноволосый вампиреныш лет пяти, важно представившийся герцогом Дарком, одаривший клыкастой улыбкой, розой и пригласивший на свидание. После моего смеющегося вежливого отказа с аргументом, что у меня есть жених, ничуть не смутился, а приобрел «для дамы своего сердца» набор с рубинами для усиления страсти и ушел. Что-то мне подсказывало, что дамой его сердца была мама, а приобрел он скорее для крайне безответственного отца.

Вернулся тот пожилой господин. С женой — статной седовласой леди, чем-то напominившей мне маму. Приобрели у меня серьги, вампир поблагодарил еще раз за помощь, дама сделала сдержанные комплименты магазину. Многие приходили с цветами, визитками и пожеланиями. Стараясь присмотреться ко мне и моему товару, некоторые подолгу задерживались и рассказывали о типичных буднях этого милого города. Как ни странно, это не были ядовитые сплетни, а именно вдохновляющие описания любимых мест и восхищения событиями, которые тут проводились довольно часто, чтобы не допустить скучания горожан.

А одна из покупательниц, придя в восторг от приобретенного у меня кулона красоты, в ответ на угощения Ириды, пришла через несколько часов с целой корзинкой румяных пирожков.

— Возьмите, а то сладости хорошо, но все-таки на обед неплохо что-то мясное, — сказала девушка, нервно поправляя рыжую челку. Кулон стоил так недорого, как только я смогла сбросить для нее, видя, что покупательница явно не из богатых, и она это поняла, так что благодарность, горящая в ореховых глазах, заставила меня растаять в улыбке. Я предложила ей выпить чаю с нами на перерыве, и это был самый уютный обед в моей жизни, сопровождающийся отбивающей мелкий такт музыкой заморосившего весеннего дождя с радугой и бурным обсуждением рецептов подружившейся пары — госпожи Ириды и Шаи. В итоге как-то получилось, что я взяла ее на работу своей помощницей.

День близился к концу. Я уже не ожидала, что будет еще кто-то, но высиживала время до шести просто из упрямства. Лениво перебирала цветы в ближайшей вазе, когда в магазин, в сопровождении мелодичного звонка, успевшего за часы работы стать привычным, мягко шагнула премилая девочка лет одиннадцати-двенадцати. Распушенные темно-каштановые волосы чуть растрепано ложились на угловатые по-подростковому плечи игриво вились на концах. Она неловко кусала пухлые губки и переминалась в дорогих туфельках с ноги на ногу. Немного смущенно подошла к витрине, и, остановившись, стала смотреть на представленный товар.

— Добро пожаловать в «Драконье сокровище», чем могу вам помочь?

Леди — а в том, что она аристократка, я почему-то не сомневалась, просто чувствовала — подняла голову, посмотрела на меня большими, ясными синими глазками и с ужасной неохотой, аномально низким и сиплым голосом вдруг сказала:

— Здравствуйте... — От неожиданности я чуть не упала со стула, а девочка, заметив мой шок, расстроено кашлянула, отчего неловко стало уже мне, и опустила голову, скрывая за

широкополой шляпой румянец. — А у вас нет амулета, который бы временно улучшил мой голос?

С трудом договорив, она сама как-то сжалась вся, будто устранившись собственному звучанию. Я корила себя в это время за несдержанность и, чтобы как-то загладить вину, протянула ей кекс.

— Готового нет, к сожалению, — вздохнула я, но прежде, чем недоверчиво принявшая угощение девочка совсем поникла, поспешила добавить: — Но я попробую что-нибудь сделать. Вам срочно?

Та усердно закивала.

— Поняла, — я кивнула тоже. — Тогда выберите себе кулон или что-нибудь такое?

— Все, что угодно! — эмоционально выдала она и, видимо, уже одолев свой стыд за голос, живо заболтала: — О, если бы не этот противный Тристан! Он подсыпал хрипучек мне в еду, как я теперь буду петь на площади?

Какая слышалась а этом всем обида, не передать. С невольной улыбкой я поспешила заверить ее, что сделаю все возможное.

Только что можно было сотворить быстро и качественно? Какое имелось у меня заклинание для такого эффекта голоса? Хм, возможно, если смешать несколько...

Спустя некоторую вечность для меня, и, возможно, лишь пару минут для мира, новозачарованный амулет на изменение тональности был готов. Небольшой золотой кулон с переливающимся на свету сине-фиолетовым драгоценным камнем был торжественно передан в руки юной покупательнице, и я замерла, сама в предвкушении ожидая результат. Уверенности в последствиях таких действий у меня не было, поэтому, когда девочка застегнула украшение на шее, тихий звук активации заставил вздрогнуть.

С напряженной паузы она просто стояла, прислушиваясь к своим ощущениям, а я смотрела на то, как красиво загорелся камень, и как-то запоздала думала о том, что экспериментировать на посетителях не очень как-то правильно с точки зрения морали.

— Получилось? — робко подала голос она. О, у нее был чудесный, тоненький, мелодичный, как звон того колокольчика над порогом, тембр. В том, что девочка хорошо пела, не было сомнений. На радостях про себя отметила, что должна сходить на площадь, если она действительно станет выступать там.

— Не могу поверить! — воскликнула девочка, и шляпа уже не скрывала от меня сияющего взгляда ребенка и ее, чуть клыкастую, улыбку.

— Вы просто спасли меня! Я смогу сегодня выступить!

Все было настолько хорошо, насколько могло быть только в самой светлой, самой невинной сказке. Только вот моя уже кончилось, и, глядя на маленькую вампиршу, мне думалось, что теперь я лишь наблюдатель, и другая, новая главная героиня передо мной — невероятно похожая на меня в детстве, абсолютно счастливая, с историей, которую ей еще нужно было прожить.

Девочка и правда слишком сильно напомнила мне меня. До боли. До помутнения рассудка... Вдруг ликующе звенит злосчастный колокольчик. Дверь без единого скрипа открывается. Мы обращаем на вошедшего внимание с абсурдной синхронностью. И такую же абсурдную одинаковость заметил бы зритель, видя, как стремительно бледнела и я, и девочка.

Часть двадцатая
Свобода

Я вижу ЕГО.

Мир кружится, рушится на моих глазах, и реальность, смешавшись с собственным безумием, больно давит на голову, сейчас раздавит. Восприятие расплывается, я слышу оглушительную дробь своего сердца и воздух резко кончается.

— Юная леди, — этот голос! Кажется, он звучит не там, а уже где-то внутри моей головы, так громко, так реально. — Вы снова сбежали.

Насмешливый укор, с которым он смотрит... На меня! Черные глаза без малейшей красной искры — значит, не злится, он не обижается! И ЕГО губы, растянутые в хитрой улыбке, те, что в моих последних снах так сладко и так порочно утягивали в свой страстный танец сверхнеприличия. Он протягивает МНЕ тыльной стороной ладонь в безупречно белой перчатке...

И маленькая бледная рука девочки робко ложится сверху, тут же крепко сжатая.

— Моя леди, вы не можете так делать, — вздыхает мужчина, но та упрямо качает головой, отказываясь его слушать. Капризная маленькая аристократка со светло-русыми кудряшками, которые отросли совсем чуть-чуть. С перепачканным подолом нежно-розового платья, в другой руке она сжимает свой деревянный меч, готовая храбро сразиться с любым драконом. — Несносная девчонка...

Но я уже не слышу, что он говорит дальше. Меня отчаянно душат слезы, я совершенно не помню, как дышать и от нехватки кислорода перед затуманенными глазами темнеет.

Шум моего падения был оглушительный.

Не знаю, сколько прошло времени, но спустя всего лишь, казалось, миг я очнулась из-за голосов. Еще не открывая глаз, потому что сделать это было не так-то просто, услышала странные разговоры и пришла к неутешительному выводу, что небесный суд уже начался.

— Мы оставим ее здесь, нам лучше знать!

— В АД отвести будет правильнее!

— Все не настолько серьезно!

— За что? — со стоном откликнулась я, пытаюсь разлепить налившиеся свинцом веки. Откуда-то оттуда, сверху бил ослепительно белый свет, и у меня почему-то возникло чувство deja vu. Что-то такое в моей жизни уже случалось, тоже после обморока... — За что в ад?!

Чьи-то теплые руки коснулись моего лба.

— Леди Белла, вы в порядке? — обеспокоенно спросил меня голос госпожи Ириды.

Да уж, то, что каждый раз после обморока я начинала думать о своей кончине, становилось довольно странной и неприятной закономерностью. Никогда не замечала в себе столько пессимизма.

— Я в порядке, — прошептала я и, усиленно промаргиваясь, попросила приглушить свет.

Лампа у дивана так некстати оказалась прямо над моей головой.

— Раз все хорошо, я хотел бы принести извинения за неудобства, — раздался чей-то мужской голос, заставив меня вздрогнуть.

Меня стремительно настигали воспоминания о последнем произошедшем. Выдержав серьезный взгляд незнакомого джентльмена явно средних лет, с проблеском седины на темных волосах, я наконец поняла, что произошло.

— Папа, я еще и кулон купила, — услышала я тихий детский голос.

Папа. За девочкой всего лишь пришел ее родитель, а мое безумие сыграло злую, очень злую шутку. Довела себя сама и напугала свое окружение.

Если бы в этот момент я была одна, то не сдержала бы истеричного смеха.

Так завершился первый рабочий день. В обмороке я, к счастью, пробыла недолго, и ни Ирида с Шаем, ни Его Светлость не успели решить, что со мной делать. Я отказалась от предложения поехать в АД — Артанэйскую Дейн-лечебницу для невампилов, заверила, что всего лишь переутомилась и отказалась брать плату за кулон, шепнув девочке на прощание, что когда-нибудь, когда она сможет успешно сбежать на свое выступление, пусть отправит мне приглашение. В уплату. Ее отец, судя по тому, насколько он помрачнел и нахмурился, по сияющему виду вампирши догадался о моих словах, но его недовольство меня не смутило.

Успокоив всех, поблагодарив за беспокойство и извинившись, я сопровождала к выходу незваных гостей. Время было еще не слишком позднее — двадцать минут седьмого, на улице еще не стемнело.

В груди засела чугунная тоска, невыразимо тянуло плакать, но я держалась изо всех сил. Сколько же можно лить слезы? Да к тому же, сколько я ни проверяла, не помогало это в решении проблем. Поэтому, во избежание намечавшегося у себя шторма, я накинула плащ и, предупредив экономку, которая в этот момент возилась с ужином, вышла прогуляться.

В Радуше часто шли дожди. Только утром была радуга, и сейчас снова мелкие капли слабо били в лицо со встречным ветром. На синем полотне неба то и дело висели темные кляксы небольших тучек, и блеклыми разноцветными полосами вдали намечалась блеклая радуга.

Такая погода нравилась мне больше всего. Когда-то я терпеть не могла дожди, особенно такие слабенькие, неясные, но именно в этом городе, среди «детей ночи», это ощущалось удивительно гармонично, как будто неотъемлемая часть архитектуры.

Гуляя по мостовой, я вслушивалась в стук своих небольших каблучков и старательно игнорировала стук сердца. Восторженным взглядом вновь провожала отделанные золотой лепниной панельные дома, улыбалась прохожим и глушила в себе тоску. У меня не было цели, я просто шла вперед, по главной площади, минуя маленькие ответвления, не обращая внимания на завлекающие яркие вывески и даже дамский бар.

Моя цель появилась, когда я неожиданно ее увидела и тут же для себя определила.

Парикмахерская. Небольшой, заполненный ярким белым светом множества кристаллов для равномерного освещения салон с двумя мастерами, одна из которых стригла мужчине бороду.

Меня приветливо встретили и сразу же пригласили в кресло.

— Мне нравится ваша прическа, — улыбнулась я дружелюбной блондинке, представившейся для меня Раантой. Она смутилась и поблагодарила, поправляя короткую, чуть ниже плеч, прядь за чуть заостренное ухо. Полукровка-эльф. О, мастера в деле красоты, в этом сомнений не возникало.

И уже спустя час я вышла на улицу с как-то даже посветлевшими волосами, обрезанными и уложенными в укладке так, что едва покрывали до конца шею. Невероятно смелая прическа, которая вызвала бы ужас в Валерсии, здесь была всего лишь красивой причудой. Ходьба еще никогда не казалась такой легкой, без тонны следом тянувшегося шлейфа волос в толстой косе. И не только физически — на душе стало так легко и светло, как не было много лет. Я наконец-то отрезала свое прошлое, оставила слезы и тяготы там, куда больше не хотела оглядываться. Волосы сожгли при мне. В мире, где девяносто процентов порчи, проклятий и прочей темной ереси завязывали на волосах, хоть одном, не принято было разбрасываться целым париком из своей шевелюры.

Я прошла до конца площадь и решила выйти на набережную. Дождь уже перестал, и ничто не могло испортить ни укладки, ни взлетевшего до небес настроения. Эйфория была крышесносной. Настолько, что, оглушенная ею, я вовремя не успела услышать ни гудок, ни чей-то окрик. Когда моя голова все-таки запоздало повернулась вправо от дороги, которую я переходила, даже того не замечая, автокар на явно превышенной скорости находился в метре от меня.

Часть двадцатая Свобода(2)

И за секунду до неминуемого столкновения, выбив разом вздох из сжавшихся легких, я почувствовала резкий развернувший тело рывок, едва не вывихнувший ухваченную кем-то руку. И не успела ахнуть, как, обдав ледящим порывом свистящего ветра, в сантиметрах от смертницы пролетел сумасшедший транспорт.

Спасенная, судорожно дыша, я медленно возвращала себе рассудок, обнаружив, что чересчур сильные объятия спасителя причиняют боль ребрам. Заторможено подняла шокированно вытаращенные глаза на мужчину, и они округлились еще больше. А потом... неизбежно помокнули.

— Лорд Эльдарш, — плаксиво выдавила я онемевшими губами. В голубых льдах была ярость, с которой он все еще сжимал мое запястье до посинения — но вырвать руку я даже не попыталась, в оцепенении осознавая только минувшую, глупую до невозможности смерть.

— Идиотка, — тоже назвал меня по имени он, и я не нашла ничего лучше, чем, преодолевая удушающий ком в горле, согласно кивнуть. Среди злобы в чуть шипящем голосе Ринталиона я различила жар дикого страха, причем за меня, что оказалось изумительно приятно, а еще львиную долю облегчения.

Меня наконец-то отпустили, но не совсем, а так, чтобы я могла вдохнуть свободной грудью и при этом не упасть без опоры. На запястье, кстати, точно останется синяк, но он не очень меня сейчас волновал.

— Ты в порядке? — вздохнул мужчина, пристально рассматривая мое лицо. Он был довольно близко, а я... А я что, а я в шоке. И как-то очень вовремя, разглядывая его в ответ, я отметила, что белокожий, глазастый (в смысле, глаза у него красивые) и клыкастый вампир поразительно привлекателен. Симметричные тонкие черты, прямой нос с высокой переносицей, полные губы и черные кудри, добавляющие ему контраста и харизмы. Мое сердце, не успевшее еще до конца утихомириться, с новой силой стало наращивать темп и застучало так громко, что он, наверное, мог слышать это сквозь уличный шум и где-то на заднем фоне волнение собравшихся обеспокоенных зрителей моего конфуза. А я стремительно теряла остатки рациональности, позабыв о том, что решительно была против отношений с ним, забыв о причине, почему именно против.

— Кажется, я только что в вас влюбилась, Рин, — шепчу я, игнорируя и свои невольные слезы от бурлящих чувств, и всеобщий вздох.

А мой спаситель, не моргая, все смотрел и смотрел, затем неожиданно протянул руку (другой он обнимал за талию), коснулся моей выбившейся на глаза длинной челки и заправил ее. От этого жеста романтика момента побила все измерения и я уже чувствовала близость рокового поцелуя.

Но вместо этого Эльдашс нахмурился, поджал губы и сообщил:

— Ну раз у тебя только проблемы с головой, тут я не помогу.

Розовое полотно невидимой занавеси, которая уже почти нас закрыла, тут же рухнула наземь, и вместо с ней, потому что поддерживать меня таки перестали. Взыв от удара, безжалостно пришедшегося на копчик, я ошарашенно уставилась на охамевшего спасителя, а он невозмутимо подал руку, помогая встать.

Что-то месяц назад о проблемах с головой речи не шло, когда он за мной пытался увязаться! Это настолько оскорбило и возмутило, что даже мысль о том, что я чуть не погибла, отошла куда-то назад.

— Что-нибудь болит все-таки, Белла? — вздохнул Ринталион с таким усталым выражением, что я неволей задалась вопросом: действительно ли он оставил меня на целый месяц освоиться или ему пришлось из-за проблем?

Вампир, и так довольно худощавый, пусть и подтянутый, казалось, похудел. У него еще отчетливее выделились скулы и он и, присмотревшись к темным кругам под глазами и хмурым морщинками между бровей, я осознала, что мой спаситель и до происшествия со мной был измотан.

Ощувив укол вины, я поникла под его серьезным взглядом и неловко отступила на шаг.

— Все в порядке, спасибо, Ри... Лорд Эльдашс, — я одернула себя, не позволяя переходить на слишком близкое обращение. — Спасибо, вы спасли меня, я... Обязана вам жизнью. И я прошу прощения за причиненные неудобства.

«Если ты отрезала волосы и якобы дракона от себя, это не повод бросаться в новые отношения, словно последняя...»

Он некоторое время еще молчал, потом кивнул и слегка улыбнулся. Дежурно, вежливо, с нотками усталости под показным радушием.

— Впредь будьте осторожнее, Белла.

— Обязательно, — я осмотрелась, но на нас больше никто не пялился. Небольшая толпа тактично разошлась, оставляя нас посреди тротуара стоять совсем обыденно, как будто просто неожиданно встретились старые знакомые. И сейчас, после обмена любезностями, как раз и попрощаются. — Вы можете заходить ко мне, все же...

— Хотите меня отблагодарить? — усмехнулся вампир.

— Нет, я... — я смутилась. — Мы ведь друзья, Ринталион. Я всегда вам рада.

— В прошлый раз вы говорили иначе, — явно повеселев, заметил мужчина, открыто вгоняя меня в краску. Но прежде, чем я пожалела и забрала свои слова назад, добавил: — Если мы друзья, и вы обязаны мне жизнью, быть может, вы согласитесь со мной поужинать? Я неуверенно переминалась с ноги на ногу. Мой рассудок снова был при мне, и на такое безрассудство, как например свидание, прямо сейчас я уже не хотела решаться.

— Уже не настолько благодарны, Белла? — я услышала оскорбительный смешок и, обалдев от такого замечания, гневно вскинула подбородок.

— Почему бы мне не согласиться?

Это было, наверное, худшее приглашение на ужин в ресторане из всех возможных вариантов, но оно произошло, и я действительно дала свое согласие.

Ринталион проводил меня до дома. То, что он шел уверенно и знал, где поворачивать без каких-либо знаков с моей стороны, немало сказало мне о его намерениях и о том, что от меня не отказались ни тогда, ни сейчас. Я осторожно попыталась спросить, что же с ним случилось и почему он выглядит морально пожеванным, но вампир отшутился на тему любовных страданий по одной длинноволосой леди и отпустил комплимент моей новой прическе. Причем искренне. За всеми стремительными событиями я даже и позабыла о волосах, но стоило ему напомнить, как улыбку сдержать было уже невозможно. С гордостью свободно тряхнула волосами, сдувая лишние пряди с лица, и на корню обрубилa ростки сомнений.

Я сделала это, оставляя прошлое позади. И дракона.

Той ночью мне приснился последний наш сон.

* * *

Моя рука начала болеть. Он сжимал ее так сильно, что я подняла на него недоуменные глаза, отрываясь от книжки на коленях. Мы снова были в его спальне привычным теплым вечером.

Шайкан смотрел на меня и молчал. Его палец рассеянно и нервно водил по моей коже, и от того, каким по-настоящему дискомфортным становился захват, я нарушила нашу тишину первой.

— Больно, — прошептала я и попыталась мягко вырваться.

Его взгляд как остекленел, и меня это начало всерьез пугать.

— Шайкан, — простонала я, когда боль стала уже невыносимой. Кажется, он мог так сломать мне что-нибудь.

Мое хныканье его отрезвило. Вздвогнув, он отпустил меня, но только чтобы сразу притянуть к себе, сжимая плечи, и обнять так крепко, что я замерла, с трудом дыша.

— Скажи мне, чего бы ты хотела, Мария? Что мне подарить тебе, моя маленькая леди?

Я молчала, ошарашенная его поведением. Долго молчала, прислушиваясь к стуку сердца и... Думала, кому из нас он принадлежал. Может, я ошибалась в том, что у драконов нет сердец?

— Свободу, — тихо ответила я, высказывая ответ, что знала на этот вопрос всегда. И если у него действительно было сердце...

— Объясни. Что именно под «свободой» ты имеешь в виду?

Его тон заледенел. Каждый мускул мужчины, к которому я прижималась, казалось, напрягся до предела, окаменел.

— Я не... — Я запнулась, окончательно теряясь от его напора. Но деться было некуда. Не знаю, откуда только во мне набралось храбрости говорить. — Свобода это то запретное, что вы никогда мне не давали даже близко почувствовать. Свобода — когда я знаю, что могу принять решение, которое повлияет на мое будущее. Когда я могу стать женой какого-нибудь графа под старость лет, выбрав его когда захочу, сама. Или могу решить для себя, хочу ли влюбляться в вас или мне это совсем не нужно. Когда я... Своя. Не чья-то истинная без права на что-то другое с самого детства, а просто я. Я... Если вы можете мне доверять настолько, что рискнете открыть клетку и посмотреть, вернется ли взлетевшая птица, то подарите ей... Подарите мне свободу.

Что-то гроыхнуло за окном. По крыше забарабанили тяжелые капли дождя.

Руки, державшие меня, разжались, и я, все еще не понимая, к чему разговор, недоверчиво взглянула ему в лицо, отстранившись от груди дракона.

— Лети. — Лорд Шайкан улыбался мне. С такой нежностью и такой печалью, что я... поняла. Все, что было в этих черных, как бездна мира, глазах.

— Как вас зовут? — не пошевелившись, хрипло вдруг спросила я. В этот момент поняла, что за всю жизнь ни разу не задумывалась, прилагается ли к его громкой фамилии имя.

Его улыбка превратилась в горькую усмешку.

— Имена драконов опасны, Мария. Впрочем, могут стать и спасением, так и быть. — С этими словами меня поставили на ноги, а в следующую секунду мужчина опустился на колени прямо передо мной. Мой вскрик проглотили темнеющие стены спальни, стремительно теряющей свои очертания. — Я, Энкарнар Шайкан, один из последних некогда великого рода драконов, дарю тебе свободу, моя Ма-ара. Будь счастлива...

* * *

Я проснулась с четким ощущением, что что-то потеряла. В растерянности оглядываясь, я пораженно рассматривала свою светлые апартаменты в доме, который принадлежал теперь мне, и долго не могла понять, что изменилось вокруг.

А потом поняла: перемены были не снаружи — внутри.

Энкарнар Шайкан освободил меня. Я больше не была его истинной, не была связана с призраком дракона.

В то утро я могла начать свою истинно новую жизнь. С чувством облегчения и потери, радости и тоски. Свободная и враз отяжеленная ответственностью, но... счастливая.

«Будь счастлива».

Моя сказка была закончена... Мне так казалось.

Часть двадцать первая

Последняя, открывающая правду и завершающая сказку Мариабеллы

Сегодня, в последнюю ночь перед судным днем — днем моей свадьбы, я не смогла уснуть. В моем окне одиноко горел свет от настольной лампы, и время от времени раздавался шорох переворачиваемых страниц. Нет, я не читала. Пустые бежевые страницы книги заполнялись моей собственной рукой. Мною завладел безумный азарт, перо рисовало живые символы со скоростью настоящего писаря, фразы мчались вперед, без остановки; перед взором проносились описываемые картины прошлого. Быстрее и быстрее, как бы ни изнывала рука, сколько бы ни ломалось перо.

Я писала несколько последних недель. Первую страницу начала в тот вечер, когда Ринталион, спустя два года отношений, сделал мне предложение. И хотя я не считала, что мое время «под старость» подошло, но выйти замуж за «какого-то вампира» я согласилась. Потому что любила его. Кажется.

С тех пор, как дракон во сне подарил мне свободу, она навалилась на меня по-настоящему. Я больше не была леди в бегах, несколько раз ездила в родной город, чтобы проведать родителей. Никто не пытался меня поймать, ни одного дракона я больше не встретила.

Жизнь изменилась. Свободная жизнь. Поначалу она была похожа на гигантскую волну в океане, и мне было страшно, что я могу не выдержать ее наплыва. Утонуть. Не справиться, не удержать штурвал.

Однако я смогла. Радуша стал для меня родным городом, я наладила связи и полюбила жителей всем сердцем. Приняла ухаживания Ринталиона, хотя это было самой сложной частью, и до сих пор во мне зрели сомнения. Например, особенно они сильны были в те дни, когда он пропадал на долгое время и, вернувшись через несколько суток, ничего внятного не объяснял, такой измотанный, как будто сражался с драконом за принцессу, не меньше. Или когда на него нападали приступы гнева. Гнева не на меня, нет, конечно, не на меня, я даже не понимала, на кого, но это все же пугало. Несколько раз он выставлял меня из комнаты и был груб, когда не хотел никого видеть, но все же между нами были крепкие чувства, и мы оба строили их с трудом, долго и кропотливо. Я полюбила его черный юмор, ехидство, темперамент. Он любил во мне... Что? Просто все. Он не объяснял, на самом деле, просто я чувствовала заботу и его желание. Осторожность, трепетность. Это все было настоящим, без волшебной связи и невидимых меток, нечестной эмпатии. Больше никогда он не говорил о том, что считал меня своей истинной. Потому что Ринталион ошибся, и мы оба это признали.

Мы не были предназначены друг другу, но голубоглазый брюнет с язвительной усмешкой и теплыми холеными руками полюбил меня так сам, без божественного вмешательства.

Последнее, что мне осталось сделать, чтобы поставить точку и обрести спокойствие и уверенность — дописать книгу. Тот самый пустой том, который когда-то давно подарил мне Шайкан... Энкарнар. Это по какой-то причине стало моей одержимостью.

Мне оставалась пара страниц. Сказка почти кончилась, и я сама поставила себе срок до завтрашнего утра. Как будто после того, как случится мой брак с вампиром, я уже не смогу это сделать. Писать.

Поэтому я делала это так, словно на меня напал даже не безумный муз — демон. Кружилась голова, невыносимо ломило в пальцах и в запястье, но я не могла остановиться...

Пока не кончились чернила. Буквально.

Проклиная все на свете, я проверила чернильцу. Скрести в уголках было бы откровенно глупо, и мое перо грозило быть совершенно сухим. Выругавшись, я отбросила орудие письма на белое дерево стола, проигнорировав оставшиеся небольшие пятна, и со стоном, слыша жуткий хруст спины, встала.

У меня совершенно не осталось чернильных запасов, но магазины были закрыты. Однако хорошо, что в доме моего почти мужа, который сейчас ушел на гальчишник или что-то вроде того (ох уж эти вампирские традиции) имелся второй рабочий кабинет со всеми нужными мне письменными принадлежностями. А то, что он не пускал меня без него в свое личное

помещение со сверхсекретными документами и всегда запирает дверь... Ну, я ведь не зря училась в лучшей академии магии, пусть и едва ли год? Магический замок второго уровня... весьма опрометчиво.

Я аккуратно вышла из своей спальни, оглядываясь по темному коридору. Я еще не до конца переехала в этот готический особняк, но ничего особенного в доме вампира не было, кроме, разве что, исключительно черных и багровых тонов. Я довольно быстро здесь освоилась.

Кабинет, в который Синяя Борода запретил мне входить, находился на этом же этаже, и я быстро прокралась в полумраке, чтобы не наткнуться на всяких беспокойных слуг.

Замок взломался оскорбительно легко, даже с учетом моего приторможенного состояния из-за бессонной ночи. Светлячок в моей руке игриво перевернулся и взмыл в воздух, спеша осветить мне темный офис. На самом деле, я приличная леди и никогда не страдала таким авантюризмом, так что это был первый раз, когда я взломала этот замок и вошла в запретную зону своего жениха. Помимо стола с чернилами, которые наверняка были в какой-нибудь нижней полке, мне было любопытно разглядеть все. Днем здесь было совсем не так, и глаза у прадеда Ринталиона на картине не горели...

Вздвогнув от своих же мыслей, я усмехнулась, отгоняя детские страхи, и поспешила к цели, не став задерживаться у стеллажей с наверняка запрещенными книжками. На самом столе дрожащий магический огонек показал ужасный беспорядок, но я не стала, вопреки желанию, разбирать пыльные бумаги мужчины, а метнулась в полкам. В первой не оказалось ничего полезного, кроме барахла, во втором тоже, а в последней я нашла наконец маленькую черную шкатулочку с заветным содержимым.

Но что-то остановило меня от того, чтобы просто уйти. Что-то из разряда даже не предосторожности — паранойи заставило меня открыть здесь шкатулку и убедиться, что там то, что мне нужно.

А там было не то, что мне нужно. Меньше всего содержимое было тем, что я ожидала увидеть. Аккуратно доставая и расправляя в руках длинную прядь светло-русых волос, я до конца надеялась... До конца. Надежда, что волос не мой, просто цвет похож, угасла, когда тонкая спутанная прядь опустилась до пола, слишком длинная, чтобы я не узнала собственные, так давно обрезанные волосы.

И все бы можно было оставить так. Да, это было странно, ведь все волосы я сожгла в парикмахерской, но подумаешь... Вдруг он на корабле просто отрезал ее, когда я не заметила? Впрочем, распускала я волосы лишь во сне, но ведь можно было как-то это все оправдать.

Странное, ноющее чувство внутри меня вынудило с замиранием сердца метнуться к столу и внимательно начать его обыскивать в поисках... Продолжения. Того, что еще прилагалось к неожиданной находке, потому что я не сомневалась, что оно было... Я даже не знала, что искала, просто перебирала вещи завтрашнего мужа дрожащими руками и запрещала себе начинать обдумывать... напридумать можно страшнее, чем есть на самом деле, а все могло быть очень невинно и просто, да?

В конце концов я нашла, что должна была. К сожалению, правда оказалась хуже любых возможных предположений.

Я сжимаю в руке кинжал, лезвие врезается в кожу, причиняя боль. Перед зажмуренными глазами встает картина из прошлого, и та боль — боль узнавания, оказывается в стократ сильнее.

«А потом Кирс бросился. Не бежать, как было бы разумно, а вперед, прямо на полувоплотившегося, в боевой форме, дракона... С кинжалом.»

Образ мелькнул в памяти четко как никогда. Я узнала кинжал. Что-то во мне всколыхнулось, и не сразу я поняла, что кончики пальцев горят знакомым алым пламенем, и я до крови кусаю губы. Оружие падает из разжатой ладони, и окровавленное мною лезвие звонко ударяется о пол. В голове звон. Или это снаружи? Мир кружится, сжимается, слезы душат, я не могу ничего разглядеть перед собой.

Падая, последним я услышала грохот выбитой двери.

Темнота медленно редела. Все ярче становился свет, от которого меня уже начало тошнить. — Ты идиот, Ринталион, — прозвучал откуда-то извне мужской тенор. Смутно припоминаемый...

Рычание в ответ, без сомнения, принадлежало моему вампиру.

— Мы ведь можем просто ей все объяснить, — теперь это был чужой бас, явно мне незнакомый.

— Конечно, думаешь, и она-то поймет? — хохотнул кто-то.

Дальше все слилось в яростный шепот. Спор был непонятный и какой-то глупый, но больше было непонятно, почему свои затекшие запястья и обнаружила связанными у себя за спиной колющей веревкой и... Не простой.

Осознание, что свою магию я не чувствую из-за нее, настигло меня паническим приступом, и ужас был таким сильным, что я мигом распахнула слипшиеся глаза, застонав от яркого света вокруг.

Я находилась уже не в кабинете Ринталиона, что было ожидаемо. Неожиданностью стало отсутствие окон и неприятно-зеленое освещение. Атмосфера уже царил премомерзкая.

Голоса незнакомцев сразу умолкли. Я различила тяжелые шаги, затем чьи-то ноги появились в поле зрения и кто-то резко вздернув меня за плечи в сидячее положение. Диван, на котором меня, черт возьми, связали, был кошунственно неудобным.

Презрительно-рассеянно щурясь, я посмотрела вверх, встречая мрачное лицо Ринталиона, и его отливающая зеленым при этих ужасных лампах бледность вызвала у меня тошноту снова.

— Белль, — пророкотал злой голос моего... возлюбленного ли?

Я молча уставилась на него в немом вопросе. Особенно меня волновали веревки, конечно, потому что все это начало сильно выходить за рамки традиционного похищения невесты.

— Ты должна выслушать нас, — он вздохнул, привычным мне усилием пряча в голубых омурах своих водянистых глаз ярость. Обманчиво приобретенное спокойствие меня уже не обманывало.

Я посмотрела по сторонам, холодея от вида собравшейся толпы. Единственное, что их объединяло — принадлежность к аристократии, видная мне наметанным глазом. Меня пугало то, что среди мрачных лиц собравшихся было огромное разнообразие рас, и это не походило на просто друзей Ринталиона среди городской аристократии. Это походило на что-то намного масштабнее и... В моем случае опасное.

За неимением лучшего, стараясь не показывать охватившей неволей дрожи, я лишь кивнула, показывая, что готова слушать более чем внимательно.

— Я должен был тебе объяснить это давно, но боялся, что ты не поймешь из-за твоего...

Прошлого. Ты и та тварь... тот лорд, твой нареченный, отправивший меня в ссылку и испоганивший жизнь, как они всегда делают. Я боялся, что из-за этого ты можешь быть против и собирался просто закончить все так, чтобы не вливать тебя.

— Что именно, Эльдашс? — я прозвучала глухо. По крайней мере, без надрывов. Я надеялась, по моему напряжению не было видно того ужаса, заполнявшего внутренности липкой, мерзкой холодной жидкостью.

Его взгляд потемнел.

— Мы истребим род драконов, Аймит, — это сказал не Ринталион.

Обернувшись к говорившему, я запоздало узнала его. Маркус, мой бывший сокурсник, кто бы мог подумать...

Впрочем, на фоне того, что он сказал, предательство бывшего знакомого, пусть и не самого хорошего, было незначительным.

— Вы гребанные охотники на драконов?!

Я рассмеялась. В возникнувшей тишине мой хриплый, истеричный смех звучал настолько жутко, что по спине сбежала струйка пота. Никто не шутил. Забытые боги, все было настолько серьезно, что смех оборвался где-то на нервной высокой ноте понимания.

Происходило что-то невероятно абсурдное, и плохое предчувствие не просто меня беспокоило, а трясло, как смертельная горячка. А ведь я даже не дописала книгу... Впрочем, оно и к лучшему. Вряд ли сюжетный поворот с охотниками на драконов вписывался в историю.

— Ты ведь понимаешь, как это важно, Мариабелла? — тихо протянул Ринталион, и в его взгляде я уловила яркий огонек безумия. — Мы нашли оружие, нашли яд, который их убивает. Мы откроем миру глаза, и завтра начнется война. Они умрут, все до единого...

Мне было уже совсем не смешно.

— Я поняла, — ответила я, отворачиваясь. — Свадьба отменяется, верно?

Снова зазвенела тишина.

— Белль, — он приблизился. Холодные пальцы обхватили мое лицо, но мои глаза, обращенные к нему, были пусты.

В груди зияла пустота. Понимание обжигало меня такой болью, что хотелось кричать, но из горла вырвался только смешок. Пустота... Свободная пустота. Я не только не спасла дракона, не только трусливо сбежала от друзей, которыми стали мои стражи, но и отвергла последнюю связь с духом своего истинного ради... Ради того, кто устроил его смерть.

«Свобода». Неужели цена этого подарка — вот это все? И прямо в день свадьбы, какая ирония.

— Белль, ты не можешь отказаться. Или с нами, или... — Теперь мой бывший жених звучал до смешного растерянно.

— Или смерть, — весело закончила я и дернула подбородком, скидывая пальцы вампира. Его ступор вызывал у меня нездоровое воодушевление. — Хорошее правило, верное. Знаешь, план как бы ты обрисовал, а вот злодейской аргументации я так и не услышала. Хотя я сама догадалась, не надо. Драконы — нечисть, которая вредит вам всем. Портит жизнь, топчет, не замечая. Зло, в общем. С этим ясно, но, Эльдашс, ты ведь понимаешь, что у меня этой аргументации нет? На меня она не распространяется. Драконы не причиняют вреда своим истинным, а я...

— Ты несешь бред. — Он начал беситься. — Белль, это не шутки, это...

Я кивнула.

— Кто не с вами, тот против вас, Ринталион.

И я была против. Как жаль, что так поздно я поняла всю бессмысленность и бесполезность своей жизни. Я так никого и не спасла, так и не стала любящей для дракона в ответ на его любовь и, узнав о злодейских планах, даже не смогу ничего сделать.

— Твой отец с нами, он собирается сюда, — устало сообщил мне вампир. — У тебя есть время все обдумать.

Отец тяжело болел уже год. Он не вставал с постели, и даже на свадьбу не мог. Мысль о том, что граф Аймит принадлежал к группе антагонистов моей сказки, практически добила меня, а уж известие, что он, обессиленный, приедет...

— Рин, я могу связаться с драконами и предупредить. Не боишься? — Я усмехнулась.

— Ты так хочешь умереть? — он обернулся, уже было собиравшийся уходить.

— Да, — честно ответила я, сорвавшись на шепот. Моя жизнь потеряла цену.

— Действительно?

На маленькую долю мгновения я увидела в нем, присевшим передо мной на корточки, отдаленный образ отеческой заботы обо мне длинноволосого блондина с черными, как моя близкая смерть, глазами. И тот образ из детства, когда он опустил на колено, лишь бы быть со мной на уровне...

Я улыбнулась сквозь слезы, кивая.

— Последний вопрос, Рин... Почему ты ненавидишь закат? — едва слышно спросила я, сдерживая плач.

Резкий удар пронзил болью живот. Вскрикнув, я неверяще посмотрела вниз, на торчавшую из себя рукоять злосчастного кинжала, и шок на секунды отодвинул ощущения на задний план.

— Счастлива вам воссоединиться, — никогда бы не узнала в безжалостном вампире того, с кем впервые поцеловалась в далеком прошлом, пока скрывалось за темнеющим горизонтом солнце. Того, кого успела так опрометчиво полюбить. Разочаровываться в людях так больно! В очередной и последний, видимо, раз я заметила про себя, что физическая боль совсем нестрашна... в сравнении.

— Энкарнар, — шепчут мои холодеющие губы. Впрочем, меня никто не слышит, и помещение закрывают. Наверное, у охотников есть дела поважнее, чем убрать с дивана труп.

К боли от раны прибавилась боль ожога от нагретшегося добела кулона на моей шее, но на крик мне не хватило дыхания. Белая вспышка резко ослепила сквозь отяжелевшие веки. Растворяясь

в боли, закрываясь во мраке беспомощности, я успевала последний раз увидеть в разыгравшемся воображении статную фигуру своего дракона. Может быть, мы и правда воссоединимся?..
— Ма-ара, — слабо различаю я ласковый баритон своего дракона. На тот свет зовет...
Я чувствую необычайную легкость, тело отрывается от поверхности. Боли больше нет, к моему облегчению. Это был конец.
— Надеюсь, ты налеталась вдоволь, моя птичка, потому что клетку я больше не открою, — сладко пообещал мне загробный голос. Я счастливо улыбнулась, проваливаясь в долгожданное небытие.

Эпилог

Кукла по имени Сэлли с огромными глазами, чуть накренившая голову набок. Шкатулка, где хранилось золотое украшение для волос, которые я долго еще не смогу надеть, потому что обрезанным кудрям не хватало длины. Склеенная мною стеклянная статуэтка с девочкой-рыцарем и драконом. Все памятные вещи стояли на полке, как напоминание обо всем, что было в моей сказке.

А сказка всегда кончается хорошо. То, что мой дракон вернулся из комы сразу, стоило только леди в беде назвать имя своего героя, соответствовало всем канонам сказки, и этот, правильный конец я записала в книгу. Чернил мне предоставили много.

Злодеев поймали и обезвредили. Радикальными методами, но об этом не говорят, чтобы не портить впечатление счастливого конца. А принцессу тоже, между прочим, наказали, и тоже, я бы сказала, радикально.

Я вздохнула, вспоминая тот кошмар, который в сказке называют «Счастливый конец», случившийся на следующее утро моего пробуждения... В башне. В настоящей, а не во сне, хотя они были больно уж подозрительно похожи. Чуть позже я выпытала у дракона, что не так было с моими снами. Оказалось, что события в них самые настоящие, где дракон смог наверстать упущенное время для развития наших отношений в параллельной реальности. Гениально ли это было или безрассудно, я так и не определилась.

Когда пришел дракон, первые несколько часов я рыдала от счастья, обнимая живого, здорового и абсолютно бесовестного мужчину. Потом рыдала от обиды, потому что, цитирую: «Мало тебя шлепали, в детстве, самоубийца несчастная». И он решил самостоятельно восполнить пробелы в моем воспитании, да. Чудовище.

Затем я повидалась со стражами, которые все-таки оказались монстрами, как и все драконы. Ибо кто решил, что лучше мне сказать о смерти, чем о коме, которая якобы может тяготить меня годами? Жизнь они мне облегчить решили, ну-ну.

Самой тяжелой была встреча с родителями и разговор с отцом наедине. Он... раскисался. Его не тронули, лишь допросили. Граф Аймит действовал сообща с Охотниками с момента, как дракон появился в нашем доме. Он считал, что мне во благо. Отец был тем, кто помог Ринталиону скрыться, тем, кто привел его в шайку «справедливости». Первое покушение на меня произошло в качестве проверки стражей, и за это он извинялся особенно много. И еще хорошо, что я так и не открыла заветную коробочку, ведь, как выяснилось в откровениях папы, там находилось вещество, способное убить моих стражей. Она до последнего момента не открывалась, и это было невероятной удачей, потому что лично мне не раз было до смерти любопытно распаковать таинственный подарок.

Как горько было узнать, что рецептом смерти для Шайкана — одного из древнейших и сильнейших драконов, на которого не действовала никакая магия — стала я сама. И довольно забавно осознавать, что Ринталиону пришлось обернуться треклятой уткой, чтобы раздобывать тот клочок моих волос. Частичка меня вместе с трудами Охотников в зачарованном лезвии кинжала едва не убила Энкарнара. Счастье, что едва. Жаль, что тогда Шайкан поймал не ту утку.

Я провела в заточении в башне почти два месяца. Не только в наказание. Просто Шайкан отгородил меня от всей вакханалии, что творилась, пока вершили суд над Охотниками. Всемирный заговор исчислялся более чем тысячей последователей, и всех до единого было приказано выловить. Сколько пострадало драконов при этом не говорится, но я знала, что

драконы в задержании мараить руки не стали. В очередной раз доказывая и укрепляя связь, они отправляли подчиненных. Люди, эльфы, вампиры, дроу и прочие. В короткой борьбе против драконов Охотники не сразились ни с одним из ящеров. Жестокий и поучительный для них урок. Иногда я думала: а ту ли сторону я выбрала? Может быть, охотники и правда были героями, сражавшимися за равновесие мира?.. А потом напоминала себе, что живу все-таки не в сказке, а значит, ни отважных праведных героев, ни коварных пафосных злодеев не существует — есть только победители и проигравшие, причем обе стороны борются за собственные интересы. В мире, настоящем, реальном, не было мифической «свободы», не было совершенной «справедливости». И порядка тоже не могло быть. В конце концов, жить в Хаосе было гораздо интереснее.

Меня выпустили только после того, как показательные казни окончательно прошли. Объявленные преступниками против короны, Охотники были истреблены. Но даже отворив двери башни, дракон не уговорился.

— Ты сегодня даже не попытаешься сбежать, чтобы «свободно» погулять по магазинам? — насмешливо спросили меня, и огромная тень закрыла письменный стол.

В прошлый раз мне это фактически удалось. Моя златогривая Леди неслась так быстро, что мы умудрились оторваться от стражей и несколько часов играли в прятки с драконами по городу. Верная парнокопытная подруга осталась верна мне даже несмотря на разлуку в долгие годы. Когда я переехала в Эстдарию, туда, где простирались основные владения дракона (что было огромной ошибкой, потому что здесь у него было гораздо больше слуг, стражей, башен для запираания меня и вообще возмутительная безнаказанность), дракон сделал мне новый подарок — он перенес Леди через всю страну порталом, и мы обе были в шоке. Но приятно. Сбегать в ее компании было здорово, да и вообще это дело очень даже веселое, если не учитывать наказания, которыми дракон потом наслаждался. Он вообще всем наслаждался после своей комы. Радовался жизни, так сказать.

Вздвигнув от прикосновения к оголенным плечам, я поспешно захлопнула дневник и с недовольством обернулась.

— А ты уже готовишься ловить, тиран?

И все же от вида улыбки на этих жестких, как его чертов характер, губах я начинала против воли таять.

— Я демонстрирую тебе наглядно, что такое «несвобода».

— Полгода? — скептически уточнила я.

— Мне понравилось демонстрация, решил ввести в оборот, — он лишь пожал плечами.

— Энкарнар, ты...

— Самый лучший почти-муж? — бархатно рассмеялся дракон.

Я хотела поправить, что хуже некуда, но тут решила возмутиться по другому поводу:

— Вообще-то ты не делал мне предложение.

— А я не делаю тебе больше предложений, я сообщаю факты, — нагло пояснил он.

Мой рот открылся, вырвался взбешенный писк, и снова закрылся, потому что некто очень коварный решил, что хорошо бы закончить сцену предложения романтичным поцелуем, которые у него выходили превосходно. И, целуя, окончательно заглушил рвущиеся из меня ругательства. Это было одно из худших предложений руки и сердца из возможных, потому что сокровенного вопроса как такового не прозвучало, но оно все равно было, так что мое счастье по этому поводу вытеснило обиду.

Иногда я начинала подозревать, что, возможно, ошиблась в убеждениях, и живу в самой, что ни на есть, сказке. И выбрала сторону злодея, но лучшего во всех сказках мира.

Я продолжила обучение магии на дому. Порой казалось, что хуже учителя, чем Шайкан быть просто не могло, но стоило признать, что отношения бесконечного обучения оказались довольно интересными. А обучение действительно угрожало быть бесконечным. Во-первых, потому, что у многотысячелетнего дракона был неизмеримый опыт, который передавать можно было до конца жизни, а во-вторых, потому, что жизнь фактически не кончалась. Архимаги бессмертны, пока их магия поддерживается, что и делал рубин не моей шее.

Укрепились в этих подозрениях я в будущем, когда пораженной супружеской паре эльфийка-лекарша с радостью сообщала о скором ребенке. Тогда я была настолько счастлива, что стало на короткое мгновение страшно: а что, если я тогда умерла, и все происходящее мне лишь мерещится? Но дракон, прочитав мои мысли, что после свадьбы он стал, к моему ужасу,

свободно делать с развившейся связью, велел не думать глупости. И я согласилась, решив, что такого демонического тирана даже моя фантазия не могла бы выдумать. А много лет спустя, наблюдая за тем, как две маленькие беловолосые близняшки считали друг у друга чешуйки на руках, я наконец-то поняла, о чем повествовала моя сказка. Не только о драконе, которому ужасно понравилось запира́ть свою принцессу в башне, не об истинных чувствах гордой маленькой девочки, которой так сильно хотелось неясной свободы. Я предпочла решить, что моя сказка была о надежде. Надежде драконов на возрождение, доказательство которой было перед моими глазами. Надежде на счастье для старого и отчаявшегося дракона, обнимавшего свое сокровище прямо сейчас с такой силой, что мне опять было тяжело дышать. Он называл это «задышаться от счастья». Надежда на то, что жизнь может и правда обернуться сказкой, в которой мы обязательно будем жить долго и счастливо.

/9j/4AAQSkZJRgABAQEAYABgAAD/2wBDAAMCAgMCAgMDAwMEAwMEBQgFBQQEBQoHBwYID
AoM
DAsKCwsNDhIQDQ4RDgsLEBYQERMUFRUVDA8XGBYUGBIUFRT/2wBDAQMEBAUEBQkFBQkUD
QsN
FBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBT/
wgAR
CAFzAPoDASIAAhEBAxEB/8QAHQAAAQQAQAEAAAAAAAAAAAAAAAAABgMEBQcAAQIICf/EABoBAA
MB
AQEBAAAAAAAAAAAAAAAAAIDBAEABQb/2gAMAwEAAhADEAAAAAbHs/wAu3e9RH5/sKirJxyNdx3uQ
dMu+aGst4yA1mj1rI5BNwzLN0xzUbN61pRa1vFbrbtMNa4o8DmaSrN5tUdRzOuznN8j30A
Vg4b3PPXGg/qgWAWRwnpRx6jfvaEm87Y0VdHc+l2ETPO7QyGe5k3eJINDO+Yt11nKiILipl2
3bU7qZFo2MJRUEPM81kpbzWZ2+d6zrdaFa/1MkAgxVcnWmrBqWR4rbkDXcbPDvz10stU0yDb
l8nXPH1K86oSriwh2bJXExCUZfEOkq6gvROtzzTxfUdq6V49HR+7QGXYv3UBr0SGDtU5vU23
hqDQ+jRKadxD1oDxWKmg79AVEz8C6yoWThYDL54DK95r2hULnQqKfXsGki+QiYlGkfMnQsBM
RuTJyw8lgyW85AdzpSHTMZJuz4Hudb0vbKbov/dTHSa42zHyTM1NZa/qf1F8t6AIwslfjqM0
jo5VxhRRUF2juWiZKx5D5ywQaRFOV+2Un80wDFHbRT553gehvir5dR3zzSMVoXpUQ9pWxvLh
KbiBZg99oF1GFm9rb1NJxUG19GCB51E1bVXnViJrzZ6Cbc3ymyuKonNay0SiBEsvXs4eEkA
cy9K6cF/SARRPtVhpaCDKAeXQQTIS496Adr6khsiYSHDISDEBI3vSXotP/ZNRGaBnBharEYW
AocYSsNSRv3cntaOZ7xT54uZ1o+M0ddNNFdpSNUklhUtlYNzxUuNUdMHj3vpxPyBMNGUzgMp
xIL3UOXQI6QsYk59A/X0M4aqnajJjWkxFajDnq9km6kJQMikl3vODGvDI8sAvorznSDnuNc
KY4clUsJgzA0CQ5VXeUuiw6lVG8yKY/cbjumLmqFOxnTyG2eUtSoLTZvphRlsh3XJX54kZe8f
Vlybu2TNVwTeJNx1gcV8ZMGK8r+0/G7xayKRZjjWJN4HzPZrmM2pb5bNaNmRXPs43ukiBEkB
wOPg5+GmXzESvJqj7Nq+zV76YYvoKjYgTLCpOI7WLQE0ZzF8xxq3uRbgSdSLTnePPJPrGjey
qjuuiBjPRwDN1L5n0TWNjZSjxJdkUoULhXsj0XS8FnOFAxli1JrtFmUOWDW1V9iZnqEZIYS
khqrLeq2RhQSR65i6jZAVYtQnHZTNnHsMvnGehCGaEBGXGLocJV/JzflfQB0e6Vu8eUcMXIK
pDQw5LkdJw85Ho9Bo4ruNcqFzAiHVyV7SZyEVRwzX5+GTPI+mvJ4/GnzM1PY1WE4TjYINd00
3aM9MnVnDgGhg2aVf4f1NOqyi13gx5xGn1ihpmUijlAS3Y3MJTCqGobKVpe1L9WKd8dt8z0a
beQ/VLeb1vYFdCRChy1xrjIDGJjn8RKDsfbTzFAD7TES9d11GVanzQbBxbVnnerWyHXGy6Jx
uSsI9AgkWf5VRba7hd0YXc7EaFqomHk7IKuzrEb16q8o+pj6NG5CJPnrRy0DeW+mxZrOucLj
tLO5Saii9V3NpVaeUTc9vh9DaYg5aFle9fsHdUj4jFNt62mtdQQUW3US0WISpKHGJLqDebGZ
P0p5ytdvk4htwXTHG83EUJOFPe2jlsO9N+1s59Z4BKtYaOESh8HQJYQNF6NOwBGXTVVROx9i
0xV4kW14lr2KfxuARRMXmdzPjkkYNcf4YsMeddy8dNMhY4lhZcwOp+sZVmHAJOtM6JiTQIzb
XIxgruAhcgC5JsAlj4yasSJ8xNEKOWOGHNA7ctvPJrzItltiknmmoY8OkDyUVaO27wRR1whb
XyVzVmHp11lcNhsT5vbXxF8dJIX3B6ioHFstNyz0pReqKJVm4o5GAfbVf+d7IU92FIKpqeGv
CJcFEvj8FV5jlcQJjMY85zVNy3cImFhKhi+1Ed1ebX21W8/pBLKrdUqT4+2i+iFyadRUA+G
iwGnnNoXmeq31JKvTaBNVC5+fZvFKupvoLEg6QN1mWE/mq0xXHhpgEDE2Yqth85txij5+c2j
uP8Atp00ltoq7rlrpHscHtcWWPoCD6Hs81OKkcQ6231XJ2QB6VcR0u3f5TpWwAMbDWq7D7T6
ATuvLa2BoFEYnwludq7G1a2+Bg4S4U4Pzuk1UszrtupQCnXOu7aCie5yshMERm8ZJr9yqZUt
XFV5U9PtQ9GxRaLjYdPK61JTVlt17s07KJwuMsDgZmAqSkRqW3SCjjIEZ5WupKLzzNlbS4
XWtJ0qW0prt52j2OJqbuALBWSGhkbDk5pSxRaExHOP8AHXNxVsqmYLR6GypmUhumQnYeowe5
K/vPqk9Jo4rft4zZRB3E5Ydtm+Yu0XRzF+d4weu2/YfiiXW5ZYTnH6vUcoZO7ETgReLIQxb
O25+fyokaz0hmtk2gOqulHCmw52Pb6U400M6T3IM1rc7T567uuek87fOK7ye1MA0utpkBwPw

5mn0WJFAj/FIs2C5RLOIt2Qt7Eribjsj1GHNsci3bb0Ftt1+5BZLQ7vtPCzrpRLezOsHNJrI
728zMNzZeZ4/s1VmZ7Hh5mZu5mYOTLvMi9Wla5IE3GZIMnW8xXcLZnajvM3nbPMB+SeZqo3W
YYYpmdieZnd//8QAMBAAQQAawQCAGEEAgIDAAAAAwECBAUABhESExQhIhAVIzEHFiAkQTlZ
MDYmQkT/2gAIAQEAAQUC0cZo3SzMjR41kMkHVV33sgr+WK/Fci49EXF8Zu1ccxMc3bFGvFPX
JcbltGeMVvH52xU2+XIIf+CpmuDPuXlsYDwPg6Xkge5S+qvzff2VHJvioqKYRIxFyQ1oy75v
m+b/ANkWIecYkcoka1XunQTV0IMkwZEP4KxBkxFzf4SoFWTPs3OdMFNlqOnV0jUkcYlQibK7
APQWfvHN3xzPKY5u+ObtiD5LiN3xG+eOcMpZp6qc+BHTVraaHRxiaKgDsp+k4whaps3zX/3N
1nCnAZqKIwcvUEg736mnmjvVHZOK3gjuSkE4RK+mmWhV0QKAsHQdTOyz/jWEiW2nZIO5W745
m2fr+2IJRDBqCxhnHqa0CT+o7JBv1PZkbKmGmv8A7jGV1dGf2kyTXSpOQiK2QQmyui92IqKx
dK6eW3LItZfJA+/WxyDZjFjbZZB5MaOWDqenSpl/vHMzjkqHGbaJUuyXH6CYdrWZIVv/AIwQ
2yWHoWMJZn5TKsKvLLToyOuonggivxVxh0dTqdiv0ypJSh+yDGMk0spGjLIHqiq73TfQRuNC
q5Eq45hko4ito4yfTwaKHJoiafqhHFpqPg9LQBxdO0MC0g0+mK62FE03BV60kB9XO0pXjbn
0nFgC1HpsY4/xAIJ8qQ7qmfXCOXqKs612WYTNEwpcy77MMuRKmbRdOqtbFbBr5Bm1kXHicDJ
ThV9C8aJnNR457URxmtz7F43FnHagbo7KzupTU783As0f15Jcvq/ZSuEee98uwtysZn20zk+
ed7Pg0hoRCJvJvT9UDbXhIa1h2Gbxds2S6d0joPU74FrqGH32RzFj4kw51jyDRwXSK6uHYud
VOWz17RVVKEaZ2zW5Egd4SfWPiIYG2MTqIT2Xi5Fs6t1U1WtdiiXOO+cf7DxGjyFwU1mV6yG
E7VK83qf82pD6OFpxkeTWJJI2kewcKvFqOwfMoORojpg2T5wOykjXdu2yxmicRwq1S0jQk
ItD06mVUwpSiqlgpNjSwXFjQqX0lQlIn0xpl6XEamhuAaihki262uEDU9SSStPgMga4yCvRZ
TEgF3d0UXxparLPn3toWzlv6vto15XPHHsylv0PFlwVq2htLTHSrfUVl/IHMpnj8D39mL7PT8
wU9uO7ntXolb5R+6KvJX8hZ9tIly6t3XRYDG1EfVj2luObt8F/6mvVkcXOceQzpD0rpRdRSJ
ECMyjmacrtM0haorIGk7J08sd3DLKEOyjIvDNW8/zOI1Okir0+WBJ7w43fS5EFISck5TjBri
R/o9ERNt3eyvWPySxgRqx44/iwo0hV2zm4q/Hnt//wAwZLgZpXRsvVh41dFrY1rKSJG1JJsb
CNojUvb1saMxlmx7UxJPSyayPcR7bQp0G9ycOqxgiWDNm2Lm5R2Ktn1M8KU740dkexngiZqo
8KQ2TY0/VkSYIqimmDhxEs6oEwNjEGRlscIpJ1tCIzwUPjhkg8PTqO0RphNRWbOARkNtkww0
4rowW1dnpswlIJSRFXbGe2d15FJ3f8AyDTJEL/vEXpuGqZy8Y6aYmHmPNFczfH+qo/fFTGC
c9w28npeHRqorcjD6g5l/Xjg4pFYpdM0pXrXUIJDIV8hWrraw6LNp1kKrtSiZDRGA35qSRjn
8SDLsl3VtuKj9Z+8451HIFHfG/q1d0Mzzx84XhuwrshQR2i2tb2iBmds0hByo7xbOkWz0ytR
bW2I1rcd7GmIu899eCW+fFm2F7G4W0FFFEaXZ73YZ3i17dYBOQtbVX0+oesqYhkmxmcVPIvO
dHdBtVUavPomnBWcngEpHOHuGSrkj11yL7BiryYj3oqlcir5zQAOPrgWb8cNeqp/JrftMm0
skrjOrYZWkyeXglz9pJvXH+woZfeCTP5Wj8gObn6wI3HUWn4o0bWgCafXpXK13FselQzv9tL
+QaIWRYTDEzodGzlvGgDNH9psIkV+NJn8cf+2S3fjqV8T5bYZm6qCS0dYCsw1XIUNT80M71k
ezBO5BETpSoL/wAv8ih62mkTfHh2bUx1NLqtMpcsuKN1S3rMjssxcS1stYZwM3cOqYowR2lc
KWwhSWoY8g9ISsrYsl7s6a/H8cP/wDIMjy6ofsbUrRGhS6l8UmlJRWyf1jHcSSPAGu5iiu3
FPTpSYZPy3MX7OIYnoTKyNvXUFmV57a2LKjmVvGMvMvbPSVLPfkiGUYyCf52AgigqXMcEUB
kxUan42jVV4rm+fx27bVpPKRX9OdrMj1xJz40+rhjZL5ZJXgZ/sCET8IX8ZNg3mGET0DI/y
rYfbWrnetHK4E1AQseqiNjPrzjk5HXJYIE+NZ7m+7cQiTD2ci9PPcljUDYjjiZBRr/hhawg
ej8fxz51cvmO5+x9Y2PZRI4e/i6blrKDy2fM/wCsZN4cM/J2/wCcicgw99heua00uSORi88h
EUWHaljDurJ3EUjYdaqJImtaAX1w6uEOLBkApXRpKHsJU/KmujPNcSYIJo9hlAbolXUZVVM/
jn/2aMvOKdfTUlu5AohxotFH7UJHbEMnIdc9FJGeoJCecX/hCYnLqcsfKY5LDQtmSP+k5NMk
606eT2dV5h/XsiJsWXXklGsktr1m0McgmVofqZpxRmx5xOBZbH1921nVKEgg8vjQBelqiH65
JZsO7d0ckiR8lnqhlzfkxCdGRa/jlRzcXvJuwZlajzkW0tR5CuOMC9sUNHdITK2rKJ08vdGS
O5y11kQJDxJLTAIISDSJVh1BFbCnJKamPlo5xZjiBTnlcsYqLmn5PZXq/hmzPLtQfnkk/K
VFxzt2Cf7TvUhF7qsiSui7ulbiS1XGyPL3sVYEA08R6hwwRNPxBxbw6DiyGdMjAL0hx0jDro
fWHIWJGJdkV5suJvcEquirnEE1ksDUZpiiGGCawVxsYuyyFbJwjua3zeDYDeYnL4Y/kxC8SW
CburCe5PxuBKcPO7hocn406vN2mJe4yNRzLZjzQJ7XAgylbgghezagIXJDkCeywgDe1YkSLE
uYYkExnn6s5U0zpn7Gfq7uwYFiMxM0TepYQUZvMvGIdY6iNy9APwq+x15hY/g+yTkRuXQF
I2vWR1R9Q1bRi7VjvZXE971sWPBmyjGkiIUYxyFAILOJGlqJYbGIG7J8RWThi7fAQs2ZYjW
1MA9xDZj9QiV67b4Iz45KSQ+SCxfu+WJWSOXhq7OVc/Y18KN/Whj/wCMliYUNEjKqXbPrSs
FctllPyJwl6tLvcidEdZLmo4NgTon5lbKmxfeYNzJTD0jXD+vYF0MfSHqC06Qng6w+oMOJsi7
5/qmTpQbAnqic1xU2XfjhDcCkwDuk+T+MkZ/EyDbASpbxKTdXxDiXDWLSS7QUYqSdxnbK4q
FRKBZAJBxt9oEqSFrrjuWhKwi2M7ohmSHSndxyS68z/ABnjj/qPI/BIJGx2K7ZCr5IuOX1
j09RecIvIYF9LJE5CiqKN03GTTsoZlpWcMt3J0JbSkGieolZTCqan2FAIAjo0vqSYiHCGfMh
nPNLMxjHEdyXqtCiN+FTIK9SJciEG7wlv17a5vlabcmryx6qN513xjuKgA6aeQidMQkHFoq
5Y8gw35aP4Nut2tPGJydyalJ34xvsiNjQLEg2isiNKHuRY81qZKMr1Rds7qRm68UzbAathoE
trHLIG9HEE9MFjxdOI1qvEFjjH36zB+q9JGvgco6DlFdDqnve15uGfaNeliJ1g85mtE+UIwJ
4Ea+u1l0qV7o1ohmujiFf1RPYuLuulPfNlxJyoisxzs2XbHi6h9t1HZSY+Nu2Z90M1Vp5RW

thTCUNVFPLNgyT5Au7MVz5DHVVK3vbivlijQi2QXYS2hsDZ3j4uHiHO2MPtwz47+qSKQLmw3
MNPd0kYx7Y/R6yKF2cVxW7fAUTig+WEBtkfzNvyiHwxXZCMkaU8olynvCVM2iu40Wg05bxK
qQG7hx66Cbtpvb8R1JHU9jCR/Y9yYTTTTIVthO5Nt7KHYEnTwSYMu8htNdWAp5nkY0ko7ZQOo
xIvh7G67PXz/AMkxn/Wwnp5UIZXmsLCbVki291VvpZysVuNGrlWnlbKj9tIRFxUXOC4JuxC
D5o0PVJIrgELMemRIandqF6DdKN1H9byschckxTRWK3ERBhQXVGvYIqvJqf6b+8avgbCPxta
bbQ9f9afSkMILJsMuojp6OqMsDTUaBczoJRaestIscMOka9dXA05DkiLp+JF0jc6XSusGC/x
wR9w2AkjSgDR2PBxhawpe6i1GlerJqNN1woV40ZtL1MKbHl3dfEkPENz1CngrvfbfF8ImcME
aLHAImi4lhu6EaLH0fHtxLCrQMn6K0qEFVfxdR9GoloKNGWxhP1TQ2zgV1ldvLpOyunx9R1M
8dpbdUaadhbvDky5neTE6QMsJ6dvHkhl6hJiiQ9MnrTN0dXT4km5qHCFfUcV31vbcAOfxaXy
9HevxxTGL4e5Oau92F2wz/CHRo0N1Mh1YmQmWsWMz+qZSZF1N37mVNXqJthFNBkRyL1xE5KS
fxWok/kNIc/C2r25ay0pI8BpLax13NR+oo4HGdW6X/BqLUApIHGR0MHICJ7Y93IU2XGu2V70
aj18o7bEXyVG8gbctaKrLcRfwAbktyaPpByHNJZKmrdJaepHWU15eL3E3cA/RjxFWdLEBIHF
fW2ct0KjuKyQsJBcf+pI9U2bayJ5eohMY5nat9KL+838r4+X47Br4VeKcvDXcVvW6mqmImaZ
AMDdbKxNYy0/ejxvTTk+mNUw7arlVcitr3TSVel4VwENYlhY2tskOVrSaEFQ1FI+N/Htosedp
SwhxVgmSKOsOaFAgkmk0/o+HbmVYYK2anl23J/L22XEXP9L+k2wi7u+BkVjq6KafL1BNaDF8
rXV5rGXBuhaTpq+PNt7C0qfvLOSQch9xaJWuekp0WkhX6yNNTzHeYmk6VlpKsraVqi0KNZ5L
YEWxtLhqS5lhG+vxLEWndNnL1Hs9V22+Oef6RfjHfZ/r40fLZWTS6dHKctJXQsBYpMkW/roF
ja66mWQdKapi0La8y3lpdWbrOytrT7EwpIngtaRtYom+P8A0wW5FFBQ6jj09Vp/arp9IagB
QXMid9pD1bMae0X9yq98Jm++IvnBj5Jumf8ALFbtiObhB8U/WNRVyr0tMsBP+jrsdqRi8q9R
2Mems7SRaGb+980y/i6NXyJxXoLS43vXnA1ESPEEWj5yDdYsDorKJUssdKfTgqsqLJZ2pHRy
FkJBj6dybKLLkc+OKJOnjl/Gib4jfCs8K3bGr+MbOairYWIAXF/LuC8lyOJxiatKyC394mDY
BYITuC8uprIwZBziF8OgyWxMhS3Qpcia88hX4wijYzU9og/Li44rcEuz8R/LN+ONfi78d0XF
f03aXI2vjzpZLI54yBNwa/NLgbXiO98oxU4Jm+MG56Zvg/D+KhJIsDSAtanF223BG51VReq7
F2bjXbqrlzmmb9NOsTG7Iv6zlviz+8XZVI/jpJEVH5WVZrGdqOxCRW7NGoXvVzHM+Ktsp9Gq
bZp5a9k6UjjHH7I9ERWruio0KsRTkINBk2bjv3v45ef3i7KmyY3dU/ebfC4u+1fMS0BNrz1k
qNAIX06XYgpYUtYasKisEw7URVTYjOC0TYoKSQqFkIrIshuIdzHbjzrbfHp0t8Yvn428rn/
ANMa5Wq5yOQbHEUjXDvR0aiqrIRdshassYMax1LPtBPRnRzYkd+GLEOLddk7VtTuvztv8Jw6
f9nU3RF+G7Y9/P5TAkcMurHrJqf7oviD24/pIjEldfIMc5X/AAljHE+JSbF+K8iik/v45Luv
6+P/xAAyEQABBAEDAgQEBACBAAAAAABAAIDeSEQEjEEIhMgQVEUYXGhFTAyMwUjQ1JywfDh
/9oACAEDAQE/Ab3C1MTSABWwIMpbUPytpq2qQlWQwmntNBK2keUtrSvJIQMIVuTm3hQsJ5Qv
RyDSVsKojlF9q1atXpJlyApA7nEJjO1VhDhOiLG25A0srkZRAgmPIf1KkWbnWiC1qiLHOG9O
iZ3Bq6iQSVXohptUnKAtbSqVaFVaquFTqR5TJnMwE0ggwFvoLxk59IXS3LcgEU+KgLrR0VLa
WhcqvJQVIhUmgOQwdHzvkPcghynCuPICg7T6KqQCZgqbnCyEOUEALyiM6UqVZUbbKdG3bgLb
eNPVcJw0HKHPkCIpUmGinOYxm61u3PtG7QqBZwnADrvKCIR0CcdIyN4tPjDhQ4VZwsBYKH1R
NoMc7IC9vdfWnII4QytpKjJilop0TDB4pOfZfTOKeMYTmuamWU8+6PUbGhseNDINKdoU1RC3
BdQPDltCcPYnqN8lbi1yFPHYRZnsQirLk5ocbPkvydOQDuK6t3iGwmU4NpSWNO4cJkoZyFNJ
v4TB+Rfai+iQukNGjwprtA+iy3KcUXWgVWpF+Td6LYLUQLDhGR3szlYThhUFhUumi3HIT+k
bkNCb0AGXn3+yk/h/wDaf+C/D3Ec+33TugeF+HS3kp0XhHKg6VwG8p3Serj7fdhf8Z9VPB4J
Ug7RqHqCbYmr473UXUh5NDH/ALadPH6nOfuvFBPiAfNP6sRdpC+NacAJ1SSfJMc1sXsviW1u
H1+1KOuY3wV1kgen5YNb1gO6MsCii3uypOoIeA0rwWvG4/9hfDv3doUHSlljanazb3qJw20
OKUzegQikJ4U0OxuT5gSDhRMJi7fVRdLTu9PkJjTZYyUeoadzSus8STNpjmwsBtCZrgotryf
kuslLyWBbSzDkT5IIN+Twj1DYE2NRzvc0veVI8yEuKid4TgT6oyxMBc1Mne04UsznYipQdQ2
OOnL4sB3aMJ00Tbc3KL42Vegr10mJa1sYQbvFTV1Ega0Rt0hi8Y0mM3ODSaT6Y/sNp73SHc
7z7Hbd1Y0ErZQBjYf4rGD+XynO3u3FCs2uik8KTenuL3F59V9NOPK7ldNnopL1cpP22f4/7X
9LQcKP8AUhyuo/dcmfqR51//xAAoEQACAgEEAQMEAwEAAAAAAAAAAAAQIRIQMQEjFBBBmiIDJC
URRhcxL/2gAIAQIBAT8BUbo0Ek+RBnMc0/A9REmmNodbOPk4lfRDTtXIjDJCNKholDWGn2z+
XoywfHtMmk8klW2nqpKme5ElqRqI9CyrKxZbaweq9Wox4rslTedtD4zo1E49EqY1GTqPZ/H8
2ewexmrPYHour2h0J/sWmo9VrKeoN/I/w0MzHFNE9McaHOZGcukOU4umc5jnLbSdxLS58Y2y
TWpNyHGSj8RTeL7NGLgLUlsCyCpUyUIHwe7B9j1oWT1ItVW0MdEpqPZqanuHxbIL4j003bL
Mshd0RgyMUxwTwPQjY9FdmPjXgRGVSwT+WRuklJ5FhbR7HstSUfJHUbL5DbRNU2UcIRWD8S
XRCpPJ3sxLIeRwYm49ilZ2aqdEFe3LBL7Cfjg1te2nLFGp1gjKXLs5KhYFKzU6lyRgs8D7+
hHQ3yicc4FtHs1dTFCFu+yjwMW006dGnJ3bExPAmNtMp2J1tHKPyFsjCLRqR5wFJ8+Pg8Glg
tNmoQhfQtOty9oDQt2eGafyhRLScJZP6IdGYIXl5pD1WutoD+mfVGiuKpk5cW7I5Mia8ksi
wLZOHO9uL7K87KHk4nqOsdmjFMAqmcItY87o5scrF2NVEafgnDmskNFLJODNikcmWPobEzm
KZZFM91HLksGu2/ijT5RHNI4lu5VsijicShJsX6Ejh+y+CPJWRvwiiKyVtW1DLKE8jkSIYmU
xJFUJV9fkchKxlEaRlnEZFIeciR4PGzl4OLFy4oWDuxqWEhpEa/ElCb1uV4o4Ci7OJWz/raO

ciwskFfe2tqe1Hkamp7cHOr0j8o/JURioKorZbXvaur2410UJcVSZK/B6zT92ChfIEVxSR/o
3t0d7WRPU49Vof6freT+T/6PzYhdEutofaif2i63/8QARxAAAgECAwQGBwYDBgYBBQAAAQID
ABEEEEiETMUFRBRAiYXGBFCMyQIKRoSBiscHR8DNDchUkU5Ki4TBjgrLS8XMGNFTC4v/aAAgB
AQAGPwJldxmYaLTyPoBUe191q7P8PhW7q3fazcL2o2Ns2hp4tpHLl0zxG6nw6jWv29Dm/wCB
h3F2lcdkVEuHRmVz6zmgtxoCU5WRibg6cbH6isi2exy6HjRB+vX38esxzI0Ugscrx116mWN
9qg3Pa1/L/gCLDxPPKdyRjMaBeNIBJGo40FUXJ3AU0E65JV AzL8Nxex79epNvBJBnXOu0Qrd
efh1FQwcD3hx6td3XHiHdMqRt2VW2IOsS3PvMu8mo07Wxc5ikOvjTAxjEZiyr005/jTxRMX
VAoufDrZmhWZNxDafb3gaX1+0mJw1tsAQubXeLfnWB6LIDNBhMeuDYxHKbuvbN9ffVzU/SIM
5nw5r5JAM5KIc0ZtpbMefA0+HnmXGII26ttUkFmRsRsbHT279o+BHFU02AJWWDZzLtZg6up
iaQ5ezrBLWHR32rhTM8g3F5Dna3zt5fbe2ZZRvDjRPPjQmGKjsb9rtXB8NTwqYyTurOc3ZXj
3cqSK+Y2ynEb5bcr1zNRoIIUgkmQXu3jVUj0pkdSrqbFTvBoR4WB5z9wbvE0Bj8X63/Dh1q+
aUDkL0fRSLh24bUZIPy3VeVQ8fCRDcf8AYgXzA9mp5osXJHLM+0kZfea97/ADrDumNlBw6b
OLX2V/dvkOVRr+mS5YpdugJ3PvzfvmEdYhWxbkYj+L97S34aUHncyOFC3PICw+3GqNoXzOPw
NRO1nS4O6i5dWgFznDC3efw+lNExViOybHQ8j1FkILr7nGjTTzkphI95+Ks+HwQwuDjIXt6M
fKir9A4xW4za/wDjWeHMeGVjuqzeok+FtVevXwq0Umhj7+6gYmz4aTVG+XhJIJ2lxD5ttEUt
s+WvGpJ44bxRgktcDcLm3Ow5V7VLGD2VFaf8OKXbLOblWQX7Pnx38Kh9cC0ujfHcOpspsma
mly9kaf7U6g5hfeKDK2U0mwsMk3MnOuwrHG4Qc2Jk3yHuH786EqymWWKTaS7t/H6VtDdeTo
4Kuzf2iJMQueEaEjzvXro0VPiYW+lRwl5bvU9S9gBzqSel5jh5szju3Ej51pc17FAzdIphJP8A
COHkf6jSmK9NQyMYNyejSi/dqKdHQ7c4PGHDAcUKWa/mNPOo5yuXFFcSFHa7eXJY6aC2bzrGw
+hTyHCSxRgnOu1LOy/KwvfxTWB/u4Kygkmtf6d+zXv8A8tTYd/OhMU9JikCpthmAT1GfaeZ5
8jWHlms0jSHCWDHtSGzA/wCXaedqws+CbBO05vhy7XdMgGl/vn5V0XhTgcTM00QefEgFVXP
GGGu64NNjvQ9lOkUr+hXc3yyot/qfnWLSBDI2R/RyDfM5vKP8sQTzkqTE+gNIYBb0UM129Yq
anmO17Om6vTcErIgWLaYbKx2eaPNfNx/LrjSLLh8oGbaNdSf/dMonA4HMD2qX1pZmsFVNWR
4GNghCvIzeIIotOyggE8eqP0VM2zBZ2O5RbS/wA6j6MxAXFSYeMNNp2Ry079fIX9m4mxXEoy
KOB5D8KCITNhjoVb3TVyixtAsh+dD0fDgyDcx1tUwjo2xUu9uCj14ViYfbYwszd/wC71awF
EhrAixNXv1KQzdkWBzHQUMjugF8uUkWvvrGQGWYzzvFZ850Rc/Z/1Uo2smVNwzaLzrZtLIEI
ylcx3cqW0OH2gcMZZGJ9/cLfjWf0iUupuDnN71k9Ily7suc233/ABpTicRPs2uJGRrtY799
PJEzXRZvVpn9kWyjzsAKJ9KmvzznwoI00jKBIALaAdbLHJdlsFKixO+o9szSpa1r/hSkplZV
2ZDm7aaD6U2IfWOBb23X5UFY9oi4JqxqbGQ6YrEzGx8DYfnUpXV39JftO/FqgkHYCbDT7Qd4
40zLFmVnO7FWT0OQ8rRXo+klYuySsCG5sPiapFhBzhLDIDv5isd28yqqYeO/LPej31Y7jRuW
zX05Wq1bGNQWNzqbAAC5NKj5SGGdGjOZWXmD5UNOFS86760vUK4h1GLE5eBdTGNLX7zrpwt3
lr9K5j7Xbb3eyD8wazOxQBTqBeiGzC3BzrRizWe13OS9m4CktYFdbig/zqEYs58Vq6x/4d9f
nWLwskeZJLOl+BFHDYo512fYc++P1rDTzyaMM1vduSbLbjprXSG0ly4XCQGQRWHbO4Vgo8Qx
MpQyyZt9ritnlfWTFpAKxGH91JiP0oUtHa5wl/cAv9a/iYsafAh//aukcPh2e8+Dkih2oALN
obb+IFQxnBRYvG4GJmkw+I9xXZ21vusAnhmqTCw9G4UTZMwZUC7nhB8PaeohJ0bA0UkUe1cY
dbKbyhs2tkZc1t1dETyH0SLEywxYRquVSuRCzr3XNvGtrjOhoIZVkmC2UBRAI+zJv7PG3x5
RvvrisTL0XDN0gkTbfCABVVC0tpO7shDfw51MmNw23EGVWRe2uaTRTcdxL+VdHRYjoqBJZYY
iZGQpmkDtdPHlrX4ns1PfCQRtbVNmdkFLAw+stbTTtNYaXSukY8TgYcLsjlJMMYz7PbqsZ1O
txm14jWps0Aw8MjsmFRb2QxH5deym7MRuQ3Kmy2Y1QQUPPd+VJPOqSSfBiG/LQ5rbqdiz3Y
L40ed+NLKIy+Fw52kz+6La2rQli5vSTSKPSFGVhyatsqdqN2jI+EGoMNH6r0ds0Vzpbka6Q2
qWjEKGQHubN+VTMx7TDT50uHXIchz59/ITOzZmJ30KX86bxryNNTDjepG4Wo23V2r34UeZpk
bfXDb6mztNpMk7EjeyhgPLtGoJmTZtHEI7Bt5Fzf5ndV0IF7Ds23dXKteqBua/nTWJGvCkf
fY63qOO9/eNt1Z5ZfR8Ehs8nFu4VL0dgNnArR5EC/iaNhnk9+U7ybUnSXRjWeRQWHBqxjzKI
J2sJEv7/AHUL06aK7rk2ndSGfDSRTRtu91hzB5VMx965oWvv1vS8qWm1rZiVITIY5nBO4X4C
opVxCYiKe5RkVhuNve8Kv304Ug3oi2+l0RdefZvaJ58agSM55G90CoI3nXE4jtekbe3VN11
vxO+/CkLo2QakjiL2rBYv0hZfSgzCMDVfOu7rH3TS95o2AN94Nelzf3XAXsZLat3L+tJhcLC
sMKbgKd41vJay231siloy2UfnUvReJtnjuEvXFCVQMsyXOnGtNPCr3+dbHF4UTx9+hHeDvFN
Jgjt1UdlH/ieHfVr1v41prTZdL0zyyKiiGW19Ndm1qwbrcLDjI9LSyKCqbcI9D90r4i9qGz
nwmGGEeQ5jMuYbRL339lg1wL8txp50fb+JSPiiGDIzMHhQ1Uf19o8ra1/cJoC46Qcl84u5bK
c39I9nl2e+sQ2HxGH1xIlmYuozjZSLZfMA/9dCTBSYTP6GkZjlnXMF2bAhhbtG5OmmjtXR6w
4vCx4Z8LIJY2kRZfSPWa6+z7naOmgozNicM+EYWmiDAsZrx5T961j292jbs2uGef4NsZCf7
7JmRhLBmk7A4OcuXQcxYrB4fF7JsLFHJg8UsciuQVG1W9tx0lrG4t3RXvtCjSWuWbcg7r/If
YYcG30wUGwXjwoyYrs4GC204Zm4L+/zpI0AREGVVXTKOVaU08/spur0qbl6pM6r+FYfEYRsm
alG9QQtImrluXz41pVzu514Vl5i4pekohaPEm0gG4Sc/PqY5Ve4t2hRubeVd/VNmf+KQX77bq
ghIGWG9rb9Tf7KoikudN++hdsi7i3KsfH2JfXt5zKy9q+oJHK97VuoZtPAXodV7E+VHgeINy
WG2uXbyd7N+x8qeIm7x8eY6sLH7hfO3fb/elOEghnbNmbj8PkKh6Pl0mDrb+njWnGre7+Nc

hu6r/AaxuE37RLxnk29TWvXs9LXv39Z+z2CSveKEZZtne+W+ISFEEMUK3ZuWIX4KI2/zLS3F
xuPjStGRE9EVZdB3VhMLxxEqx/M0wG6/04VcWF0uDR/o/OocRjLMY3SJT9TWx3kIb91JNEvb
IsDyZa/pUaHgtqA7qf50Gph5VHff7J8qxCJpFL6+PwP+9+rd9hvCmtw6ib0Ncq87Xqw30L8N
amjH8SY5N/Oo1Qds4ZiV8g4/Cu8Ct9q9q/V0d90u/wAlNOebaUvgRWX7v516V6Rs0iW0ajf/
ALVKDviVHYrxv7Y+orab7gW+tXqE/etQ+VDvWvEU45NXXRuIt7LPGfA2P5Hrryv8AG1RrPM7S
sR2Y7ADTXU6GsphCpNmyyO4YKPiy/L61kE0cubNbK124cP3u8KPM6WpVjGYkXq3Kiz3e++/G
oVhUofevxNej7FUINs9JGEOT2rXvYVK6KJMdItiLaKGN72/pVf8ANSIXzBxfw7jWRrXtfsm9
uvDnlHJ/21GPuk0e6pZWNgIr61BAjEqL3ueNYsaNvU+FDNvtR76Q8iK+tRGivJqcd1Bv8OVW
/L8601rMflWhyKASWiuPGhPMXji3xx9x599XaTbRq2hZRcUkDC3GM5b2/W+75VmKgMbZ1HMi
4pZhvFNIdY73NbfagQ79ajMTAHnepIp8rAb3pH/iGEaBePjWaYgsxzEDSrDdU1mJ2m+/Hlet
3VD/APFJ+FR/HUId16lEr5IyMrNsZyVXIRb533mpL7nB086FMTe8step5GlfmSHmKxOF3vJ
E+T+reKvbf8ASudWGsmJmEI/pABasokJiy5nV4rZfOpZW9HTDXsL3zmtn7o1Q06S7nN62HG9
qsrXj42pTrlIvvoG2VL2vTvLftguuU6ZhSGCxDM+lYoAh2McaC3BuzmP4iixsL6WpQBru051
/t1YQfEsg/0Gom+5Sd9YWKPtZnZiL+FLFiHXJKtso3LTvxKqfy/LqVqHI6UBxGloVovDWOZU
HdWNitbLO4t/1GrV0WvwSufMipGwuGMrstjs+HfUQx0Oa1zlfSs6IFjV8qjupSfdNqXF+4bb
qnYw7SE62pVSMFLFlyMpF7i96w8CoIo1OgShhBIOH07XUUVhMMk8W2a7XmYKoAFJHhsOBLI2j
DZrmuL38taeR42f3Ua2i1K5kCkFRbjW76dWC7lk/7DSd2lYdvvWqN97EkDxrFzl7yqN350H
eBbq8K17u1TfepXo+FltdmzPz4Cp+k8MzTRuxeZG9pDz8Pw6lcb43VhRxCTQWI02rMrD5bqE
JcuQNTTrr7J1vWZmXJe7XrlxvE71JidqrhholHF7TzGDSOtthBJH8W6pcPhc8rs9vVjVqTE
Yp9tGRZFb3qb0jCL/DUWzZmQ2N7kbj3Vlw5M4a3qxfdt1ZgM9udHsIO7L1IeUMp/003jUZ5P
ViLiN72+dO6DJKXK2+IufvWNCj4UYzubs08Z3ih1d1C3ZjFWOqnQg8aePoyCM4Bu0sjiyqPI3
5Uh6R2ZhLXIhKzEnl3UciJDEvuxC1Zb7TQP43oWA2zd26gJboCbM1GbaZ4b7r1nE3YUDsXqP
ZOEJTMbzpc67Js9iafCInZST2zqWpUdm2AYMVTQ/OsSVyYcuVMcLallBub/LzNK2HjyiONLu
o+6KvJHYMLhv34deGHxrIn+g1OvI3qQfCal++bVEOAkt9KHdSmjV6SZff1r6itK0urnUV9d
9S5zplreL0ZpFtnWwV+A5mm19kHjvpO0JPDhTRKc0LGwqaZO1DbTXU0ipoIxuvUOGK7K5vdo
L90a86AG6icoHACgmbs8qVNTpavY6ujp/gxCE+F9alXnpT/eWol3KLs1RleLbTy3dduq/vRm
hf2evWt1MInVajXu1MB6yRtCzj6BfzNR7TDxF07Ra3GlmAzGQap3a3FHTtbtHrDGko47hSo
xUyk+7rlH7/Co+zd7e0a0Azp7yaCjJPcFf5ltVPIQUSbZLkh/P8A2pg0UUloTbO1u1zrDn0e
H2Le17V1OpqAnljGEHs65t+/vp+kJtRbsZuVORuJPUDyoSqfaGcHypT3U9t7mlk5LkPIR6wa
al7nFqKneDQ95OINGJplil4CTS9XtpzFAA0Y1SyldStRQPZXtcd5qWOK2c20PHXcdW00kiDQc
i28/ICozltKTb51iMK/aA3HkazSOLouZtNTWSPsAng2pq5XIfiWpG00PuVFiMOMqNoQOFWrS
MhfibsitrlCwRG90ItfkaOHw1o+4aUAejJHNvaudetcFI1sVhh2b/wAxP1FZO+pRuN6mTcDr
avKj1A0GHClmG6QX8+qOYC+mRj4bqyQzPDXJU7qIuWcPY3130AbLK9s96yWLNq3gKtTSzMVb
RVC72PKrydjL9DQVIWuY2zE8akQrdRbda7SqqbjWm61XUPfxpYIwQCtip3W51aGLd/Mcdpu+
sma9vbfefq791BU7KrZ499FpH7V9Uvr4XoIMLict9PXVp1LJG5jddzqbEVgp5TeVoVdjz0p/
Ggw4nX7BHU8fvLqtamp0UZnFpFHhv+ILGBnsbuebVID2hpm7/wB/pUaOTlkHq/hvUuZ1XJvU
a6UrWAV++9dGhv4CP2u43rZl2TXta21pxbVGck1G/HKqSAfFahaQRyEe8bVscRmF/ZkG6rHf
TAXseVbNZG119IDIX58aGbRF3KBYUFB7RpmOpz5K2Z3p2a1F+vDLxXDIP9IrNzrX7HceoOPO
tPZ3ilPfaIn8nG3u/wC9Ys7gDKpX3LGwbNyYUs0faz6k0o9FO2vbNUM0GbKNGcbqa0fqVfNt
OVv15UQLW9s33k0u2JaXNnq03s2tWxC7Rl1t8QqwVo4r6tJv8hWvYQblOlqzXGTnRPsjgKzn
W+gFYdPdMhfy/d6aTYe2c3Vu159SNxaIGn7jQ+xu3dWWsp9pa/pNMFHtDOT30JNQZtCK3Wt
wqaK19kxHjSBE1Pv2on2132vvNtB4bqTayasT4ACi5t2NPE013ym3ZqT0glOVbNzni/lniKz
iV5B8WfWva9cPjNwZ5iuljuq8vabgi1qpNvdFFLqsfT/s0AMtvsYYX3xJ/2ipAPCvCjQ6ta
t5UO6toKvwqIbwNGq29t1qJ3k1Kwvs5NSDzrJnCZtNajR1zG/s1hci2VmIt3VkcMwY0I09oH
jShoJd3wUqO3b+G26nzN5VJJuTkaDHtc7318aZDso0LfB7PnVlnvGb2Hs8aD99aajxrLfTl1
b6iz4eWKSNAIJYjTzq12izgN6waa0QGDcdDVjTA8KfEG+XNs0Ue+28+AHZ1A031I63V4bF4z
8JNsw/TvHkqx8QSe4Dea0qzbq7qnxJOyihAzNxudwHfp5fjiZWziSOVIkjuDmZr/AHeAU0do
cwDZVv3aUttRXrVFjp3mjKigdm2rXFr1hZJfWiPeOev+9Z4lVeJAXW1ECkw8xzTJ2VY8qcSO
pYn2hwp4tMyXvc0LxJ3nMa7qtet/V/DHVYUeojgFF/8AKKs181WYiQfeonZtmPClW0h9Hlhm
aQZwe0rAf+P1rGLqI5sNiguN+VP/AOa6exLjt4bCmM9ztp+F/may4aAykdCilq2qYd5ItNw
Mkab6UFja/silw2YIfSJZGDaXBVVVu+1mGmtYRcPybV8WwPJRZb/ACb51CHzZstyFuT3cKtc
qUYZgUly+PKMuV7KgsSjaA8TpxojDwPIYiAxZD2b7gdKnjXCzCUSaw5DdOjV3DL2Q1yhHZv
7Xh31GoikzuLquQ3bw+tIk0ckWbtAmPBipgjZfGIMuYOR2aVx71e0qkfFR97wN/sZ95767qU
7II3U+dM+INwzrfSnbdyio5GBZVOTqjEkpmjj9lAuW+t9T/AO6lxaTiFo4su5CRYfKul+j
cRnU4tVKuovqDeknmEm0jxMUy2XN2Qe0LXtftvpcHZ5MsEyCd01Bfcqi+i8fE1BNlzZHV8vOx
oRBZLjcxOo/f7vQxM0eZHiMRVF/h6WFqx6SM1kiQ3y/85PkN/IUrPAZg6ohjO51Wovv/ANWU

+VYnsSyyS4XDxrmAsXjy3J7rreulXCMfSGj1liDgWOt/38qxDkTQFsVLiYzs75w9tG10It31
hoikgbDwQpnAAJK3zD9DwrCSQibLhziLRlPbD7gTfyNYZ4rgRYaKFhalio4UWLM2a1yaTLmu
vP8AfdQ9Xf8A6qkBHZ4UAD5Vf514dXDT9aNHKfLnUWChhtprKL7h402GjImkVxEuT3m3VJhZ
mjd1Fzsz7Om7qsBcms7YaZU+IobUye7z+wniKuosBxoX40Oz5Vl3lnZfV8jxpMqKkZPhfvpX
UZkXfal4i1FYkaT+gXp9pFJFfdmW1byaYe9SdwpwDpw03Vbdej127q7Kmi2TTvrFdIyAZcFA
SvezaD86THYw5nyNMg45QNZPDgPOsbjMQ2ygBM88u/LyA7+AFdDLhmm22L9uMursNbL4XrFY
aGeeGEIWVYbGZgo3IraAncBvou3SuKnefYPHtSYt12Hfbdeuh4sMJHx+M7bmQ6Kv7v8qTos
NNJAI+ukvbW1zXTOOKyR4PD/AMBE1JYmyioMaY5Gx+IlyJ2twG/Suj8Dh1knxzorSr948B4V
OM4bZJmZhuP7OIDE5tGYqoHdqTSwqxJGXPmtod5/KjMw3nsL+dSO14yHAAHs23knrAbBned
kzsr2vr7IAHnTYCRy06oTMI7ZY+4tx1tWNxEkq4t8KBd2v6Op/FrfWoMfh8RiY80+xyFgqW1
3Iug3VhMPPi51xGK1GDvmsnNw2nlasVLgVETYZ7SRr7BF7Z15a8O+pNBVC5q3I0+nzocKtQ6
rpCm/KRvNaIBVz5VHNiJgTiJs5gU9uULcBe4X1vXT2LmkWOeWNMPEhOtjvsOVhWLwuGdPS/S
Q7xlgpZaM2LnhEeEjM184N2toPGuluk5JwOkca+xjUhtKvvH98q6F6NEyX2YaXteyzkHWkWP
EKYIwM8t7KqKNFhNqT4V0/0qZEWwUkRXtfM3L6Vg4nxZnxOImaSRS1yAOyoNdE9GjGrFh4UT
blGCrms3tev8A6ixyzp6RkZcKXe1l3XF/L51KIiGZ8Usea/ak04d1zpUeFedGGddqbgop5Dho
L6/pTZDcyytb5n8qUk3Ciw5CsPAGXM/rXsfZLez8hWL2EiExQH0csdLqth+ddLLh5FdlyRPi
L2MhO+3db86wEWHCj0hvSJ9plq9ynwtXQ3Re1V8FhGu0h0WSTeT4X0rpnEyzRS43Zyy7TPdY
hewf/wB2taulsW+kYg2WY8XYi360ZM1hfUC6y8jejvA5Gh17qFFRob77/SuVePGGqRqQLeFDU
HuqwpChjse5w+GbSJF/iTH7o5d9KcL0dAQfexBMh8+H0qyYfA+Hocf6Vkn6FwOLvraGDI/zW
ivRczYlHcMHiT2X/AKW/WnhmRopUNijcKj/q6gE0tRcmxUb6J2lbNLu7aC1HAic2NkF8XIOH
/KH51FCLlpZAnzqaGP8AhYNFw6d1hr9SeoYrpGQdH4AfzJtHk/pWosJgYzhejodUT3nPxN30
QDly8T41qNBuNMOUeQ6+Yogak7yaHhV+FfdrTSr3rYj+FFFGkX9OUUBV+deix9npbGpmnfj
DH8HiaBBsQd/Kv7Sa39pdHkRzP8A4iHcT++dMS4hw+HUyzTNuRRRCkdd9GtN531DAJAm0IW7
bhU2NTo6Uzldnh3xER2jSfHI91R+IMRgsVMzakiBjf6VFi8g6PdDdZMU6x28mpps0rt5GN3
GFTOWP8AUbCvRWBTdn/+TOdrN5cFoyTyvNJ8Tm9Ak2twpgW3kVoPotNKHjR5fYB+dL4VaiV
w1qa31EFNulMFHly/wCPEOX31/DwoCpelMSufD4X2UP8yX3V/OpcRO+eWRizN1dPm2YSrFCo
+JiTpWH6LRoo83rcVJJKqB391dd4FBJ1Cswzg5rhh3GjlfWvadibKo7zUwi6Rs0QzuxgOQDx
JoYTBsWR3sJGX3fiI8KEaYrFRwQjZw4SGYqxHxSHgTy3+FdHxBpoekJBnmj9IdsgtuNzQA40
ZZ9hhAB2dvKBm8K9ImjjEPxidLH616RkOwzZnpwvU2KWM+jxEB35E8KMMKtLIRcW4U2F/t/+
+ZSbRQF4x/1calwuGm9IROyZctrx8qFufVmGlburuq3KuVX67g276jhgjMsr7IUVd0Zhz/d
cH2bj+ZJ77fPTqjw+HjaWZ9Aq1IuHMUScZKB7X22I0uR91Bp50THHLiJn3tYnXmTWDwEGKw/
92gEK5Wz7vaY20Hzo4PBNsuisLq87bmPxnnyAqHAQAxekrtWU+1k90t3tv7gAKbE48kJOi3o
623qg9p7+JtUkMMEMDb0xSgszrwIJvbyos7FmJ1Lb6d8QcmBwybXEP8Ad5eJqOLDxEPpHhsL
HuUV0f0FgJQ64Zi8uIHsmT3m8FqDA4f7aCM7OCPDqWZid7EmwzHjWH6C6KBfdQvIXXWWU73
P73Cj0H0cQX343E7sxHAngq05wbES4vNemIOjSAe045DgPM9WarDX7N/ts9IvuwkZYIDbOzd
kD6k+VNLhOksHJCdRtpdm48QazY3pRH/AOVglMjHzNgKXo3onDjCjDs7Bs0kn9T/wDoUyPg
R0lhcMuxw4MmVdN7d9zrRwsaxYHBn+RhlsD4njWP9Iw74gzW7NRG2Xx14ePdWEwpCw4XPfZR
+yo4n5caxGJP81tByG4D5Vh1gRliiiWGNDv7/qTQ6D6ZkyFB6nErqcK3wt3cxwrZYhLX1Vh7
LjmdTYD0lck74jaTIIJLqB2bW86fD9Ho0aOLS4h/4ko5fdHdXSMYgd8fiU2Sy3FkSukemT/F
UejYa/B23t5ClxeJjeVQpFk33qZIsGuG9LxK7LK5LMb9rMfe4UYIv/tsGowsXgu8+ZvRqFpb
KZFzhOIHA2q3z6yToKtbq8N9brC6BG059XdW3smFwg34rEtkQfr5VIEs/SknNPUx/r+FEYXo
7BQd7R7U/wCu9Y7Hy4i1h6PAqxqo2jbzoOA/EUJMTLtXAY5iOvHsus3oUmyHebA/6c1COCF5
pDuVBc1nUjE9J7tomsWGPcel/QVvvXoeIRcZgr32MvuHmp3rW0dcYLa7HskHuzf7U75QmY3y
roBSDEFhETqU3ivQeisSmMlw+J2xS+VmUr31tOIzgG93BwuGkxbIvIH17qwsjBUWM+qiTRUs
OyB51sxESjHcN962uPVJsdvTBbxH3yf+PzqSeeQyTObsTxNDSsw6lHD7LjhVqTEdJxjFdIs
M0WAO5O+T9Kz4mUvb2VGir4Dh1KijMxNgKwnQ0JumCT1rD3pjQ36dcztJacOoROY1ufpQZGK
sNxFGJ8bMYzvXNv8aOCKJVEkzlpvWt1jFGJxhi2QSW0vy6oZ0tnjYML91PMWJZzenqa2huK2
a42YL3P+dE3vxxWtaV3ceqzag1Y9V6NuNZV0txrE9Lz+u9FssEb6gzHcfLfUk0khadzds3vU
E2gkGQPde8bvys3B5Gp+mcQPvYTSFT/ADJj7I8t/ITuxzFjck8TSrx3nrJUE2Fz3deu46UG
35TelgLtsEJKx30FZju5DjQIv4GrsdOXE12ex4Vqcw76tz1691C3tEb69utNTX5nq51z/Grn
Q/jUK8DinJ/yrb86PCrPofiqPCwJ62T3mOijn4VBgMG18DhRIV/8Rvefz/C1X+VXtbzrUEDX
Sno7KkKhDPzYX0HVn6RV5IVW4jQe03AU7rGEQnRb7hVrdriWIZSLite0/LIQFxmY27RtTJe5
U27Oorn3V39fOhv8a3/Sm+yvOv7OxU2yXKBh5G9mNh7jclS8REYpF1ytxqV4oto7sZJCNFS
/EngKbo/AuJ5HFstiuDfcT7vM8ag2KyF8vrSTpfuqN+yFa9gGufOvY+tC91DbjfbX6VjZ8Ri
rZuyMMp7TUchLLwvVibnkN1ezf6UCunnXsHyNdGZPDf1e9tL+VuvX7B+nVcb69i3hVIFzWVg
VPfXs3NXPUMOk4kw43RTosijwDbqEU+IOxG6GMBE/wAopG2l5CTdLHs9WvYa30PVBGxusIyr

4XvVuFXzsca0tsvBUt9o3Jz8NNPs9pbnn1XNbr1wAG4D7AKmxFdGYiSxmYEF7WJ+3im42AvU
0uX1izqobusaVW1H2bk3PUGQ2br05DrR1tmAYi4v7v2//8QAJxABAAICAgEDBAMBAQAAAAAA
AQARITFBWUFxgZGhscHwENHh8SD/2gAIAQEAA8hou9eSgw+Wo2C8V0dv9S6QLswiCcfiEOj
+JCagloalzggKax2PPUbRSHsfN//wDU+51R6PSul7oU1cZUaR6WVZcqVFAMUZr6SvT/AN3g
qOVAqyNjfXsGKaB+StseOCUDtWno3/yCkomwJ/FRKGhzbLisVK2OZjEKqCVAFMPHh3hsl5EV
do7tkjD/ACF6/kX8NioFuDoGEUwLgjZ6mPmPgdQMR4lo9ruUHgCgmXshGx3WK78zLqELi0bM
ruEYWmLa8s/wFUNrxuNm+ZcyI6BXV8cPsw7iaRMetY9oIW9MrowdLvH1hVQAZJkaOWFX4lo
l723SxezXtEI7lIRMQaZvCaWk5xcVGcvLOtGLZm3fh/kLHbq2Bpa/HrE6iPH1mglyiGZe1
FhRteBOFAvqFpOUbelYxiYcIX2dniJexJeBF6hCAMvBWZFoEUioXDi3cuysZLXxYBHQKU7
UMf+i0tDSBq+Acy6ZmnwuBThYfaXWrrqOivM8dHcq45NS92/PeCWWcvOZyl2CtGVUSpJaADl
Y12R6A2J3Hv9qrj1mCU7UarfMIUJyB97IpkbB77L3EUILtiUvDpllwT6po/8NUNfw9zB6Ug4
NY9XvEUGtCMUgONG30FHLRw5/cbtzym1Ze/ANYFBrBwFFWwYJYVhvpB7AEuX/AOchOi9C72v5
gbgq7F7r9uWRmKWaUHLy5zdzKKYUyLgKxhS/WuJlQIZyRHDs8T7lMcUFlt8n9+pH5yNbrp9+
AcwrCMtm/Il5prPn0xvugf6lh3DhHty/SG9afXzx7R/iXfLNaiQ6OnYfaLea4Fb03sPAzC/
NnoJehUwd8wtVtdsrGMxmJX/ALVeFrLND2aeD3Ml7sLeF4wXKXnFABNX9JYVsN0P6CVGh6iX
tByRYdk9VqyOjF4Ow9V2ccV0Z3sWpOVfXKsVAogFozyJmFolx7+NoUp+RDfTzfSFPZcc9v8A
2BXAUuvh7Q16y5gW+oLjxzmXdlsgdo/C4dAlt4tSX5llzYDcArOjS66g7wCiuKeQNKNeDBt
diGht5oIAYwXl9gJwOK0jZsBwh2GB1rMjTpCIY6vJZbEEebW6jpF9sPlnS12wsvTkzGjeBrE
2S8BWKXVPIs35wegFLNOmMz5OIgcOaCqz4CHXLZc812CFyqzF3nWLMlWfG91yO/5qAFJQqMG
7tAUu9uy1e69fEpRmBuOMD7fM3nv/YN842+IkBA+U2ImBy8xi7ZDX+weECoK4HC8lcEWBIGw
Fv0qfETv25daPwDPzGT3n7Ar+sCsepAvf365j4qqqXNHw294hNzCdcfxCaUHggZhAHJ519W
vUYObzZKstxwWuwRlX5jN8JCCnF89xSzOuU3dY41iImYtDASqA4EUo3fmF0icQRpF6zqEw
xiswwW6Au95SqVmFBa7G+8+uZs6wWYHRfq9czKGyC8W2b8y59yK1NHahmpVm+XzmwXPQHsRf
J06jgOsHx/JQeFCLN4aPzzHGfOvNuMfLiYlloaYD6ANHPNrzbbJxRpMLft3uqprjnu3uJ1DmL
wCes+9Xiz76Zwbe8/SYMHFaMqH0oYhTJV1a782e0HhXBG/YIOWOACZoxfgmLfQ1EtH0YRnrn
t9fAXEg5LAFM2oPxCAP+2ogdmuY+UE1WAFwAFr/yFSLOJXgeUepALLWGiECrDghDXKfVYdnP
UJ3Duj2zBd20X07wQHV7J5os+0r+bdrQJ50gj1H1gYoK7lWNDUMrYyXebfL+Ji8nONi2sWXr
5lpl5yrfDKEDJVTcA5mXQSB9z8w4LfMrT5PtF4CDB4rOgN+nmfBwTIubZfg9GfE0TSWtatvE
z5Li2mPS8FQvoSciOfvqMCA92F/Yz2WxEQE7K1j+QTZBFRTJEUArX0ZIZIFagCLmYsk30tYr
l0sCZA7BmTR6QYZZxUwhN92jNrkUFk57vxkl5eEDJssq3bwURNbplSpQ2koudpviYzjLg1ZK
sgKPbsJb8oq1XOi2lxZCK2phRfJlQsJvPiqvQAiaNM78jl2UmKaQDilbqJKimUdg2qxdeQaD
q2oFMXC8W2Grvo57qXTKK5aqOSsebxM3Node2c/NwAdqwrRMCE4wiieVowd3giuwigDO9fYgh
BuqV99+8JILYU4b/AHM6CrRS7PcvxLPeUlofrMtrv9W36dY15K4osOK8EzrslS517tVFZebg
NgeFCoreDepiZtZGlbvMQpy/aO8li5NxcjoAhxCTGsrLZkLjYN6ZbTWdzwh6XgqXBN9gJri7
NuMwQjkJHktdy5V0mPbUym0TR8TE47Ya67TNMjOBe5ZVphpd5/vPmbqEv2dSm27TS+ff99H
biWhwesF9xe3PmOZGLRTXrxtKO/NyoLbaEssOvV7iiiewRtt2Uyuldcstw3xZ6D4uB6g5GR
6hH+0y+xrxt/mPQjC34S+7F3K2oAFquZTqqpLGzGX2IHvN7IhAO1Dq+/tNVYSiiw64IeS3
uXG80A5uWhZW87Qm7zxa4DuZA9C5/k8OQGojRwCt0LXo6GEC0hUjWdH2ji7g3+pR4mXJjvof
9lU/cr/kRRlrLP8AHZKZaboBhPl4trPJDMtQ8Ha8q8rB1jTGS9RiyoraMnuXliYeHdX8X9SV
XoJDhz8le0Jq/i6jB0+EzNXCIpUj0jbH7VU3Wsc60yjeQmJWCLFKQNjaEcoti3D58p0sQ9Vo
gJdH68nimt1LZIMUKBMtGAUDVaSA1aDitu5RQeFVSnhCxAAGr7D5bhAPcFLKxSaQ2MYyPU8D
ho2PE8sUFG0S6qetNg0OEnWIZKO8aUNk0IcOadmvYnwnZUblReVKsol2U9za+0wseX0cfwK
i2rnrri3eovMYOGDah5gbLbBo2t85XwRVH8IAFANFdzHhM8DNPP7R7yqgVBwohPFv5jRCQNj
X9P0+FW2c2tvyxL9D2itfhy/HcSqioV04uen9+0vNyLoX6KW+txaZt9ZbjH2Kvk8kAWqDVWt
6gEBzl1Xh1eJnRx4yt9Fv6QIGqzSyL9/1mQ/MD7EzDhzmVZFuq3G5dkexUUNklNQv6/Wb2m7
SmR6Gt4cVMxRzYniBbLduB7SnhjnxFofV4g0joxop6rJ9Bft9CaXgE+n9JUN5iJNMDqbr6Jg
ayGr1QDooh8otPIU+yHeKW/eVe1HcNRRlwOJXPe5tptvEIWTqP3AEBKYPJHKYj3dzUOXrb1
l0GyXgKQGLmMvoz5mZgJWB449bPjuIMru8rdavzL81VxFjyrl9SIlhpQYrFj8OJvW4DgVmYHD
E6lbfBNwZQ6RUptk74AfpRGDDji1D6SiEgEM2NfYlsFuj72gMro7HOjowXL2BH7enreo1zD
Idh++2LLaHwJnXafrNLhxIXWq5ZHOUTgh7i/yOKx/qZ7E+0FWhHGfjEvJAMMkAcxxTqK5WG1
gWVqHMRxKAq3Jwf3KNeIYtYb/SYA6q8HI9CviMUNKCyrDrQ9GIw0egsPzuCwzdYiWkuDnMVJ
ZNnyjPrMdfxgf7ljv/VKWdSqDqPndi7NudkAak6U4B5qi3dLHb2P6epMS0Tp3L6JFZ+qgrwJ
f6pMHmT4/wAgj5LvAELNRuKa3pbRfGeOYIE9EfMDFdydQhUxaSKVr1ShXZ3UzKS2wKpYvdud
N22AyU4CaSBTNEFWFv741JstWqBxWzvI6/eWOiYMGzzHMocGZ3n0/EzG7kisToSd+EMOVx7Z
v9NMZomwIBB/JLZ3RD2h9U3rf1Uv7E/iECeDwS4R5SsCDL59YNkBuq6VfzU48BQIDuPIU/WK
li9OMMMaxrB7Mp4yGMEWwBHQs8RbSs1FSgkKAM08FsZwrzFMwp5XfxHprlx6+MmPzKBQLdZuM

ZqunJfCZEMpMwATGNJdRvMDZ7Sg6Vj1mnRvyyxEYF2pUt+JDoo9ZnMjU3NW6us+H2tnLkSp9
Dj2mKxLag1QoCigbs+qH8LlaqIRLq8f2nbmCOMfC0l8HzLY9q4Na83WoJ6p4tN/WYFMFUY8
XTE9A+hgBWSv4Q6B1INu11NGHgfDCMWC6t8xuhplZcnoc/ceD2e4C2Bt54qX6RcsVXjks+Go
mylK+jx6VAAGy3Vt4/e5Y0kSG0bIOkVXBllurGbDdLLDb4viWri8AmSVFGm62jwX5rruyloFk
35ZanThyhFTPhy2zP2Rk/EXTf5nTMyEkaJ0Cii+N+8Twx69NW5b3b1CQH2BDkToFwyiuRfuS
5em3tOnTczJCu5kxLs2FbOtWxowRB2x13Lzql79BHcnSg32jbzG5UAzT2H9uMtbENUaJc5f
dXKaL188BLBbAbkI4ZnINBkxmXapCx6sIpNH3iwhJXsoMr3x5gy3owSdPTlv4rbg0G7b5dHv
1Dh/LZXd49pnkdTfxB64zz/lPoYX2hjlj0P+yirB3poyD4+s5A8r5/MzCG285TBctRDdrKz
zPsjK29iHmnmG4jkP9bmRJZi9jv8AuvGldBcsbY5wuf6qMT8dBxkWEyPMTQyWWPpNTMV8OoYe
I3LzkA2yrBQG8n7/AHGjlrOYmzszncrE1ypTQZi5Lo+liQPfKsud5a8XzqWqyu7qlllv0Vnq
YGyQ1arwrNN+5iKXPTYoeY9B100Iqi84z5yklP34lfWPvGOwiR2AfqTBI5aXWPf7w7JV6Os
SzT1nDl41e8wFp9TERaaWLXslgrQxcCbJaAEGwdR0N2xp3cu1Zg0DAEL04tJrClz4nYy4rB
X2xFU6ehlH/nxMvJALtq8emvVWCKtBnLEqaHj6TJ5cQRPQOEKxVG7fBDJFi7Qxf7zDgCmfB2
/qB4ZBnAenlnZbohmmmqLu2c5gZQ3aLQfqjk/wBSp/3ZP6Ysjh+qd/2Erg6Xm5+XXmRMYaE+
chVRfGbg4kPnzCINwclAFmV8nsl0W/hOWgF+YWhsC/JX75mslh53LYDyJex/UcLVjMOhh9r6
5gfkjeXsz4mJaB7mT96ha4hgPY6/yHy4jYSt7B8o7bMgf1nBM56bYQipkX728y+vK6LWiVUq
UEYfSPUJn2j2s/ZcC7ov6+sOH2fSbFR8GpQhkfoD7SiVfhh2Uo75lT9NzKnzfEoVWHJMBqW
bHxHDZjjtq3WsBvUuXK0JfoPhOV9g5vx+9xVKxgFQOTNX3LsLgTLGW9rQvk4F6e5YBTt1O+
1/Vy1mqAznff7nEsejLivvuHO7V8iuEUUt4cWCr8CBmi62YdlLrqM8DPWVEZN23XZGcBA+Sj
0pWJXEidB5e7fxEHpIK4uGJRm1ZFNT94Qzy5Womt23vFB9IDxn3RT4b+IY55kLgO/wBfIGk3
uVbFsaMoaRQoIj7yxKz1mH3muyulolpM8XNlc1zm/aUUt6H6YiMWlWAtbwxLkXPfG/0KxCor
tf6qU37VeR/H1iPcKaHH1x7wEts8h6lazj13PFujhPjP95lNQuYubnhq71+ZQbXZk94XQA/
7sC2E3inNn19CJdvwYldHUBUwO57hqKuYabC/pfhfHpKTijEsLveiaZUXZPh8TKFdGG4dw+e
MMuVtcpDZ390OK0T+9yR9ErRe0UOcc/2hFSW71kVFp6x6POTlc49alteAahkVuuJSK2SaoT1
ul8Cwcup9/tPI0QtDPWeZQ88F5z9oL8Vs4xj4l6w2el3yy3kPip83Fnq9NzEeaX7OhweJWGc
FnuHnoJgzTR9R5c/EcATnUADYRz/AJFUml0McYrEXlrzDUan1sI7EmGhIVbnHSWqXHoSteqK
+Fr6QU3kZZV1sl5C7t9qUVsOJpDMN2ofJ+IJ1UIIGA8GvLbyRceEA7Xf74i9KdKvDp80dQ8v
4ZD1eWXBes3S8WODEygpLX1L9PiGb9isOVfKSnk7xGb/AH1iEjnJupv4+0reSa/PMPFQoF23
lPvPjUnr5HQHvilgHCwHrt7JfK2cYPoQLQtavjj8/Mu/Z8ID92bbzMmzEdih0NQhYVjCwe4W
ANaQPmfwu180Ky8M7RcyOD1BbzfAxs94PMXbiXoOL9mA8zAiSA8P+TQpq+RZR7alSgEANPX5
iaoqtoq8Pxc9J0ipvJ3xiXogVi+AM1p28VHJG1nofxuopKEHt7+8fCeL9ZvMlAbdV7am5Qi
ITqVxYwMlffb58xaKjSTb0QWsm+WhA1sexQZ/XMyM2fLMBbuqxMEcmLS41f7mBIK8pL7RQ6h
5+8tLh05bRb2yje05qXHk6lluQuWdYjcrB9vqxGGBDIpefrE4KdOnmMTNnhX9rLoYQqzoz37
TMYg3UyPQsW9GBzNfihODiXJ0IaPFXXLDFBXUsV6su4k2jLS3w8QmSuiw9GEHA+0f9lRa1IH
grUaWsetdyx9NsxO5CB0dY5riP5QUYmavjubmCOGBJDBeZ8mUA9E5bJmJeety6riFh9EpW4h
EMCh11sxbCQonLni8esMbU0R538Ephp13KLrhHv+YYbCyMPtPTLvOrv0CpZ0robVV9mDqlE
vWKiWeAYW/tQKDXRVFEeSjGm3vm5xJL7qle9xDplbt7e8Xz6Xn4VtjXvHmfg4JYLDwTdqTg5
9YVFngeUXyM7yxcGMPtC5X2ShDGK6VYjZwDoFLBS6445ixp0Bv4ZdcPERrIoCm3nNOR4VXWS
bJF4weCBZnDQrsLLIVrc+DX7B8xovS2Ff2kti+55j0TZW7k90oTbQBuaqEwPXytxsJ0WfEi8
6FOvtHYvo7Y2OlpWpdFU0awcRqNYmQWo+IBGpbin9JqogAIKZz6fSpo/Ofs/ETV3TGO395IE
n5SKYtLvgaAa3/wAh7I4Jr0g6ra6PERGjeootw9s/wADTL9QeRW8VmFxoO4FvDf8AU3eY94Jl
azPhOfzKbSB+NzKS4rj5ivwlJV2kNlcNWLqpV1DaMSk9KvhrUW8PPT+sR8PsXV3ikALtrwPx
HR0UKnZrGL6imRDhGI4H4D3K2LeGZVHZ7+XJLPQLMFwvha0fEJa7bAK0WM94aYrEodGkmFcH
TKrkWS7wF8XuNceb3McrNfeeULFPDI3daNzDyKDAUsVkxp0xz0Lsu6S+IoLw6eZWjSGb83cR
RLOLYu6vLSqzrO/SEapTK1H3iHEZSpYhoKKA/bgMxT2xht8w3/zUNoUYeJVcxQc6rEdIWz6P
25ss29y3KMbep5NkIsdC0Fdsy+XHBm/c8bcHihy2Zu54O9X0fXua4UCqsgiruKZqoAduojAe
Qu22qjBWxh4DX0lcrkwndtCUXvGLyxU4arB8whzbbV7muODai2nVjTOuDLc7aBsrfvEXE5Y
NoFd+A5wdxAlqXIFFsHPlgGzSC6GYmnguoB2DTVk24pvmGsrFKcPG+s1u1XLlu2AdjEdK7OO
pTEWCAzqFAWHO6f6r6pRW1d2OIlxq2FunxL110r2lyPw1Fwuv4Di2Ftfv+JoMug4YoNi5ywp
Wzffc+RqsvOpTwavtT1/EKKC2S1r42WRhEz94PRgAFrK/wB7OGeWo9gqBKSg48QziCGpVn9m
X4MzxhW7VPVzHIXQOfXuFEfta8f6SmgpQFYbfSYcGhwG0/PxCCEuLvl6ucFHoiRilXArixgA
l+6W3cQcHvnUUQlftmTBQWEUCoYUO/MfY0VPii1xLhcHp6wKsrolS8IX5dfaH6cDFb7iPch
vrkcepcJHsbaCAgcQwrgcrEBSF5eVdaA9T4jPoBo45q5MhcVTBV3ybOUdWDF6uFw2gXzGDRt
Gt44tFzWDR35gRjbVgKUccsYEPHwRb3qs3smGA5avvV5Z8cTNbSxmvBfN+Bd6pbS0JuOrkDj
m76hs4b2RRYGAfkTIXvQwfYnrBswu47/AMAV9wyoiZQOLBVZMr2YC4/AqNy7WDWL5aZUUKgR
tU0hwUKgu7iMBFWQyoU8PW7cxzsgQG7QlW2TRdEdwm+cOH0B8FY0+7SX2mPrMooKAStHDSdm

n+pWhWV+hFhOJt5P2mXP1gBmrlbau7Sqx88VAm2rQRWQbMA1HMA+kgIi6YMSrkHUXsQAdRWI
DsodprfWIsx8QYIJvJxniOM37ow5DNe2ZyHdaaH0D8RhmDBLvX9wsGm+c2hGttvF4TSMOqYO
DA0w3b+yDAwa1C/SFiqigYP+keZaiAXB4UDwrtmdeF5JttwHZzrBZWBX1sX2puDCRi6A+/P/
AGZsdZYAr9rfOelH41QqEvja+sA8WRGxv2NcsPCHvAK2Eqq423TIFyPAPF9kt6sAYRNbRzWg
5NYHreCB7Z+Ebkalmm8g9pUELs45Q/al1VYvn1KceCXfvFR+k/Yzyz3dQzryiS/V95UFG37+Y
oLqsYAN51nZzLsCYtvXp3OUtK1iNC5Is2+gaXjjPH4+TLrJa6nSiK1lLeqmNOAKCp1jv6out
QIKIH5pEyOdN9Rk1KBdYMK6LVv0ltOuDxNnhVtcupkprs9F25fSZZDHOUppoI9E/RiB8he1h
glBy+BsfX4uO8G3Xk3b6W+Jr/JRvCPHQnl9J2TazgruBWkKDr8+suRb8jLhGeT3iu59W/iWg
4xr4jEWaV4YKH5c+3mMzU3rDKdBJpydGs4T1tfdg+bXtUsL44ekqBXWM/Q65PfxFZXAOXCdS
nIDW/IDz4gGHB396Xg5YV8HCKU9JsNZmFzDL8Smz5ziFvz+3PcFqFVgqIUquUQfVoF2xuZz+
epb8QXrjpxV5VvzBmm6RJ5sfERgK21fX8VHMMKwywOeYBvEeLndK9WicDk3ftBrbVpheXkRH
wq/E9j5hq+SMfLp0xtLwhdhzc6xVyiRMariUNWgALCvRP2HOkCpMQdKTip9jbxUYx58Hx11M
jLFQTzhA7f7mAq8DBA/g3mDayYM6Q3BinUTskwftXi8JiUuYgLMOWlepj1YNhv3BqGgEafw
dlWg5VArgtsvJKV9ypnxVRNn3Fxc0i+O5Yq1BFKujm41GFw+YrdF7xHyFqgaAty+CYiojw5b
wHlalFbYUx4unwK6WPtWIFbYy7Y9oShopzcS9tG1iugbJdmMXrF0rLrucRt+qMB4bl4NPU0M
GBELo5iJLS8XFv5fEaFRVyo3vYeCWgkFeWX8HlxEb4/J29OLc1i0Mask50AvatbjPYVWHfIB
bzbHmHu9rze8+zaKzKOLLW25PNBTVC3akx26s+wFPs8Yrqu9I2/J6KeZfgYpU+WK/vWDGfcg
+epdcunfRWvVcewVmOcRsZMVXXq8bGblDLBWLhriJJudFTN64ODyTEv4TTE8xXe3dsQdvAg
E4dW7dlQ7foE22AcSnILFxxXEV3L15ufAmZVoExhfEysAeqngMenG/4Nxo7tmmHpcyGJO0IH
NC36KR/A8+nH5ln0gwybYd3HYFHECM9aScrp2oFGmakgxEOrtDHa3S3DE5kpAdnNlaOWZjPt
S9M+gCBmB8MDLHKz3haCtjfn/YzRrEL++HrJfLrpdAFtebIpmo6bFR3MMeGvlZvaOZjIc2t/
SUCPTJ4PNrD6vgKrnL7Qa2Zcgmw4C8DLjmZJ6o5xfIPeDJXzieewnu7gOzlDyTB5bS1Li7/g
2VOLhgIwVa7YPYP3UK+v14fSKQT2DUuXbin7zubVdSl5hpxBnunbwGMqE2WfxYv4hMMvH1/+
CVHAGNwlc76wboeADXSfxzaV8pENuId0IEv3Sv0Ipz4aaHQ4I69x1aLe5XzLD/Tf6DyemHpg
VoxnXCwQirhLVyuA4IT5QJYdhB78GFRDS2Z+ssOF9IOPW9HKYqqnQTK8gtyq5VjLKQS2cAef
tDwloPoP3vgNO4Ae1Of8IEkpfEuirtoWh9ZUwLtrPT+Ybhs+s5qXG8zuUKzQT1v+rndX7we
V1t2vpzTu4YV6PAizuSPpyw2fRTNfbHsiwszECYdp8KnzG2faqR9YDwash7FXfKES6ot8VH
P8Wtw3LW/oJcLtU2stXmKaU5pV3Lc02c8EYE7Tmv+1HtXU2DX1VFUBOy7hzyIbAH7xgvGUCV
ti8+b5JQJNj8zIgVRZMGkBBeh7JlqVkbYNtrQyW70j7CKS462eR/Hj2l6l9FK+oVXpAi0Be+
zmCdwcSsPjJ+iKHVeuz8wOJfw6QZLiDt1lGz/cQZ3EKrKiEwlnUO7doTOLIRsUIDBaWagT
G4D9CZ6vlt87gRXgIF9qKeyAlarbDF86zMG2StzGDYtwdeE8iVzbzajyqvkJZd60xrh/AEMQ
skTKmoQW7qreKJXbH3ZnxDX4MviYsLmp4Bastz04q5ynlVeELhKU7MYD0kXPrOH8ZDVg40Xq
81GpYil5iFOrV3HRuMWQ+0CWzyDfLX5Iw4oNdQ7A2QNjFWHi+vX58S6ILBFuDL/wjmKCEfOm
4BtV4VErUPJ0ekUjQOBG6l7/AB0zItCgfmERCoN1eOocufMRxM66IvFvcQ7Gc9QwdcUsKHsk
XhRcEaPgo4HCPJ5Nymwks5boesz09CY58fuH4qG2SgTO4xugrLA9YoQaa5WfBKVY7qH0coaA
d18/2RMgU5HRg0HXUHNvj/ZelQaup5IFaEq0M+w+JfXXRaz3hufRw/aXFAe/wAn8GAMIOOL
/Zd5v1iV4mBoNzN2+k2Sl69pbY3V1FwmlCXUD88fE9HDI/5ZBqaJ7VZeC1n/ABT6eFPUPwjQ
TWC3ukPpKVNQCQ03rPiVjuJYXSvo/p+sMS0uo9Jr6rKnf0S14EODtfa18QIQasz6T6fwKgCr
/GndyhkOb/WXnP8AJd43H0GZJOJmb5Jmy/dRfR0AsH8O4uOItmMEgmHblCt1v/0bmNBuheGX
tPFTYp9CFRbshr+Ra31FhyG3+KUldNeP9/g3DqFH4P51UEACKsOlrZctziBAuYqv5//aAAwD
AQACAAMAAAAQg4aXauSwwiO3JCFHWIGLYd2K32m4VxPXQS4nogerRHbLy/R3+5l3z+CK1Adz
+09V8jHq5lZrWSWkkBQ/o+NSJZ5xUu3JfpWxHSCDkg7JyMBUH5a/9e+IndrInJofMKAvdDbW
cm4cCpo7fRi7CaZclDhWtpjaACfT1fP9C6+OKi9IFagERCs3sPgce3LLLVeHRgiSZOrCYgCJ
t1/NxDev/BnmhrIoOrBiFAcdz02E5kNxxPwcERZ/s/kPRyES2AJY5xheciIUBeOZkf1tf6qG
B7xvwwgDAG5BJUAfclNeK1fpxZSX8Bf0t6yv6OgCtUDVdEDHe+BbAC7un3tm5OGwuWbya5FA
WxdxlbBpQEkb9chakgDz+jjBfdCgihADehfD/8QAJhEBAaICAQBBAMBAAAAAAAAAARITFB
EFFhcZGBobHwIMHR4f/aAgBAwEBPxAuhhgX0oTUTMgtjAm5mGuln8jhR7gwG2BVxP4FpB46
NIKYL+CPdAqEW0iY6lWiAhbBZZuEahZqbohGq6KysA9FSVuAQOILpSRWhBrTDE5MGbXUYBUG
tkRqUUqIBmUtRCFHSpCLpIldwBUE3Uc6AY+8QI0qaRGsRW4EhKRDUHLY4jcFgQppA8WO7aqX
uhmXneRFkqcRroJXLwThjI5gi1qQBSCyEbAY5WykVNQbCUjFDUrdShqEG43NjIEDCiXMyAsQ
WsTknKTIaiOGCvEacw8hBUuExko2hsqaGHiXBFTVU5ndLQzTbwDMFY9wadIDeZ2BC1UaBeW
aoAVQNwMXHcWo8UEWD45gInaBQYgsTEDeWB30Yc3AHUwMGs5RNeiqWS2MAdAxsuJOaotyEpW
YEUKItJDScyVams2mSyJ0ggDmAAtiXf16SiRaE0S6gSwuMYBGbFDPvoMGUOYrInQcywxAeYj
blmP2zLx5IsnBBsenaMVV/aUPn6IGcQikrpeCAAdJDZtfiFrDMKheI5ahM9X1ppaywz0TEqv4
XUtGRO+RhH2l6rUQcotSYmFISqgG2o5QlVuAsQ8dNkrtO8lqFym3FmwhhRBKkqLiWgnUV2xN
Hd4Pq0SvpKz5bPtXyzLMoXyp++oC+ZPha+iVFZUvIR9WGoNuT4wvovQAgFtb9f7Ez7199Rgl

rgDWrfMWzcy/D5+/EVoIS7XubIlex1CGJqJcQMBBR2sfj/tMpeHI/Ur7YhZwBt4MGuXfeZJ
bTnz4vXEd6rPAooO9G8hU5K1XvNvHLvxLLvbzzuOP87SrXT9r6RZfBL9or/XprzKrl1i3vN
oPybODgmlIV7zb5t5rcao8vrUSiXZ01qCaiiVzBwxjYWtyoEEwZSOB7UV++PYagi5X6TbCnJ
2/dxVVV9qxi8l4++X1EioHfHxc8C8f7czfJi6RC0p/Ooajd10tIubhhWYp5/r99sQVZ/eIo1
i9vP5z6x4oqr4cVX15f+f7AV0LkN34+2fEVQw5lHh+fjiMXZ55vb+6zxUXahh8/v3Zzx/L4/
ebiqqmpl6BfRHqjFlsxHNRacsFHZl67y2S2B1bhISniV0yI+fr3/AKhTUtzHBWe/EZNa9VOt
wykNCrB7YhVWH7TUMBnuErdC/E3AN3A0oGnvHK2sC4IYnjr4iOV5dHZ7D44igea5cDVwgs1r
zLY1gdzakrgNiIF3cyqZl1/AZzAZVVTtOJ/SE1coQyrl/qcfTo4GafcAAAd5qmzr/AP/EACQR
AQEBAQEAAwACAgIDAAAAAAEAESExEEFRYXGBsSDRkcHw/9oACAECAQE/ENSeFxTrLgyi4yIv
1yKUvDKKSJ+JWbazSfHHUkQZyw/UZwv3yDactR1FxUiYf7kV7ctkfjfmtB+kdjAea4/t0Ft
vP5/qeDeMoviyCsQbqGdev8A79t/sMXpK3NgYO/C3Yz53JBC9/OWOPSQ3Jg/wvYRPpadOJMd
Ny9Y62oHYIztg7vwq5cuQXXkxeazjOwj7kEv7OuNI+wLjG36WowaMFwbYpN+J1FL68/JW6XE
ME+izmE/RfaZLXUswT3sAMy6kpy8/IBwSLU1slzWSMEZeA8LVuJxL9jc/wAQm2xtzLrjOnWc
wm+4A2yzzPidlcMfTLdKYLdVJHsjkzcZ48vAmHbR7aVcK2mGZ0nY5cQ7CaS6VK6ig2aohkaR
kV4teZs/BjyTVJ6bK9FqH3ax9tlnsjxLrpgOEObMzr8Hdy0CxzENiBGMRIA+xYdfuJ8wfrZ
BJQZBw/H0IOr1ySwl9jAGwI7ljZ/tC4vvY50NXWZ9SiHw8csnT4vY5HSDEY8kpPEITrMa6EA
Y5ZI8KPJ97IY9n49muf3YkJgbMWx4DkzkKuPI+9tpp8fQgEewhiUHedZ11Ic/i6T3+Invpfq
umTpgwg9Yx5ctjy++Wz2MWSJQW4H5bNEwYyfAti3Je75Pqv7d11I42M8nM/mfzJ6/EF1w79W
+ixfH7ZcH/cLn7O9MzQy49syB0hclZi5B5DDcKjOOzep7Lunsp6P4g0Dsp4WOYGwb8czrM0O
wA5Gt2TDDoWwl3SdNbwMgZGtJMew58Zvvw9tOWKVbB3+7WaXgkXJ637hzl9j6j4eWHSzJllx
7EBECBiHIDM5aIL5b+t/zCAvLN5u/wBe/wA73yOO+z8NxyZ/cnybITuaKtt+x48kIB1DvnXI
twxwOr/UcOhPLjYe/wDmbxs4PwyUYX7X5OefV745aw3yzNifv+f+5LP93Vhvgd47/g51hFf
PJearAM+5N/q0mev+D0j3X+mfP6f931Exk/T/wBQuH8F5vD4Xxv9u9Lw+f/EACcQAQEAAgIC
AgICAwEBAQAAAAERACEXQVFhcYGRobHBEOHw0fEg/9oACAEBAAE/EJRqEKJy2cuINq6aKgfd
cBungEQK+OH5xUsAqEFOTHkFdsHWDLA3xzlzhjavBnBhbsxesQcZiH5wakPOJNEDvAFMa1agH
7RMIMZZYNdHnVHGEik0egt6W0feEOuPeMLdXgqe2+cO3QijpKOv4wRzdyDdNXJ1oDTkeHPz+
cR6Py3CZMwUAoLD2NLw5p1jn/M/xfX7wKHFY0hnDKxn51miyMAsCeR2IA1nzK9uDokB2jYko
pLIBwUIXXABXVPtiazZFPkQwl1vHZ/GMgoQAeiDptu908OBVU2PZ5zf6vMuJniaYqwS/ED3F
dOfXM7+dXA8K+if+Qe/GNaa1J4yPP6MYZb8ZY6U+MEaA8f8AfWLcddYwBhGUwDaD6HFxMVVA
lAUaDiLzggalFXA0Veg25t6ch6DhR6aFHEAppoB4U6TgVQ4ODVKt0DR6dOGrqwsyUHN00gfy
HH+IncCQ4TnGdcuYf4C4GoGiRpdF3q3ooDlaoRTW13oKhTAC8JEXo4UAwCFiSyzs7wpZIVK
JtRd2dh21BFFT21CwRWtvD68/wDe8pzjvpSVSLxNdNhmXNhCTRtZt+2vfzgibPlwAAIJaQBA
efW/nWyIQPBLou82e7usvBzjJm/rLV4taJae1gPae8cVGsnplB/OImHGIMX8YyF1k8Zcb2s
NqFiN8ppzS2SZsQkGErAYGG7eGOqUtxbwjLumCBYoIh2Grh/NRuA4bxbVunKTy/Neg6d0mmD
iq4t/wAvH+AkMfH2jANQd11jXVPFWyxaEIW6qW5RSTKHC9jo7KiMXES41HS0jDbQLrLxSpV1
Xmvfy5RRyGACpamoDttxs0IUQA5Wpoxk/fkIpGH1recJmRN9uITutyEIFNd9xA9zCJIUoPG
m/VwR5tz/CZ95kObJH6dbLv+53Iei+Q/rx9YmxLRU5OJglAVc3ESCQey5HV64xLkRZgswrBA
aFexBw7b0ySIOEToBscKZGVnCGIVRKFTfiLj+Jy1ltd0+SOORbDH/HbdsaignRju7Vu9uds2
qtr/AAG5cv8Ai1RkXaiQ3NhfLzm92xc4C5QYwTSXeJITmAEBGiYPRGWqAHAFk1BC0VYs7Q9E
w1mih5Lv2yNU8htupM3Q/NJYIUPKjoNpjCAtNAKl0hTFLlamAfsQnwK4SN2En8L+9YpJfc
ROrUj8PjIBguSBaiB0o62bHd+ZOlioA6ErRtPddad4gLIAFTgCt9HeCoJW2Yeky3r5YsGtoU
MS6cKgusZC01/pFwwcgNyjljJry9YdTnhtg3kHIuMd/54//AAAny165qKbWjW64Z0ZpuUQR
a48CglHI+38sOOkKWO2k9nMJvAeQFKUJRr/OD/E7Xf0ZXC5TdCCzd+INxNtiEFh21SLEVsc1
GQyAlhXTyBySYhKohexmPozncby8iBv3vKmhRHO5/wCi4wERCRCMFAOK5Z3ibbbKgaKhCtRe
DcB0NPxrBc/DfChYyZHC7bwSesOys5ro2ZCqFbq4NEeFuiJW7FA1mYEmUqLhUGJo1sxx2Yr1
pW2+qRBiII842pBKFRKCD+ZSLzyDQ4TZDBcSQpOxUIoQCGjQiERjFGH9CkYXJ7G2MNom1ABL
XI1IH110XiSIEQ276CwwAIKci4AAU+rC23xUkTivP2sFyy8wUaEZ3/iTB+h26G7OJV0XKo/Y
AzsChaAoRGbPm+6g4ArYGah4Rxo4s2wh1TehdINAukRVYiEvL8u3FHqJemRAHBgcG117yMNC
LPjcaDRgv2JVEom0HPrundYHBSQXyfyCa8sRUUev6H8D+MJGhxHcFCOWh6ubJ7+HpJ7V5T4
ZVgH8VDUcVXeYvUecAGppXImjqOCNY2MQjm4VP+8d4bM6TBVhR1mbeXIRQ0hHKFPp0Lx1N0
cROh10n25o9HNXjBCQhDpGHTDI7d2EUkAVQrcb8rGxGAFA0sNSoFIUdLoaPcNQcpiAJKQwic
EOFPs3gAtBl1GikC1FBRkzgz65dwg05DZ1ARVBgZ1CDn4guAMB7ZzItkOgHS2Eu/8V4BO1K4
0SAgnNBGutop9hikIgDw4p7BJAA62b5ALRckwd12KEjpUboDpgICQCQK1C6OQPGGn9YWoqFW
Fe0DDtFGR5lsGkU1pQeEaur7AE1URZRPj3pPozibBA5bp5EuVX8Aanymhg9QrisYNh1wYVv
uWqBVKgQ5ngSPWJehjAihyWNs3OMopGi+8Q6gof4xAaelg28O2nXOQ6s30jhQUIQMvC8h0D
KxRw/pBiEYiMRBCVPMhNrql+u/jyY8tqpWun/fHHOXrAq9BnPPHn+GAtwElXSz9JPTZMDyCs

ZsypVaGmDEiXksXqfz+dYS+LM5NRvyz5nnICkIKif95P3425sTbCTdm7xkZP8ES8fXygBDPL
SGGb1zIDsC8MgzeJnrDGTsrzHjQ8YVEGsYR8994iFiGWNgRVk4DU6DlwrwgBV4nlxQSiRJoT
e1Op7xB324iXo5Ndj4yC/ohy2HALqK8MTsICqglQQX0rYrizXJUAY4LCNa3mwk4gJN3DwCcZ
RECaBnLS8K5vGtNzil5a/OhvnEKDUbiQTQbzdZACaQIHuycq864pYqeDzldHktJJSdclRNI
08CAI9QSSeTHLJLdkYUBdhGCiFDLQRBA/FadHgSSmLgc7Qc0tXJTDUbM3SixDbJsBXIcIW
oOxeiym10st170MC3KYyZxAgPwtlrQQOT1J0JtzoXM9UaXdqOltDU7OC0F6LeMSAASAhG4h
p/wieYGvXtJQPUG2wMetGKFTghGJ5YE3R82gxSYnk2JlyQQuYCiJDk6947X0RDiQuFlo6GCv
SjkqKMAegQ1Wk60H3eslwM9Rr9AHoeMUWfHUnSNENnXWHttMJRSImhVDEuftBur1EyJn5cpE
l0FA8NGwx9s/KMFHWxexfZi4Ema/+AB9ZLFQzHIE3QB9PeNUlgtJTeNAEljvSddZtwED6xYL
t3sa39h+MC3JKe3/AF+sBQU8nnn+D8YCYoEkLpvW9Ty5EqmbgQNI3rrrFNkIIISQTgonWB/+
OSyJpBQBBiYpNv5nFeSjYCKW4Pgzs3VaNRBpowjA7jw0Px56zRqm75xvR6cTyyhLGroPg7Y
wyvegdmbo71u5KCbUVRT5FBt34MBGEW2PsDTY/GL55iMNrsl2ic2Ai4Xu8YKq2id13hGqJpI
ng6EgvlSmPtVsn5PIepZwwqDO1KlDxuamVCAQDi5sMbLCrBtpYcYn9JfrkTHGQu2OSGAepN
nQdkG8e1LJEWdDjIFqgPOb71LMKxOUvRgAyOoOQNOLYXmZD80MdKLSRTYE1g2EHQ/wDOzHOB
BEuz+t5MUeV25b/AE/jCT0DYZAA2ioPubTLhVVS0eVdq5OLO0KTzj4xMtQRuAQBPLig04Ci
ow3cBC0mlAesjLJsrln7avYTrKfwtcGOpJ5XBjR1+WNeVRsnR8GEyFib41K3/WS78Ggl08Gp
02d5XjbGkbtBFojkAXCR4ptPLbRW8e14gHdERODkc2TDQp2JdoNbZZjAJ0YIRzyJE5yaYZe
aA2NNhPDKNJ5WH5tzaD6UPxinbjxySntMvHCjpdFgk2DPSOBUrTEgPTlCMHcP/cTvIS7cM2g
dGHmzFw9AV/7jBaJ0UErykDIUwIAKiAm6IRaZOF5+s/GqXnAehajaEOKUU2SlGr5kri1j0p0
UTiufROKGrqNEAw54Y1gH3rGkti0fHAgFUKF9DWCPbobbA2o1xyAGWXWUxeg+oODlpY9dQA
DKwAdRgD7TzE2ggp7FeMLrKJ5yQRprF1watlQQA0495Ykmgx+FKeCXvE3AaoilM4ScQ0jAY5
tkgICCAQAKOMaltV1QyKTR9rMfvZHB6bekY0AZ3OmDyxgsx6Cg6Kek3BvcjzCBFCtgdniGu5e
4aCU1Bv124w2C+PJ7695Jxca3RiadIMQ3D8D9PkMnPEvavCQOQtrllSHlcc3jkspsa5h6yJs
xaUWYd53PDhCQQOnenQ/W38ZwOOIaOSB0gwTgvNwEKswLU2GIOTyYFvrZs261OCSHNbzUau
tNCEgdhAJXjU0ZDrRgu55n6wQ5WYVj5+fbziB8KI1416p+PujJISDUCE+16km9b4TmLWF8kO
mLtyS5k2JkBHCQgFvGzSrkG AJ40Tg+sMSS2HLi8HZzi2mlE524la5YgVamhgzWdGE8L0dfe
AVIA1PIAP7DFf55EvyogvLPNcOIVoj36cR0R7BHRyin8hgM72BCz7CApNHPOMNdx3kvgAP
xIPiE8it/fP3ixG4nlHJcdzCXUOD6wUXSEeRjY591v6lwe6KdSTxPcCneDwjrkR7M2b6xoH
gJ1kr9KYH00ayGPONo5wIOYVzgP7ycDrJkM8YIApHCxst2hPqqFhyvWAgVgMNqT000vWCSFT
3032BbcjzztUA0E214qLnaGKdZd5+gJPw4jREEFT3izo80dj5ydlGivlkcYX5Hv6a+sL2sDD
9EGNJ4wWJC+NP24GkJrvRp+D8ZUI9Zhq+USXKGRc0mVA1dh00TwdhoQsYo67tH9jitl57sH+
M5IIQ+ozf/vDHddC3qZV6lX8TX6XGMTf99NfmPziKAqOBE+HKLxrsuff5ViE6eXAawOUMew
3EXIo34xi+BMXE7joe8ezwAc5pgg0B5An0uHzEdimGryanh7+88qz0bfJHoT7zLuv6gIDkLe
DKkRA0NF9hK+sg8wUQPMO3BORAJnsYPOI+8Fw0T7/jDBNw0PETPPJHPnR/vHYMq+j/4xgYgs
8QDcjCDJcJNAEBqKvvjUAYE4LzibfoxOqUs+cHQDWLXuQd5ZgCPuOof6wndyT5W/zlqQg18l
xXoV+UDfv8uNwAecCeTN/YggUML1Ui6Y+MXbahaEWtklAbZioVNmISNOLwQ408AqjVwgE6rF
b25U8Cg/+49nfmhtZgxqteED64cUo9jqcqu1xW7qDRsRpAQrvAe0ylQjtyPiN47yflAKka6m
xx0bVgrc3wa+ReHA3J/ciS8I8CIgeDzgFwZwxVOOH5McLgLed5gn3D+FyBeV/KP6MK5WB9j/
AKzesFoCv25RqCopu7Cop5GaLm5y5Kj/AAfTHHxaJeCcfz+sCigpvRjF/JDzV/TgV9sM9kc8
QH82OIjh9n+s3pp/yKOTazs4tf1RgvqId5Nt9Hc84Js+4YstMyolDW6GERTtYxh2SdDQbjjQ
KVjRdjncb11UGVMCHUoIga4wChE7yEiDYUIW5JWTSWONXNLmYS8tvyubTx0G/RI+iAQ27uG
wvHAORe8t0W00NOSIYokBY4kb/MPGBoQAehrJvYET14w56X6aAOGMNPQMadyUWKlfoEnenf
v/vEa4J/LP8AZBQYmHxpyKKOwoE8sYBk5A7nsFNg8WXA3H3NdqX2qp4De81QEQQghv/frGiY8p
04BtyjyyYsqknsTKu7bvrE04Ivsif3msg3T6cEXuO/x6ZBXATojSfJMJsXBDR3P1i8+1DEAB
qrV4CvB5PgR0iIoIPMj42u18kNoEDaaPHvGE3uaAqfYaN8HjanKltolt0aTers9K4Da9HT9/
+PeIUoiABzS+cYqyL1N68/nW+MRSC07fGLCunUbiXVdlf4xkXIovUjZT3Pu4YyJuk+CU6FqE
BYBGAYLAvGAO72ecXJlhVmEm2ua+YzYP8Y6imPOQPke9Zgt6TPw/7YHiFnsRf/MS4CQQb0QE
nSokss0eNlobUtKNq86gOQAAPV+bv7zbzjkC1+XxokYLG7mIt1wudFQvcwn2qA+If7x04AnG
F0x0WX+MmQR8ASA9BMeFqqO0Qw9NAbCs18KjC5hpaEkEEVrzghjvdBQaYsa7ZrismE4etz4
yiwlkoPxT4c3crlSmf4mC0xsBefu6yLGRg5hR8iN6s1147DUCfl4IAXtRIUKZz2H4Je0KAm
wHedFEDwK6qZUxbpgeqIS/E3S00zB7WyaBaAdc96piHsWzbjAHB8su+Rc+n+8BL5fVEn8fjN
ltveamb4RDgIX4H7YfVAIGfAO3z85xgFulEf2n7cLfveS/kDjGoZXuMcOBJSdDBwMJB+cSBs
HsYL4hOc628xn89+mFxaWQqIDdb2NDtgaqwWbmT8W1lBBerye8CS8Cw46aAqgTrClq/KNCl
u64CyGZx3f05f1PycHNgWD3HrFuukGIPww+zC47WMryYvKBGLOnwuGolDGO4PnElj0i5YnME
zwL1hdAXvDRoBArIMgWgd20HGkdi3qLjmwhEgnZ1FnYMVVoDc214ROccphIIVB8YuNHB+RI/
3iNXbHtF/kYkjSH7C4J47zT9COByW8ocAfQX0+OQ5gQThJ+sg3CayW6TIOg7wCzyY+HHY/WK

Hi3FJ8TXGnzCngwKJ8B0r5xYLAipFHYms6BWvl8kBg9sZE7JkCHEZKFojV3b0vMDwdrBtua6
zSWIsA6XoBv5ZM0VgKFDzKDAUuYFgWofTsPOQm1Tlp0Oo4RUbdKnesY4jngBT5xLmq0ZsPne
IG5rRileIgelmwOUrHTuSzSJJbZhwlpnBs5DtbEsE74VJGUNJRXIMWCji10B4o3zrGCOBxGA
8XXeVafKqg+UwE/nvgf8AS4K+3/zfxj3pEvIGj1CuaqAPVBX3EwmskJesoC7jKq2CTBo4ER8Y
cNCw4Yg/vFYIB7t8mOdRgk6wewT/AK4ncltUDABsbBwtpJYIUP8AA5ZUCQbPztpOdsPkSBNk
bp307867KnpUZEBoeADrrEm1W6u0QbqAMdMaJxU7nbSwFTXvNC2CgFCiXknzgNbIJmAh6TW
hrNwx2uTcfHrGk10o20u/veKEAXa5DvsAPe8CqPUiiywOF0X494mxRHN00cCx45yg00KCBZY
8HI8MTEaHAbA3A/H7e85DYcc3xt762cMPpQ+8cJAS6qP+sAHQi+VH9Y0kJDwRu9KMPz6x9LL
EhqfrAiPE5+8le+TGJclwgnZ4eXBVg7zYnF50UN/f1iRs3IER7tx5Dp0c4t2HFOsQoRVuVN8
sa6daadk996pekePb2YVNIgdhHLBBqWmwy+uTFAm6SxzobCjWqzL3OEEjW5qppj9PGbg+0K6
N1caR02baXsnB6CNAgJg24SM2++I5wrTs0PaIvYstUG9nh8A+cUFwpQCxEqrXiTvG6ZmI8ah
Chu6849itMJ6AXM8g5UMH1rwXBJACcCAOHnDukkAWhpevOGsC4AJHbkAjDVdw1YNZpJDn/Ar
5kl2mw+0Muqj3BRPy5wQLL11mpFSOwfF2n5TAu22Nnf+ec2w82ZoxKc498biOag4lJy914F4
f3gTA4vAzf2P5Moum5QVDTyO8ETvo6LcQaZjAYqyLycE93GEQDkDtc0bylANTsrc01d5XhZA
CPnddfoXjIT0QqW2BSEfJRwgmTANIG9kid85JJaCYkLAeVu0p5x6x7D1KD8tDCCiIU0EPFZA
vXkqEFkVLkINEANFgcokRyU0D+IOIRLQsrDqbPTfnNRRLQiVSsNo9xyXMbzReR+jW/1nMti
MORs9+A54zkshJgHgbJALRZSqUHyDtYcopPDqrBEBYBueq7+82C85pLBz+N/1jLoUaE0ceCE02
JzyS0AF0Wx7+3mXvAhICvCp8PnF6Fm+oSryOnBh2uLetXGS9NhrDG0NvrF3UAFvCpqE6/wDh
jPYjVwNssHN5HmpPgzaVYAXkhisA7xGsiPagciRrxjFILuxhRwbHXO8rGEzgJte7Rne/GPxN
Uq3WXrSKHe1CF6uXQZCiaWmpQH01glwhMzUenAOzYZWYgWRDoHtH0ZacG7SeRxiK29IeHMwm
1ICDqI6YKKZImKAONq5oTbiC/VLAIQDuh4AscMxUENaW5o9pN6HLdcqNPIunkPp4y2thDjQA
05IXBaHBS3b0prrihohwB49ZvXeFO6SFs2A66w/5dikbBoUnHPPeSAEAq+DFIUDuLQ/hk29m
SXW8vXYJDBas6GWKxM2tPt0zZ83eVgcno472GkqQB2q55GTaU8tr2tCfRYL1zJCAI7FFfLk8
WktJVRaJiiKpeluXr7OqaDRYH3yZNC4M0vINBDxgS5qAlfqNLAJAJVUwlo76yQrGtRHJVeV
O6O8SKsiJSHzQPtveMvZRLj6SGhzkMoO2TBpD+2Gi2Nh5HBjRbAe3ugDpb4NZsupE2qW1auo
9LuHtGhlnQaN9qrorhoULJ1NPz+rzipgqU8w/kPrA8xoUu1+zAqid/zGSeb/ANxgqr1f+/OE
fxkkfZ86zdEHORmODb2894qcceMluG5MtlPOORASE8LzH384OwGu12HB3B95s/8AcM6BpUoI
784UUV1Sq97T5zXnSCcAQmo+f7YLOG8wCbbxEczneJ3FxDewaN7CamnnKfJtuldVbSnneQp
+fGrRwNuCu8bFtG7CnYoFadMlPi2jabHegXfFONvM2rIV54/TLWWsDDoexBxFDCEf0pV28u
DesOtQrg7RXjg3jeOrzaBZYFVtVj0FokDnzOynjSylGgGldr1caWVW6g6/h/Dj8byvYAvkF9
PGI8pR3u3y94giCrtvw4KtKDogbpJvr8YsTGNC66cRbs6cVz+cfsnp0P+94I8h5xSJj2p4ZM
dDxgT2e0desK1LOsLLbwOnBCixevJ9H+cEe2fDp/nBlbxanD0A3XbeMJCDQVY25IJNzrDXrW
zv3Sa43h9Agmx2r0gJ1b3M5GZI95Iprg+LdzIQ6LYQ0hTSNevC+LSayyhTOJbm8WeQSDpzNF
a65bqXzltAotvlcNMG+gDzvHIBT2FJ1l3GI3MMcUJvoKIT5cVE+jZdQHSvKvvgEM6cQ7IQb4
A4XH4PAQp4Cp603XGAEKYjbjrgAi9b5uTmZw7Gxy6O/OCAjBuAa7wiA7TwvMvHGB0y4wkGG
XGF/IHAaAaLUHnDYdpX5mUMQEYepTbBchV1zgbCJpgcnavrhxq2gp4xUnkDuc/zitsFB2OUa
USZuUAWBkMbMwJodq87Ptc5WT2o4n3HOI9WBKeHQvxjWK1im02HXJNdbw3RqDCIpYCadgm5W
kqFURkDya7kPCgQTW/BX846mRcCmwfTtVeXJQJkFjYncKj4vKzCNOx9bLnFyiSHNKOt/uYE
USWWajQXrND5xTgbAlVXGFuK0D7x+EC4M4G2m67McwzaAe9M413jEdPGGPKLoS4zypQHTNcF
tFNh/wCuD3mtyap2gEDrB4FNG3BseVYXeUKA72YFSkpcOvAl/WDipbABRxtXGDH2SwciBO
hWs5JMwx6ploLOTdh02gI8o9+PWtacAasL4D3g4WC3hgjz4kim7AQI4MLmpzSHuESLTZk8q5
d8jTondUDk0q1KhUJwrl8rhXkA8t83LCpUQGhDrYxy0zKoUejRUL7xWEhRNF5KUjKc7uCuUj
T3+yYqZF4phq+F15B4w+1lkqH7wkqMBxYe16G8hUimB9EMKcG4tmsHRXW/rIKQumEhfaivG+
8CliG+spHgLXeUhsugPORKAet5e/nKKSx4XAQuX3rSciX47YH2J9YCoDbWjsXT5cEBToVJ6R
/N+c4oCINuGfYwL3XCqS38AhK0PVIrIJPmk5QSMEqmOELf4E55VcUxk/yKVQorqJ6yIqd4Bc
jAuR0vOMho7lwQ5uGjytADU6pAoFTggCbQYi+Bk8sxQIRKFYMiR5UG0Meb6Zmoypq6Rg7jGS
EDhoZk27CLiyKRZ1RpaxD0uBWBbwfDouzi+nAcBrwaLDUvgEW411qAAALYrRfA4bVTFECiQU
RNMcyDTWhOwnxhX0iYZNrgNmjzngig2JXnhnOWxnNRug8lmm4r1hcJIagGxR534adZtlHyY
NvZT2ec+eR+hUK1UnKRhALQErXf7ierha9OShiQnfk8OcV6acE22+Mu1rFo7+0zRgYDAaP6/
jGVWltqJa/vB9EkyRNut3RslBXDsVlJlhbVgQsQmARTpFNAUg0OQ4dgJyFi6Js954zSDuy/
FQDCSd+zkHQckIFdsEAKNs8iFsc7g35vRihNBBS7TcqB0CxRDI+8AdeyJbOXSNOriECBpu
dMwtHGF5iTygkLZEKhDy6pNxx2Eg42I+MCIg8KNGOCDyp3sOdVQ6HB5k84luxisVBNjdIAZE
daqubrEHOqFolrpea8GwxD5QAJlDyc4QcG01KpeNAMAEPbRgDQa5/Y46XVVqErmYAiJBl6fi
TzitFV+hwnzjPoSiczFR06+MUaoZzanAy4Q4aCOCNv1fhjvATDXsQcN1VXx3hJBgKUoAoAjN
PwQHuoQQDbBk88Lqg0EGQMgSVmtauLcYogytnV3r840ICuFTQcvq/jvVmifCCrJz3MQbXvM
T+R1L94Y+XIOskgx6evnL4UXnU/cxROvmNjHQYKGePLMnq3E2JGjq+cUKUbiWHE8t7WM1g3

RDelaZ/xxkcQjUYOCgi3694D2rnfzkCoAi/bR82NqigzwQliyaLiRDTrSa2/d/Jm0jxIEdIF
H5yolfwtj/35y8EUdpL58z6y6A1F0R47CJ94NA7bOVJPlfz6ymgxbEOfH7vqbUPDTaw2e+Mt
8Z2qL/ZiCndB9OIk2mucfdAigKJTWt3LwCpHv3kwF6VBij2tT7xQ+R1qWPLoBp8DZLpiAM5C
w8ZW0gQ5yK943NJzzMflwOAAIRUAs4SbMtj6iJRyK8AQO3qeUO8GSWODazbAKANbVNioI5g0
DPsrGTTNGws2dAjdXSzbKC60rTLaVFrL0iGXUVJWn+nwikCCAKSmzQM3j7iSqsIDQBAvEWp
X1oIjQIEIA0px8RSub7rAKvm06vR23oifGj8uiKLyhtCgFqOm5sATxkuRySg1pQLk3ac7Bnj
RDwlALfryywhIcIKOENc9SIGKLAshAYO8S5I5+DtsLRm9eEgzgoa3QrsTEhAFKhAPfb4csAD
KT7ePP6wgx6/oQJdO1+TJWDxVgw3gBINhY4GwbqHU8sUI7b4Y9WIPHPYdwoj5MREITgHryYX
u6C2nHwsemYfVdbBFGpImGCGAVJM7Ds6AaGR86uzJFDtrLc8t1CdDtGiQvQDBipEIHTJYAg
VdM4ELR0hhMCuxeExkIq6xaEl1BBiufTvZCY3iQ0RzaIIYwJ290VZJkIalMQqdZJ0D7x5EB
XUGcvdcrwx9QMgDetAGzmRkfysKFvGgAF0CBhYRJUhCLwEPAHwZORIIQBTliLocBpUpFBsoT
sUAaRhlfRSTC4C14lyhPWYc8xIj5S7uc/rgWlxjGmS9zNHQYVI+kLVtQw15mm8ZvIVGxI4U
wILhFq6UCBsBd4B2nAxk+ArR3gilCCGxHvy+C3NILJLcXffz7xO0GelX/eKFdmmUGryDhPJg
5pJmgStiEfnCmtkTEStoMj5rjKwKjv27+U/ecEMpR6485q2bvToA8+ngxgkMdjkHgbHjDDUI
LmNpya18cTnOAA8LxVDXXhQDUwiSmIPRWrbxBI1kk7ryQ+Wv5wl1ihgNCD07msZt5WVeweh7
aLk0uH/51x9mkmLIYmTu3NBbLDQua4jkPkE6xxWh+dCfkeBkAtEh0PxP3hEYBxSQJ7WB84c
+j4XuHwZqQ4UI0a8gCn5ueGjPDVeITBIBqHQd388d6wAwGlcI4jNQ9RtEuvomWgXRsLaHQkP
rh204ezLCKwS/NbGDAF0OFn71jqR0yzzjLQtITQ0vOFoPtE3ixmRC0PDA2EomCjPBJz7zYS
BpvyriHRDJydPt6xxLQu+p2dD9HvEAbM7weEDB09mkd9Afb+ZjPwKYAX2bO27wREAqrtJ197
wFSOB3yT+RPrNAFNwFZzYaPD2optAsQdjmGI7bmttEnGG7DsXfIJ5bH2yS10PmNXA3FBdzSh
QZyXLZBHxjoSui1G3TE06rjm+Qos2cCbYgmyioFRJSPJbYmCqrtVe18+ckw52ikYUlarjIEB
DX6BAEWydcOKXvyooFPDzzoyx6Rp3kqdcYb+XTTA0j+vjdVq0k3WX24ozkHQA3DgAFZ4xGQU
A3Nffv8Ahw6gojX/AHnNHvUZsrzggUWMREox5w3QxN64wcKNia8s8iI5VGihWvifr95wicDE
56LyXnEpCnhziUwoXk5/Pf8AWApCbrq64fN4ytQZJvKggMHnvpQo7Bv/ALrfOI0m7Q456vII
82DigC+VsSEYPQcAGh0a+E8qXcK/IdzmesD56PhuzReDoYAYrKLdNNGgudpBBkYtnbA651vW
Oz3YkQeBfKliBRILHI4DRYGynQMKwV81KRnQJfCntdm8+FqaKPUCIHOG50pABJDHQIMGqaih
Ve1yInmPwDJNhqDrkYMGb3SSiQrQX+ME5AYiuuK5MNEWUM45RveIC8eRarDeMi8EoFaoeyDI
1vDuPWzIq62bC0MIQU0hdU0EjbdvqRRB6ILYeFzKEWKgDtneFsiChp6+c5C13af+Y/GUBvy
YB1cJwh5+sA6+v0/1/eOq2tI5655uAROaenePA7M5R4eTCB1ooD5pvLNilGkhwaI8AegBLSe
6eekfkWc6ovO3vISUPvHPoNsACqGBfE6SpngurxOzF/Pxi7d1FABYNGNkVuIWSCRC1aOFgdm
hdq4L0qhAF4aIF9QA+WvxIVnXm+SBcd2hN1uMD+wKITTS0pVDQx00lqmjq3t3iffCpZpfkB
zp+0t5INEGZUBmAbQWFtx+OazCCEy+JMV+T/ABEDrKQPCc1MyoQGAIGybTRGcB6jOD8DhDfo
YTY7WwoqLS94DwNiaZN49N45P+DFyC4DdUb+Df1hsQAqnJ/44WhDdB3PeUuISHkpjJuogf384
RYUI7xDC7ybmXuEEFSc5uuSpj43lgomRPeSYI2wSB0h0uWJmYZBqEloNmRbX8kUf6z5cYtnm
kaBkFfITVkuMa5kREHwhNcfUoTA/FWWu+B8c4k3rgKITSU0ho8ITNhJ9tI3KrNKGbNfCgX4Q
KZeP51AYcoh4HrGFRMTWyOqAOzNIsICQ2+cHskiXaUMYAgdFuQC0MQ7cct9od7C+1XfWHhhl
pUHYUHM8Wma2Pgke4SfC3nEH75gyZnlbMPxkdFiILCKHBaKWh1WF1dKrvYcdU0W9wd/HR94u
bPdGN13QHQPf6mI5fj1kO0NPfjE3IETLGhe/rnEVtANAbfVmGqplCJTv8nHY4aLpSHlhyRS
tG6pyca2ZKXmyi81+jHSPjFAKlbnEOQrcUf+8ZzBWG3rf0UKlmoUn/ek937hjt7Sx/aT6ODf
OKcpGKOq8g3kzGQvVBewdu95EeM3MeN4Tw1nqJ5UYXQvA5VpSKsOmiG11LdZWHasFIFRbKxE
MEqNSqq2u97a+d7BoXj4rv8APnBRbG0wVskaK2Cs8KNjowJtfdkzwDQAQADjBlJfcSo5TBij
JXSTnCOvrlKI2iHa95/Ojgy03xTSMXmEVTsRhtH61d3RBO1ecJ60RzVhQRKC4RrBbXYrNHoA
BAADBhVsUA6fnEZzJCF4a8ZXhxKEDo1osv046UQnbpwTVoVEhxlml6l216yMqKyPPjLNdq9Sj
6qwog6Au/Sf971ck3QkIsG6igSRpSwA0GN1uohohdVVC3rAsVj1ZgHyw+Uxqjlth1d3G7LOs
RXvV+8hjIUIJewpweO8A2Ij65BsTzidaQm8V2SbxmEZEdFncDxp85W35/vI+YYDtUMtEPbR+s
jtwF11ZIAPiYJhvaMbgnGi6J0Y51U5GzzANntwsDrsDZZ9MIHb3j8iP2Lin2rlO2rW3dyAKA
NW31cdyl7DQ95pIpB4neQPBiHMAZjcW95vsMWgfpjO4ALW/3iILBrXc/64x3QA/6fz3iogmg
xpXxvgxEdpFUI3Ud54qJXY8OzdGpQOooyYfUzvuCuwwPbeEzo8IAHRhs8T7wIkhsJHkTkWB
5yqylBFVe0qv3g0RsdZr6n7wZM6DQqvjX6/eM507seYWBQrreQuKeOnEKq+FLmq84JwPec
yJzAoZ4TSYtshl8GF6r1rEvjTtyOeD3vFgKTLAd65vjrCbuf9VvDyv0YAGpwOv30+ky4UYvS
fOB2xAG6NH1glVKptfL4+Ms0tkHJ3jUAqI2G/XGDMo2FU2eDW3zjTQniGUEBoiH55X9YxSA8
718H+SQadwCn4yAjSbvLloUleGH1hZUIVbz1LZiF92qXOdxgfNztwOS/Eccf+lxHVPYPpDzB
7Nnhxk77BtXjgKPB7zZCyyM9RHhYHINLDXSKgzR2vWEbF1WPd3z/rHAu96n4eP8RRSok0KFQJV
RhcWC4CZTFAF0eqg5NlvWTSBUiK0t4TIRrdVNraOh4rlOXYHbq5V8OJZrXm+O9Z44gJX+Y8P
tohE9utGEUAN8sDnjGSIQIpFVBrSacWDw5X9/wDmClKDwk0BblAeXMCzxijVqinGLg49sPqn
OlzqG3OgeetP1n/3+QEvO8Dt/GIVHx7YgQx8XnziKDTQnN6MEVR2hQwkaUB+DIwCGhl7rLOd

kM9qJCTSR9REEReVtxS9RrRFdgE74Wq+IvMD0noSUIBDeB9SMiUGmjV44xVyFY8QLbZaGy25
uXMre+987n55MTijbVIhaQQPPHRgWje1P14xadDdJIzVSPrgidCYY5eI0xB1b7As2+ef3QqZ
uYK8cFPy/PQyHHJOTgScvGLQNOAn7Y2znesPltNeJy4M4eP1iEWlbogB5ta64xFtDoVyOHag
B28YLIApV2PvOCW+BxOskqsGQzQsTit/K9YRahB4Hl/WX/xlOw1oR/Oe8AuV3tZ+vjdDh6Kv
rAmvIBHQ3jNiub474xyvIPnHdKJ2o/ziZ5voHLnuSebqR6sjzhJ06VJhBehh5AyvTh3IUgxv
jFEAo1TT08Df4Dw4GOIBFm/B+/056/j5C/OwtFu+N843kCFHMHaEHQsdVpA5fDERiaamdese
4MALesHjAkAIUwMJalyaCXZNihE9X/I4DDNecFAJsE08hgHgdHr7xYg+HvFUZ8H5E5yYQeiC
8h5e12/4BZ1inLlxiAk4NH5w/wAcmSBA0948/f8A+hEYwBQjQvFwbHXr2adivuya7zYhlil0
+MAE8v8ALjz/AII+wJ/WGiZUqzR+gPrLrOPCSFOPfpfnDRM4vnCxLUPh/nc0UfAUFR3xIXU2
fkuPLCp4Qc1mg8z/P8A/9k=